

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А

Е. Б. ДЗАПАРОВА

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ
ТЕКСТОВ**

Владикавказ 2014

ББК 83.07

Рекомендовано к печати Учёным советом
ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Дзапарова Е. Б. Художественный перевод в осетинской литературе: проблема адекватности переводных текстов: монография / Е.Б. Дзапарова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 312 с.

ISBN 978-5-91480-219-3

Рецензенты: доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
Р.Я. Фидарова;
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
Д.В. Сокаева

Книга посвящена некоторым аспектам теории и практики художественного перевода в осетинской литературе. Автором рассматривается переводческий процесс в осетинской литературе с конца XVIII до 30-х гг. XX в., анализируются художественные переводы некоторых лирических и прозаических произведений осетинской и русской литературы. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов выявляется степень адекватного отражения в переводе формальной и содержательной сторон оригинала, прослеживается передача национально-культурной специфики и прагматики исходного текста.

ББК 83.07

ISBN 978-5-91480-219-3

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014

© Дзапарова Е. Б., 2014

ВВЕДЕНИЕ

Среди наименее изученных проблем современного осетинского литературоведения являются проблемы теории и практики художественного перевода. Нет специального исследования, в котором прослеживался бы процесс становления и развития художественного перевода в осетинской литературе. Имеющиеся монографические исследования касаются преимущественно перевода поэтических произведений русских и осетинских писателей¹. В этом смысле представляется очевидной необходимость исследования особенностей художественного перевода прозаических текстов.

Между тем перевод как фактор социальной и духовной культуры составляет существенный пласт в каждой национальной литературе. Без переводческого процесса невозможно развитие и движение национальной и мировой культуры. В то же время без зарождения и развития культуры невозможен факт существования перевода.

Термин «перевод» в своей основе имеет различные подходы и значения. Традиционно «перевод» — вид сложной речевой деятельности человека — рассматривают: как процесс создания продукта переводческой деятельности и конечный результат этой деятельности — продукт (текст или устное высказывание)².

---

¹ К е л е х с а е в а Л. Б. А. С. Гулуев и традиции русской поэзии. К 100-летию со дня рождения. Владикавказ: Алания, 1993. — 188 с.; Д з а х о в И. М. О переводах «Осетинской лиры» Коста. Владикавказ: Ир, 1996. — 160 с.; Ч и б р о в а М. Л. Художественный перевод и проблема национального колорита (на материале русских переводов осетинской поэзии второй половины XX века). Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. Владикавказ, 2006. — 156 с.; Б о ц и е в а Ф. А. Проблема сравнительно-типологического анализа осетинской поэзии 60-80-х годов XX века: Монография/Учреждение РАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГ-СИ, 2009. — 176 с.

² Н е л ю б и н Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2003. — С. 112.

В истории перевода существовали следующие методы для передачи иноязычного текста: буквальный (дословный), вольный (свободный), эквивалентный или адекватный. Буквальным переводом переводились преимущественно религиозные тексты, так как от переводчика требовалась точность в передаче формы оригинала. Для приверженцев принципа копирования текста ведущую роль играл формализм как единственно верный путь для интерпретации подлинника. Странников этого способа отражения оригинала нашлось немного, так как при буквальной или дословной передаче исходного текста в переводе снижается его художественная ценность. Об этом пишет известный переводчик и литературовед Г. Гачечиладзе: «Везде, где мы имеем дело с дословным переводом, где игнорируется творческое начало, превращая этим переводчика в раба слова подлинника, снижается и уменьшается не только художественная ценность перевода, но и искажается представление о подлиннике, утрачивается его существенная сторона — художественно-эмоциональная сила»³.

Эпоха классицизма ознаменовалась установкой на противоположный буквальному — вольный перевод. Переводчик стремился отразить не смысл отдельных слов, грамматическую конструкцию подлинника, а передать смысл целого. При этом переводчиком допускалось немало ничем не оправданных отклонений, ошибок, добавлений. Можно обосновать это тем, что подобный перевод «был результатом низкой классификации переводчика, но порой он мог быть следствием отсутствия должного уважения к переводимому тексту и нетребовательности к качеству перевода со стороны переводчика и читателей»⁴. В конечном счете вольность грешит потерей национальной специфики, индивидуальных особенностей подлинника и авторского лица.

---

³ Г а ч е ч и л а д з е Г. Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. — С. 157.

⁴ К о м и с с а р о в В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2004. — С. 85.

И только адекватность в переводе считается высшим проявлением художественного мастерства, умения, таланта переводчика, охватывающую его языковую среду и художественную целостность. Ценность адекватного перевода подтверждается многими учеными-переводоведами⁵. Одной из основных задач переводчика художественного произведения, по их мнению, является стремление к адекватности. Однако каждый по-своему определяет границы *адекватности* или *интерлингвальности* (адекватная передача содержания и формы в их единстве) перевода. Автор многочисленных работ по переводоведению В. Н. Комиссаров утверждает: «Адекватным переводом называется перевод, который удовлетворяет всем указанным требованиям и, в первую очередь, поставленной прагматической задаче. В нестрогом употреблении адекватный перевод — это просто «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды участников межъязыковой коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода»⁶. Также исследователь подчеркивает, что адекватный перевод должен быть эквивалентным (на том или ином уровне), но не всякий эквивалентный перевод будет адекватным⁷.

А. В. Федоров «адекватность» понимает как полноценность и точность художественного перевода. «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стили-

---

⁵ Л и л о в а А. Введение в общую теорию перевода/Под общ. ред. П. М. Топера. М.: Высшая школа, 1985. — С. 43; Текст и перевод/В. Н. Комиссаров, Л. Я. Черняховская, Л. К. Латышев и др./Отв. ред. А. Д. Швейцер; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. — С. 44; Ш в е й ц е р А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты; отв. ред. В. Н. Ярцева; Академия Наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. — С. 93; Т о п е р П. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. № 6. — С. 190.

⁶ К о м и с с а р о в В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2004. — С. 147.

⁷ К о м и с с а р о в В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. — С. 76.

стическое соответствие ему»⁸. Это определение подтверждает главное в художественном переводе — наличие творческого начала.

Для Г. Гачечиладзе единственно верный, адекватный перевод — реалистический, подразумевающий верность художественной действительности подлинника⁹. Свою теорию он обосновал философски. В основе понимания перевода грузинского теоретика лежит принцип реалистичности, как высшего достижения переводческого искусства. Он рассматривает оригинал как художественную действительность, которую следует отразить в произведении реалистически, т.е. перевод предполагает воссоздание подлинника в единстве его содержания и формы. Под художественной действительностью Г. Гачечиладзе подразумевает «живую действительность, опосредованную подлинником, облеченную в художественную форму автором переводимого произведения, воплощенную в художественное целое, в единство формы и содержания. В творческом процессе перевода, — пишет он дальше, — художественная действительность стоит перед переводчиком как совокупность явлений живой действительности, отраженных в подлиннике глазами автора и поэтому обусловленных его мировоззрением, но имеющих уже свою объективную ценность, состояние самостоятельного объективного явления»¹⁰. И задача переводчика — *объективно* отразить предмет познания (оригинал) *в единстве его формы и содержания*. Без знания и осмысления реальной действительности, о которой идет речь в оригинале, немислим никакой перевод. Переводчик, работающий сознательно, должен верно истолковать исходный художественный текст, действительность, стоящую за

---

⁸ Федоров А.В. Основы общей теории перевода: учебник для вузов. Изд. 5-е, перер. и дополн. М.: Изд. Дом «Филология три», СПб: Филологич. ф-т СПбГУ, 2002. — С. 173.

⁹ Гачечиладзе Г.Р. Вопросы теории художественного перевода. Тбилиси, 1964. — С. 101.

¹⁰ Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. — С. 130.

ней, и отобразить ее в художественных образах собственными творческими методами. В подборе метода, манеры, стиля отражения оригинала проявляется мировоззрение, творческое мышление переводчика.

Один из первых теоретиков художественного перевода в осетинской литературе И. В. Джанаев (Нигер) в своей работе «О принципах художественного перевода и переводы «Интернационала» на осетинский язык» единственным принципом перевода определяет адекватность или равноценность оригиналу¹¹, предъявляющим к переводчику определенные требования: обогащение словаря, знание в совершенстве двух языков, соблюдение синтаксических законов родного языка и согласование их с синтаксическими формами оригинала, усвоение стиля переводимого произведения, тщательное изучение образов, типов сравнений, особых приемов, свойственных переводимому автору¹². Автор многочисленных работ по теории художественного перевода Н. Джусойты¹³ принцип адекватности переводного текста оригиналу считает бесспорным в деле

---

¹¹ Джанаев И. В. О принципах художественного перевода и переводы «Интернационала» на осетинский язык // НА СОИГСИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 96. — Л. 7; Нигер. Цыу аив тæлмац æмæ куыд ивд у ирон æвзагмæ «Интернационал»? Уырыссаг æвзагæй Гуыттыаты Хъ. тæлмац // Нигер. Уацмысты æххæст æмбырдгонд. Æртæ томай. 3-аг том. Дзауджыхæу: Ир, 1968. — Ф. 22.

¹² Джанаев И. В. О принципах художественного перевода и переводы «Интернационала» на осетинский язык // НА СОИГСИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 96. — Л. 7-10.

¹³ Джусойты Н. Г. Все сущее увековечить // Литературное обозрение. 1983. №8. — С. 36-41; Джусойты Н. Г. В их собственном виде // Вопросы литературы. 1979. № 5. — С. 76-79; Джусойты Н. Г. Исправительный перевод? // Дружба народов. 1979. №6. — С. 265-268; Джусойты Н. Г. Мера совершенства (переводного произведения оригиналу и совершенство его воспроизведения в материале другого национального языка) // Вопросы литературы. 1978. № 10. — С. 4-26; Джусойты Н. Г. Несколько наболевших вопросов // Дружба народов. 1978. №11. — С. 256-264; Джусойты Н. Г. Обманчивая прелесть «игры без правил». Перевод поэзии, поэзия перевода. [О стихотв. К. Кулиева «Лунная ночь» в пер. Б. Ахмадулиной] // Литературная газета. 1972. 22 ноября. — С. 4; Джусойты Н. Г. О мудрости и предрассудках переводчика // В мире книг. 1978. №12; Джусойты Н. Г. Художественный перевод и взаимодействие литератур // Вопросы литературы. 1979. № 5. — С. 3-82.

таланливых переводчиков, которые «...должны добиваться максимально возможной близости к подлиннику и совершенства поэтического перевыражения произведения средствами родного языка»¹⁴.

В качестве объекта нашего исследования выступает самый характерный и распространенный, но в то же время наиболее сложный вид перевода — художественный. Под художественным переводом Г. Гачечиладзе понимает: «Вид художественного творчества, где оригинал выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность... Художественный перевод есть форма художественного творчества, в нем проявляется мировоззрение и метод переводчика, его творческая индивидуальность, национальная специфика и перевода, и подлинника»¹⁵.

В теории переводоведческого знания художественный перевод выступает «важнейшим источником развития эстетической мысли и чувств человека, его связей с достижениями национальных литератур и мировой художественной культуры»¹⁶. Это поле, где взаимодействуют разные национальные литературы. Художественный перевод является могучим орудием культурного сближения народов, духовной необходимостью, основой идейного и художественного единства, взаимообогащения литератур. Именно в художественном переводе наиболее полно проявляется талант переводчика, умение подбирать не только языковые соответствия для воспроизведения оригинала на своем языке, но и лучших художественных элементов и средств. Одной из главных задач, стоящих перед переводчиком художественного текста, — правильно понять содержание переводимого текста и передать *семиотический инвариант*, художественно-эсте-

---

¹⁴ Дж у с о й т ы Н. Г. В их собственном виде // Вопросы литературы. 1979. № 5. — С. 78.

¹⁵ Г а ч е ч и л а д з е Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. 2-е изд. М., 1980. — С. 149-150.

¹⁶ К а с с и е в Э. Ю. Проблемы художественного перевода дагестанской поэзии. Махачкала, 1994. — С. 4.

тические достоинства оригинала средствами родного языка. Но не следует забывать и о передаче «духа» переводимого произведения, о сохранении творческой личности писателя. «Переводчик должен уметь создавать новый литературно-художественный текст, полностью используя все богатства родного языка, свободно выбирая самое нужное, самое подходящее, самое верное»¹⁷. Степень проявления таланта переводчика зависит от используемого им творческого метода и типа перевода.

Художественный перевод просвещает, образовывает людей и в этом заключается его *познавательно-просветительская функция*. Эта функция приобретает большее значение, когда перевод осуществляется с развитого литературного языка на язык, пока еще недостаточно или не полностью развившийся. Знакомство с писателями других народов расширяет умственный кругозор нации, вносит свежие элементы в язык. Н. Г. Чернышевский утверждал: «Переводная литература у каждого из новых европейских народов имела очень важное участие в развитии народного самосознания, <...> в развитии просвещения и эстетического вкуса»¹⁸.

Художественный перевод приобретает *принципиальное* значение для литератур так называемых малочисленных народов. Перевод для них «стал насущным хлебом, школой мастерства, источником зарождения новых оригинальных жанров, прежде всего — прозы и драматургии»¹⁹. Огромное просветительское значение художественный перевод имел и для осетинской литературы. Весомый вклад в становление и развитие очень молодой литературы осетинского народа внесли первые переводчики, познакомившие читателя с сокровищами русской и зарубежной литературы. Благодаря переводам

---

¹⁷ Г а ч е ч и л а д з е Г. Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. — С. 116.

¹⁸ Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г. Сочинения: в 15 т./Под общ. ред. В. Я. Кирпоткина и др. М.: Художественная литература, 1950. Т. 5. — С. 503.

¹⁹ Р о с с е л ь с В. М. Сколько весит слово: статьи. М.: Советский писатель, 1984. — С. 14.

осетинский читатель познавал неведомый ему мир, открывал для себя много неизвестного.

Актуальность темы исследования определяется возросшим интересом современной филологической науки к диалогу культур и переводу как феномену межкультурной коммуникации. Изучение переводческого наследия авторов расширит наши представления о процессах, происходивших в русской и осетинской литературе, о взаимодействиях национальных культур.

В монографии прослеживаются истоки и становление переводческого процесса в осетинской литературе, рассматривается переводческая деятельность первых просветителей, анализируются переводы С. Мамитова («Песня о Соколе» М. Горького), Х. Цомаева («В абреки» А. Цаликова, «Песня о Буревестнике» М. Горького, «Герой нашего времени» М. Лермонтова). В работе дается обзор переводческой деятельности Ц. Амбалова, Б. Зангиева. Нами впервые сделана попытка анализа некоторых переведенных текстов, выявлены не только положительные их стороны, но и недостатки, упущения. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов проанализирована передача компонентов национального колорита, прослежены способы отражения в переводе стилистических особенностей, этнонациональной специфики оригинала.

Охватить все вопросы художественного перевода в рамках одного исследования невозможно. Мы ограничились анализом прозаических и поэтических переводов некоторых произведений как с осетинского на русский, так и с русского на осетинский язык. Эта лишь часть предполагаемого в дальнейшем исследования, раскрывающего общие и закономерные процессы эволюции художественного перевода в осетинской литературе.

Объектом исследования послужили переводная церковная литература, оригиналы и переводы произведений русских (А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Горького) и осетинских

(С. Гадиева, А. Цаликова, К. Хетагурова, А. Коцоева, Н. Джусойты, Т. Джатиева, М. Цагараева, М. Булкаты, Д. Мамсурова) писателей.

Автор в своей работе ставил целью рассмотреть переводческий процесс в осетинской литературе с конца XVIII до 30-х гг. XX века, а также проанализировать художественные переводы некоторых лирических и прозаических произведений осетинской и русской литературы, выявить степень адекватного отражения в переводных текстах семантики и прагматики подлинников.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

— рассмотреть процесс становления и формирования переводческого дела в осетинской литературе;

— провести сравнительно-сопоставительный анализ некоторых переведенных с русского на осетинский и с осетинского на русский язык художественных произведений;

— на материале переведенных текстов проследить основные принципы, которым следовали переводчики в своей работе;

— выявить сходства и расхождения разноязычных текстов, проследить степень их формального, смыслового, коннотативного соответствия.

Исследование базируется на сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и перевода. Данный метод анализа позволил выявить данные о степени близости их содержания, структуры, способах достижения адекватности переводного текста и многих других существенных характеристиках переводческого процесса.

Методологической и теоретической базой исследования послужили труды известных российских ученых, посвященные проблемам теории и практики художественного перевода. Это работы: Г.Р. Гачечиладзе, А.В. Федорова, В.Н. Комиссарова, В.М. Россельс, Л.С. Бархударова, В.В. Ивашина, С. Влахова, С. Флорина, Л.Л. Нелюбина, Г.Т. Хухуни, В.С. Виноградова,

Ю.Л. Оболенской, В.В. Сдобникова, О.В. Петровой, Н.К. Гарбовского, Е.А. Огневой и др. Ценным материалом для написания книги послужили труды северокавказских исследователей: Б.А. Алборова, Х.Н. Ардасенова, З.М. Салагаевой, И.М. Дзахова, Н.Г. Джусойты, Э.Ю. Кассиева, Л.К. Гостиевой и др.

Проведенное исследование поможет уточнить некоторые аспекты теории и практики литературоведческого изучения прозаического текста в переводе, а также послужит основой для дальнейшего изучения теории и практики художественного перевода в осетинской литературе. Выводы и примеры могут быть использованы преподавателями и студентами на занятиях по теории перевода, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике художественного перевода.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1-ОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

1.1. У ИСТОКОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первые переводы на осетинский язык появились в конце XVIII — 1-й половине XIX века. Началом осетинской переводной литературы следует считать первую печатную книгу «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания», вышедшую в 1798 году в Синодальной типографии в Москве на основе церковно-славянской графики. Книга представляла собой краткий катехизис и содержала в себе «параллельно с церковно-славянским текстом и его перевод на осетинский язык»²⁰. Большинство исследователей приписывает авторство перевода председателю Осетинской духовной комиссии в Моздоке Гаю (Гайозу) Токаову и священнику Павлу Генцаурову²¹. Об особенностях языка книги и его перевода Ардасенов Х. Н. пишет следующее: «Перевод текста буквальный, без учета особенностей осетинского языка, построение предложений сложно и трудно для понимания, азбука примитивна и неточна. Все это снижает ценность

---

²⁰ Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. — С. 18-19.

²¹ М. Джанашвили, М. Тотоев, В. Мачарадзе, Б. Бигулаев автором перевода «Начального учения...» называют Г. Токаова. В противовес им Б. Алборов доказывает, что переводчиком был П. Генцауров, а Г. Токаов лишь составителем азбуки и редактором книги. Точку зрения Б. Алборова поддерживает и З. М. Салагаева, считая, что именно П. Генцаурову принадлежит перевод катехизиса на осетинский язык, а Гайоз (Гай Токаов — Е. Д.) был лишь его соучастником в переводческом деле, подготовил его к печати и добился издания.

книги, не говоря уже о ее христианско-проповедническом содержании.

Тем не менее она небезынтересна и имеет известное историческое значение как первая печатная книга, как первый камень в фундаменте осетинской письменности, созданной на основе русской графики. Она является как бы порогом, через который должен был перешагнуть и перешагнул осетинский народ из бесписьменного, по существу, периода в письменный период развития своей культуры.

Первая осетинская книга имеет также и историко-лингвистическое значение. Она отражает некоторые фонетические особенности осетинского языка того времени. С точки зрения историко-сравнительного изучения небезынтересен ее словарный фонд, терминология»²².

Большой вклад в изучение истории первой печатной книги внес Б. Алборов. Ему принадлежит авторство работ «Первая печатная осетинская книга», «Новое в истории изучения первой печатной осетинской книги 1798 г.». О содержании «Начального учения... Алборов пишет: «...книга содержит самую примитивную по методу азбуку, краткий катехизис, молитвы и заповеди, переведенные на осетинский язык, с параллельным русским текстом и с применением к звукам осетинского языка графики русско-славянского того времени...»²³. В работе Алборова указываются графические, фонетические, морфологические, синтаксические особенности языка указанной книги²⁴. Недостатки и некоторые ошибки, содержащиеся в книге, а именно «много неправильных переводов и неправильно, в духе русского

---

²² Ардашенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. — С. 19.

²³ Алборов Б. А. Новое в истории изучения первой печатной книги (осетинской) 1798 г. // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Лит.). Оп. 1. Д. 218. — Л. 81.

²⁴ Алборов Б. А. Первая печатная осетинская книга // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии: статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. Орджоникидзе: Ир, 1979. — С. 20-35.

языка, построенных синтаксических конструкций вроде начала молитвы «Отче наш», «Фид мах, кæци да æрвты мидаг Сыгъдаг уæд дæ ном...» несколько не принижают ее значение в истории осетинской письменности, так как она являлась «хорошим источником для изучения фактов осетинского языка времени перевода книги...»²⁵. Просветительское значение печатного издания подчеркивается исследователем З.М. Салагаевой: «Пусть книга эта была подчинена интересам церкви, но значение ее выходит за пределы религиозных задач. Отсюда начинается письменность на основе церковнославянской графики, осетинская книжность, ставшая нам известной. Отсюда начинаются русско-осетинские литературные связи»²⁶. Ценность данной книги, по мнению Салагаевой, заключалась и в том, что «здесь впервые было представлено осетинское повествование, хотя и церковное, но книжное, впервые прозвучала проза на осетинском языке... Осетины сразу получили на своем родном языке целый комплекс новых понятий религиозного, нравоучительного и философского характера, новые географические названия»²⁷.

Дальнейшее развитие переводной литературы связано с именем Ивана Ялгузидзе. В основном ему принадлежат переводы на осетинский язык деловых документов и агиографической литературы с русского и грузинского языков. Часть церковных книг в переводе И. Ялгузидзе была издана, часть — осталась в рукописи²⁸. С использованием грузинского письма хуцури Ялгузидзе на осетинском языке издал: «Осетинскую азбуку», «Чин божественной литургии»,

²⁵ А л б о р о в Б. А. Новое в истории изучения первой печатной книги (осетинской) 1798 г. // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Лит.). Оп. 1. Д. 218. — Л. 81.

²⁶ С а л а г а е в а З. М. От Нузальской надписи к роману: проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. — С. 157.

²⁷ Там же. — С. 158-159.

²⁸ А р д а с е н о в Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. — С. 57.

«Молитвы вечерние и утренние», «Краткую священную историю с катехизисом», «Последования крещения, миропомазания, обручения, венчания и погребения». Все книги изданы с параллельным грузинско-осетинским текстом²⁹.

Но И. Ялгузидзе известен в первую очередь как переводчик «Евангелия» с грузинского языка на осетинский. Ценен переводческий труд Ялгузидзе своим предисловием. Церковный переводной осетинский текст сопровождался небольшим вступлением. В нем И. Ялгузидзе в привычной для предисловия форме обращается к народу. «В центре предисловия Ивана Ялгузидзе, — пишет З. М. Салагаева, — судьба осетинского народа. Писатель рассказывает о том, как он готовил себя к тому, чтобы принести пользу своим соотечественникам: проявлял настойчивость в постижении знаний, в переводе священных книг на осетинский язык...

Предисловие И. Ялгузидзе к евангелию — это страстная мечта писателя о просвещении родного народа, это гимн книге, разуму, труду»³⁰. Автор констатирует, что с именем Ивана Ялгузидзе связано возникновение ораторской прозы на осетинском языке³¹.

Значение трудов Ялгузидзе огромно. Как пишет Х. Н. Ардасенов: «Переводя церковные книги на осетинский язык, И. Ялгузидзе не только и не столько старался распространять христианскую религию, сколько заботился о распространении письменности, грамоты среди своих соотечественников»³².

Дело И. Ялгузидзе на поприще перевода церковно-богослужебных книг продолжили священники Григорий Мжед-

---

²⁹ А л б о р о в Б. А. Грузинское письмо с половины XVIII века // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 1. — Л. 76.

³⁰ С а л а г а е в а З. М. От Нузальской надписи к роману: проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. — С. 173.

³¹ Там же. — С. 172.

³² А р д а с е н о в Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. — С. 57.

лов³³, Архимандрит Иосиф (Иван Чепиговский), Алексей (Аксо) Колиев, Даниил Чонкадзе³⁴, Василий Цораев³⁵, Михаил Сухиев³⁶, Соломон Жускаев³⁷, Алексей (Аксо) Аладжиков³⁸, Георгий Караев³⁹, Георгий Кантемиров, Алексей Гатуев, Косьма (Кудзаг) Токаев. Так, протоиерей Косьма Токаев принимал участие в работах переводческой комиссии по исправлению богослужебных книг. Как пишет Л. К. Гостиева: «Вместе с осетинскими священниками М. Сухиевым, А. Цаликовым, Н. Дзампаевым, о. К. Токаев входил в состав особого Цензурного комитета, созданного во Владикавказа»

---

³³ Григорий Мжедлов перевел на осетинский язык «Псалтырь». В 1848 году издал свой труд «Стыды чыныг кæнæ Псалтир» — «Книга хвалений или Псалтырь». Перевел на осетинский язык «Евангелие».

³⁴ Даниил Чонкадзе с грузинского на осетинский язык перевел «Литургию святого Иоанна Златоуста» — «Сыгъдæг сызгъæринджын Иоанейы литургия».

³⁵ Василий (Ельдзарико) Афанасьевич (Ходзиевич) Цораев (1827-1884), как указывает Б. Алборов, вместе с архимандритом Иосифом и протоиереем А. Колиевым занимался переводом церковно-богослужебных книг. Перевел на осетинский язык «Соборные послания святого апостола Петра». В 1862 году в г. Тифлис в переводе на осетинский язык В. Цораевым выходит книга «Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна Богослова и Иуды». Язык переводов Цораева признан хорошим.

³⁶ Уроженец села Ардон Михаил (Уба) Гаврилович Сухиев (Сухов) в свое время был председателем Цензурного комитета по переводу церковно-богослужебных книг на осетинский язык. Сам переводил церковные книги на осетинский язык. Как указывает Б. А. Алборов, вместе с Аладжиковым принимал участие в переводе «Евангелия от Иоанна» Мжедловского издания. М. Сухиев вместе с архимандритом Иосифом и священником А. Колиевым, диаконом А. Аладжиковым, учителем С. Жускаевым немало потрудились над переводом на осетинский язык «Литургии Иоанна Златоуста».

³⁷ Священником Соломоном (Тасо) Биаслановичем Васильевичем Жускаевым (Дзусовым) на осетинский язык переведены следующие книги: «Службы в первый день св. Пасхи» — «Пасхайы фыццаг боны аргъуд», «История Ветхого и Нового завета», «Службы воскресной и праздничных». Участвовал в переводе и исправлении «Евангелия от Матвея».

³⁸ Алексей (Аксо) Аладжиков переводил на осетинский язык каноны и молитвы, принимал участие в переводе «Евангелия».

³⁹ Георгий Караев также входил в состав Комитета по переводу на осетинский язык церковно-богослужебных книг, вместе со священниками А. Колиевым, М. Сухиевым, А. Аладжиковым, С. Жускаевым участвовал в исправлении перевода «Евангелия» на осетинский язык, сделанного Г. Мжедловым.

зе для перевода на осетинский язык священно-церковных и учебных книг. Члены комитета осуществляли цензуру, оказывали практическую помощь переводчикам, сами перевели на осетинский язык ряд книг и учебных пособий. Они помогали епископу Владикавказскому Иосифу при издании составленных им катехизических поучений (1878 г.), краткой параллельной грамматики русского и осетинского языков (1879 г.), священной истории Ветхого и Нового завета (1881 г.) и многих других богослужебных книг»⁴⁰.

Заметный вклад в работу по переводу богослужебной литературы внесли Архимандрит Иосиф и Алексей (Аксо) Колиев.

В 60-70-е гг. XIX века из печати выходит целый ряд церковных книг в переводе с русского на осетинский язык, осуществленном епископом Владикавказским и Моздокским Иосифом (1821-1890). Для новой зарождающейся литературы, для осетинского языка такие труды епископа, как «Краткая параллельная грамматика русского и осетинского языков», «Русско-осетинский словарь», «Осетинско-русский букварь», сыграли свою положительную роль. Под его руководством часть осетинского духовенства публиковала на родном языке переводы книг религиозно-нравственного и миссионерского характера. Более того, Архимандрит Иосиф выступил с инициативой создания Комитета для перевода на осетинский язык священно-церковных и учебных книг. Предлагал включить в состав Комитета опытных, превосходно знающих осетинский язык, людей, а именно: священников Алексея Колиева, Михаила Сухиева, дьякона Алексея Аладжикова и учителей Соломона Жускаева и Георгия Караева. В 1860 году по распоряжению экзарха Грузии Евсевия была образована Комиссия для перевода церковной литера-

---

⁴⁰ Г о с т и е в а Л. К. Протоиерей Косьма Токаев: миссионер, просветитель, педагог, этнограф // Известия СОИГСИ. Вып. 3 (42). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. — С. 36.

туры на осетинский язык. В первоначальный состав были включены учителя В. Цораев и Г. Кантемиров. Между этими членами переводческой комиссии архимандритом Иосифом был распределен материал для перевода следующим образом: 1) *А. Колиеву* из тревника — Последования св. Крещения, погребения мирских человек и младенческого, венчания; 2) *М. Сухиеву*: а) Последование, како приимати к православной вере приходящих от магометан; б) Часослов; 3) *А. Аладжикову*: а) Канон и молитвы к святому причащению; б) службу пасхальную; 4) *В. Цораеву*: а) Службы на Рождество господа спасителя нашего Иисуса Христа; б) Службы на Святое Богоявление; 5) *С. Жускаеву*: а) Службу на Рождество пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии; б) на Благовещение Пресвятой Богородицы; в) на Успение; 6) *Г. Караеву* — Службу воскресную 6-го гласа; 7) *Г. Кантемирову* — Службу св. великомученику Георгию; 8) *Св. Маркозову* — Службу св. пророку Илии⁴¹. Многие из перечисленных переводов были изданы.

Успехи Комиссии в переводе богослужебной литературы⁴² повлекли за собой потребность в появлении новых переводов. Так, как пишет Б. Алборов, генерал-майор Бартоломей проводит в Совете Общества восстановления православия⁴³ предложения о том, чтобы Владикавказский

---

⁴¹ Распоряжение Иосифа приходам от 29/V/1860 г. // Цит. по: Первые памятники осетинской письменности // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 1. — Л. 217.

⁴² См.: Г о с т и е в а Л. К. Церковно-переводческая деятельность духовенства Осетии // Дагестанская литература: история и современность. Вып. V. Махачкала, 2010. — С. 239-243.

⁴³ Общество восстановления православного христианства на Кавказе возникло в г. Тифлисе в 1860 году. Главной целью Общества было распространение христианской веры среди осетин. Для этой цели строились новые церкви, учреждались церковно-приходские школы, на осетинский язык переводилась священная литература. В задачи Общества входила подготовка священнослужителей из самих осетин. Немалая заслуга в этом деле принадлежит управляющему осетинскими приходами архимандриту Иосифу (Ивану Чепиговскому).

комитет занялся и переводом книг Бытия, Царств, пророка Исаии и Иова с русского текста. Предлагалось заняться этим делом Колиеву, Аладжикову, Сухиеву и Жускаеву, а учителю осетинского языка Тбилисской семинарии В. Цораеву намечено было перевести Послания св. апостола Павла⁴⁴.

Большое внимание уделял Иосиф переводам на осетинский язык богослужебной литературы, так как считал, что именно таким образом будет укрепляться и распространяться христианская вера среди осетинского народа. «Все это дает мне, — писал Иосиф в 1861 г., — приятный случай еще раз заявить и подтвердить настоятельную нужду и пользу перевода на осетинский язык книг богослужебных. Осетины так внимательны и понятливы, что по прочтении им по-осетински один раз молитвы какой-либо они общим голосом повторяют тот час почти слово в слово и даже сами объясняют смысл некоторых выражений»⁴⁵.

Архимандрит Иосиф и сам занимался переводами церковно-богослужебных книг. Изучивший осетинский язык, участвовал в исправлении перевода «Литургии Иоанна Златоуста» Д. Чонкадзе. Помимо «Краткой параллельной грамматики русского и осетинского языков», «Русско-осетинского словаря», «Осетинско-русского букваря», Иосиф издал на осетинском языке «Краткую священную историю Ветхого завета», «Священную историю церкви Божией Нового Завета», «Служебник. Воскресная служба из октоиха 1-го гласа с приложением, на своих местах, эктений и молитв из служебника»⁴⁶, «Молитву благодарственную по

---

⁴⁴ Отношение от 26/III/1862 г. №253 — архив Владикавказской Осетинской церкви // Цит. по: Первые памятники осетинской письменности // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 1. — Л. 217.

⁴⁵ П о п о в И. Преосвященный Иосиф, Епископ Владикавказский (1821-1890 гг.). Киев, 1902. — С. 43. Цит. по: Первые памятники осетинской письменности // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 1. — Л. 220.

⁴⁶ Г о с т и е в а Л. К. Роль епископа Владикавказского Иосифа (Чепиговского) в развитии христианского просвещения осетин // Диалог культур как со-

святому причащению» (приложена в конце «Литургии Св. Иоанна Златоуста»), «Требник» («Чырыстон аргъуыдты чыныг», 1864 и 1870 г.).

Значительный вклад в просвещение своего народа, перевод и издание книг на осетинском языке внес видный общественный деятель Алексей (Аксо) Виссариевич Колиев (1822-1866)⁴⁷. «Личность Аксо Колиева, — пишет Л. А. Чибиров, — явление значительное в истории осетинского народа. Без преувеличения его можно назвать первопроходцем среди осетин и на ниве религиозно-нравственного воспитания масс и в просветительской деятельности. В лице Аксо Колиева на общественно-политическую арену в середине XIX века выступил человек, который с высоко поднятым факелом повел народ за собой к просвещению и духовному возрождению»⁴⁸.

Аксо Колиев известен не только как поэт, просветитель, педагог, священник, но и как превосходный переводчик. Перевел на осетинский язык «Акафист сладчайшему Иисусу» (в стихах), «Акафист Божьей Матери» (в стихах), «Мах фыд» (осталась в рукописи)⁴⁹ и прочие молитвы⁵⁰. Колиев также

циальный императив межнационального взаимодействия. Материалы Международной научной конференции/Сев-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова; Влад. науч. центр РАН и Правительства РСО-А; сост. З.Х. Тедтоева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. — С. 172.

⁴⁷ См.: Колиев Аксо — первый осетинский просветитель // НА СОИГСИ. Ф. Бадиева А. С. Оп. 1. Д. 84; Колиев Аксо // НА СОИГСИ. Ф. 44 (лит.). Оп. 1. Д. 7; Колиев Аксо // НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 217; Г а е д и а т ы С. Колыты сауджын Аксойы тыххæй цыбыр дыууæ ныхасы // Мах дуг. 1993. №5-6. — Ф. 77-79.

⁴⁸ Ч и б и р о в Л. А. Выдающийся просветитель. Жизнь и деятельность А. Б. Колиева // Аксо Колиев/Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Алания. — С. 4.

⁴⁹ НА СОИГСИ. Ф.19. (Алборова Б.А.). Оп.1. Д.217.

⁵⁰ Как свидетельствуют архивные источники, А. Колиев перевел: «Последования св. крещения и миропомазания», «Молитву во еже незнаменати отроча, приемлющее имя в осьмой день рождения своего», «Молитвы жене родильнице по čtyредесятых днях», «Молитву жене, егда извержет младенца», «Молитву во еже сотворити оглашенного», «Измовение в осьмой день», «Молитву св. Крещения вкратце, како младенца крестити страха ради смертного», «Чин прича-

участвовал в исправлении перевода «Литургии Св. Иоанна Златоуста», в переводе «Евангелия от Матвея», полностью перевел «Евангелие от Луки»⁵¹. Язык переводов А. Колие-ва Б. Алборов характеризует следующим образом: «Все переводы Аксо Колиева считаются правильными, точными; смысл подлинников удержан полностью; язык переводов чистый, знание осетинского языка обнаружено в совершенстве... Язык его переводов помогал уточнению и развитию нарождающегося осетинского литературного языка...»⁵².

Заслугу А. Колиева на ниве просвещения осетинского народа осознал и К. Л. Хетагуров. В своей статье «Избави Бог и нас от этаких судей» он пишет: «След, оставленный ими: «осетинская церковная служба» и «грамотная Осетия». Все это во всей полноте может относиться только к блаженной памяти отца протоиерея Алексея Колиева»⁵³. И тут же автор продолжает: «Переводы Евангелия, молитв и урывков церковных служб и треб? Труд большой, что и говорить. Но ведь это заслуга опять-таки очень ограниченного кружка во главе с протоиереем А. Колиевым»⁵⁴. Благодаря переводам богослужебной литературы А. Колиева и его сподвижников служба в осетинских церквях стала проводиться на родном для прихожан языке. Это оказало большое влияние не только на общедоступность и ясность читаемых молитв, но и внесла заметную помощь в распространении право-

---

щения больных», «Последование мертвенное мирских тел», «Разрешительную молитву, читается над умершими». В 1858 году архимандрит Иосиф сообщил экзарху Грузии о том, что А. Колиев является еще автором перевода на осетинский язык: «Последования обручения и венчания», «Молитвы о оглашенных»/Колиев Алексей (Аксо) — переводчик // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 217. — Л. 6-7.

⁵¹ Там же. — Л. 8.

⁵² Там же. — Л. 9, 24.

⁵³ Х е т а г у р о в К. Л. Избави Бог и нас от этаких судей // Х е т а г у р о в К. Л. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. Статьи. Письма. М.: Художественная литература, 1974. — С. 125.

⁵⁴ Там же.

славия среди прихожан. Прогрессивную роль переводческой деятельности церковной интеллигенции подчеркивала и З. М. Салагаева. Переводная библейская литература, по ее мнению, не только была подчинена интересам церкви, но «объективно способствовала формированию осетинского повествования, закрепляла в письменной форме нормы литературного языка, вводила в сферу осетинской литературы сюжеты и образы византийской литературы, знакомила с новой, более сложной, эстетикой и этикой, сообщала разнообразные сведения историко-легендарного характера, устанавливала ранние русско-осетино-грузинские литературные связи»⁵⁵.

Таким образом, деятельность представителей церковной интеллигенции 50-70 гг. XIX века имела прогрессивное значение. Известную роль сыграли они в переводе на осетинский язык книг религиозно-нравственного и учебного характера. Начинания этой плеяды деятелей просвещения были продолжены следующим поколением переводчиков.

Вторая половина XIX века ознаменовалась появлением на небосклоне осетинской литературы К. Л. Хетагурова. С его именем связаны первые переводы художественной литературы. Произведения А. Пушкина, И. Крылова, А. Майкова — это далеко не полный перечень переводов Коста Хетагурова. Общеизвестны его переводы с русского языка басен и стихотворений: «Ворона и лисица» — «Халон æмæ рувас», «Волк и журавль» — «Бирæгъ æмæ хърихъупп», «Гуси» — «Хъызтæ», «Петушок» — «Уасæг», «Дети и птичка» — «Цъиу æмæ сывæллæттæ», «Летний дождь» — «Сæрдыгон къæвда», «Два ворона» — «Дыууæ халоны» и др. произведений.⁵⁶

---

⁵⁵ С а л а г а е в а З. М. От Нузальской надписи к роману: проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. — С. 180.

⁵⁶ Б р т а е в С. А. Переводная литература на осетинский язык до Великой Октябрьской социалистической революции // НА СОИГСИ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 14. — Л. 3. См.: Г у л у е в А. Коста Хетагуров — переводчик // Рæстдзинад. 1936.

В начале XX века отдельными изданиями и на страницах местной периодической печати стали появляться переводы Б. Датиева («Четыре дня на поле боя» В. Гаршина), В. Карсанова («Последнее слово Заратустры» Б. Гейера), Б. Туганова («Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса)⁵⁷, Х. Тлатова («Песня птички» Г.-Х. Андерсена), Ваню («Разрушение ада и восстановление его» Л. Толстого), С. Мамитова («Песня о Соколе» М. Горького), Х. Уруймагова («Сын хана» Е. Баратова), Е. Тменова («Нина» А. Казбека, «Бедные люди» Л. Толстого), «Кæстæр»-а («Бердиа» А. Казбека), Ц. Амбалова («Бог един для всей вселенной» Л. Толстого, «Звезда» В. Вересаева, «Великая борьба» Н. Хирьякова, «Ашик Кериб» М. Лермонтова, «Соловей» Г.-Х. Андерсена, «Вильгельм Телль» Ф. Шиллера), Дз. Дзахова («Ханума» А. Цагарели), Г. Малиева («Приемыш» В. Короленко)⁵⁸. Были также переведены на осетинский язык «Гроза» А. Островского, «Женитьба» Н. Гоголя. Алиханом Токаевым переведены произведения Гейне, Петефи, Уланда, поэтов-символистов. Переводная литература печаталась в журналах «Æфсир» («Колос»), «Зонд» («Знание»), «Хуры тын» («Луч солнца»), на страницах газет «Ирон газет» («Осетинская газета»), «Ног цард» («Новая жизнь»), «Хабар» («Известие»).

№124. 1 июня. — С. 3; Д з а х о в И. М. Коста Хетагуров — переводчик // Сборник трудов молодых ученых научно-исследовательского института. Вып. 3. Орджоникидзе, 1974. — С. 240-247.

⁵⁷ См.: Т у г а н о в Б. Перевод «Коммунистического манифеста» на дигорский язык (диалект) // НА СОИГСИ. Ф. 7 (Лит.). Оп. 1. Д. 12; Т о т о е в М. Писатель Б. Туганов — первый переводчик «Манифеста Коммунистической партии» // Социалистическая Осетия. 1948. 28 февраля; К у л а е в Х. Н. О переводе «Манифеста Коммунистической партии» на осетинский язык // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXVIII. Орджоникидзе, 1970. — С. 279-287.

⁵⁸ В 1914 году отдельным изданием в переводе на осетинский язык вышел рассказ В. Короленко «Приемыш». Переводчик Г. Малиев приблизил сюжет к осетинской действительности и озаглавил рассказ по-своему — «Енцег» («Æмцег»), что на дигорском диалекте означает «воспитанник».

И все же публикации переводов художественной литературы несли далеко не системный характер. Появлявшиеся изредка переводы не могли удовлетворять растущим духовным запросам осетинского читателя. Они не отличались высоким художественным уровнем, большей частью носили характер вольного пересказа. У молодых переводческих кадров не было достаточных навыков, а также широкой историко-культурной, теоретической подготовки, необходимой для овладения данным процессом. Но вместе с тем нельзя не признать огромное положительное воздействие этих переводов на осетинскую литературу. Заслуга первых переводчиков художественной литературы на родной язык в том, что они обогащали свою литературу, содействовали еще большему сближению народов.

Большую роль в пропаганде перевода художественной литературы на осетинский язык сыграла деятельность различных драматических кружков, силами которых переводились и ставились на сценах различных городов произведения русской, зарубежной и грузинской литературы. Так, С. Бригаев отмечает: «В 1907 году в г. Тифлисе в составе «Общества народных университетов» действовала осетинская секция по культурно-просветительской работе среди тифлисских осетинских рабочих. Драмкружок этой секции 12 (25) января 1908 г. в Авчальской аудитории в Тифлисе устроил спектакль: была поставлена драма в 4-х частях Лангмана «Бартель Туразер», из жизни революционных рабочих в переводе на осетинский язык. Причем, разрешения цензуры на постановку пьесы не было, и когда полиция узнала об этом, запретила, но кружковцы заменили все имена осетинскими, кое-что изменили в тексте тоже, и таким образом все прошло благополучно»⁵⁹. С этой же целью были переведены на осе-

---

⁵⁹ Бригаев С. А. Переводная литература на осетинский язык до Великой Октябрьской социалистической революции // НА СОИГСИ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 14. — Л. 30.

тинский язык пьеса В. Билибина «Изумительные превращения», водевиль А. Цагарели «Поделом», комедия Р. Эристави «Прежде скончались, потом повенчались». Имеются сведения о переводах на осетинский язык произведений других грузинских авторов, а также комедии Мольера «Скупой», водевиля А. П. Чехова «Медведь», пьесы Л. Н. Толстого «Первый винокур». Перевод художественной литературы имел огромное просветительское значение. С. Бритаев отмечает: «Работа отдельных кружковцев-осетин в области перевода пьес с русского, грузинского и других языков на осетинский язык имела большое значение в деле культурно-политического развития трудящихся масс угнетенного царизмом бесправного осетинского народа...»⁶⁰.

Подлинно массовый характер деятельность по переводу художественной литературы начала принимать после Октябрьской социалистической революции. Особый интерес у осетинских переводчиков вызывала русская литература. Ее изучение помогало понять национальный характер русского народа, с судьбами которого неразрывно связан осетинский народ. Передовая осетинская литература старалась черпать из других литератур, в особенности из русской, то, что представляло самый непосредственный интерес. Тут мы вполне согласны с тем, что: «Для всех национальных литератур русская литература была неиссякаемой сокровищницей передовых идей, первоклассной школой реализма, художественного мастерства. Она пробуждала общественную мысль народов России, их политическое и национальное самосознание, способствовала росту национальной культуры»⁶¹.

Активизация по переводу на осетинский язык русской классической литературы ознаменовалась в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. Отдельными сборниками выходили

---

⁶⁰ Там же. — Л. 32.

⁶¹ И в а ш и н В. В. М. Горький и белорусская литература начала XX века. Минск: Академия наук БССР, 1956. — С. 12.

из печати произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, М. А. Горького, А. П. Чехова, Н. А. Островского и др. писателей. Критика особенно высоко оценила переводы Б. Зангиева, Ц. Амбалова, Х. Цомаева⁶².

Перевод художественного произведения стал предъявлять особые требования к переводчику. Авторы переводов постепенно отходят от вольного обращения с текстом-источником и от буквального копирования оригинала. Переводчики стремились главным образом к точной передаче иноязычного текста, сохранению не только его содержательной основы, но и образной системы, ритмики, национальной специфики.

Осетинский читатель в 20-30-е гг. на родном языке получил стихотворения Д. Бедного «Силуян» (пер. Инала), Дж. Байрона «Душа моя мрачна» (пер. А. Кубалова), В. Маяковского «Горящий волос» (пер. Г. Плиева), Н. Тихонова «Сами» (пер. А. Гулуева), В. Инбера «Пять ночей и пять дней» (пер. А. Гулуева), варианты переводов «Интернационала» (пер. Г. Баракова, Ц. Гадиева, А. Гулуева, К. Бутаева, Б. Кочиева), рассказы М. Горького «Хан и его сын» (пер. Джермуга (Лади Газзаева)), «Старуха Изергиль» (пер. Д. Дарчиева), В. Короленко «Огоньки» (пер. Джермуга (1925), Кудзага (Дзесова) (1935)), В. Либкнехта «Паук и пчела» (пер. Ц. Гадиева), Л. Толстого «Много ли человеку земли нужно?» (пер. М. К-ты), И. Чавчавадзе «Действительно ли человек является человеком» (пер. Н. Санакоева), романы Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (пер. Х. Цомаева), А. Барбюса «Огонь» (пер. Д. Дарчиева), Н. Островского «Как закалялась сталь» (пер. Ч. Беджызаты), пьесы В. Киршона «Хлеб» (пер. А. Тибилова), Э. Синклера «Правда» (пер. Б. Кодоева), книгу Э. Распе «Приключения Мюнхгаузена» (пер. Г. Тогузова).

---

⁶² Очерк развития осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. — С. 90-91.

Изданы на осетинском языке книги для детей Б. Житкова «Об обезьяне» и «Про слона», А. Яковлева «Короткохвостые хитрые волки» в переводе П. Тедеева.

На сценах Северо-Осетинского и Юго-Осетинского театров ставились переведенные на осетинский язык произведения русских и зарубежных классиков: «Отелло» Шекспира, «Лгун» и «Хозяйка гостиницы» Гольдони, «Летающий доктор» и «Проделки Скапена» Мольера, «Памела Жиро» Бальзака, «Каменный гость» и «Цыганы» Пушкина, «Женитьба» Гоголя, «Гроза» и «Лес» Островского, водевили «Медведь» и «Предложение» Чехова, «На дне», «Васса Железнова» и «Последние» М. Горького и др.⁶³

Во второй половине 30-х гг. на страницах местной периодической печати появляются статьи по вопросам художественного перевода. Авторами данных статей были А. Гулуев⁶⁴, Г. Плиев⁶⁵, Я. Хозиев⁶⁶. Проблемы, затрагивающиеся в статьях, касались в основном особенностей передачи в переводных текстах художественной специфики оригинала, принципов и мастерства художественного перевода.

Одним из переводчиков произведений русской и зарубежной литературы был Цоцко Бицоевич (Увар Васильевич) Амбалов. Его перу принадлежат переводы произведений А. С. Пушкина («Метель» — «Тымыгъ»), М. Ю. Лермонтова («Ашик Кериб»)⁶⁷, Н. Языкова (стих-е «Море» — «Денджыз»), Л. Н. Толстого («Бог един» — «Дунейаен иу хуыцау ис»)⁶⁸,

---

⁶³ Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. — С. 117.

⁶⁴ Гулуев А. Коста Хетагуров — переводчик // Раестдинад. 1936. №124. 1 июня. — С. 3.

⁶⁵ Плиев Г. Пушкин на осетинском языке // Раестдинад. 1937. 12 января.

⁶⁶ Хозиев Я. О переводах произведений Пушкина // Ярыгон большевик. 1937. №9. 19 января. — С. 4.

⁶⁷ Амбалов Ц. — переводчик на осет. яз. «Ашик-Кериб» М. Ю. Лермонтова // НА СОИГСИ. Ф. С. Газдановой. Д. 50.

⁶⁸ Толстой Л. Н. Бог един. Пер. на осет. яз. Ц. Амбалова // НА СОИГСИ. Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 6.

Н. Хирьякова («Великая борьба» — «Стыр тох»), В.В. Вересаева (сказка «Звезда» — «Стъалы»), Арази (сказка «Солнце» — «Хур»), В.Г. Короленко («Тени» — «Аууæттæ»⁶⁹, «Сон Макара» — «Макъары фын»), Г.-Х. Андерсена (сказки «История одной матери» — «Мад», «Ледяная дева» — «Цъитийы æхсин», «Снежная королева» — «Митын æхсин»⁷⁰, «Соловей» — «Булæмæргъ», «Гадкий утенок» — «Фыдуынд бабызы цъиу»)⁷¹. С русского языка перевел стихотворение неизвестного автора «В школу» — «Скъоламæ», дорожные воспоминания М. Рклицкого «Ирыстоны хъæуты»⁷² и мн. др.⁷³

Известность Ц. Амбалову как переводчику принес прозаический перевод драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль»⁷⁴.

---

⁶⁹ К о р о л е н к о В.Г. Аууæттæ (фантази). Перевод Ц. Амбалова 1880-1890. В черновике был закончен 1924 г. 1 вариант // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12; Продолжение дела № 12. В черновике был доработан 1925 г. 2 вариант // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.

⁷⁰ А н д е р с е н Г.-Х. Митын æхсин (Аргъау). Перевод Ц. Амбалова, 1923 г. // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15.

⁷¹ А н д е р с е н Г.-Х. Сказки. Перевод Ц. Амбалова // НА СОИГСИ. Ф. 30 (Лит.). Оп. 1. Д. 13; А н д е р с е н Г.-Х. Гадкий утенок. Пер. на осет. яз. Ц. Амбалова // НА СОИГСИ. Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 14; Амбалов Ц. О сказках Андерсена. Письмо к Косирати // НА СОИГСИ. Ф. 30 (Лит.). Оп. 1. Д. 13; А н д е р с е н Г.-Х. Аргъæуттæ. Перевод Ц. Амбалова // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16.

⁷² Р к л и ц к и й М. В селах Осетии. Перевод Ц. Амбалова // НА СОИГСИ. Ф. 30 (Лит.). Оп. 1. Д. 13; Æ м б а л т ы Ц. Тæлмацтæ // Æ м б а л т ы Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзауджыхъæу: Гаситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2009. — Ф. 225-406.

⁷³ Бонычиныг арæныфидар Мæздæгæй мид Кавказмæ 1781 азы бæлццон. Перевод Ц. Амбалова (1932 г.) // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3; Продолжение дела // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4; Л а г и т я е в а А.И. Женские органы. Сылуæнгтæ. Перевод Ц. Амбалова, 1923 г. // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17; Амбалов Ц. Разные переводы // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20; Перевод на осет. яз. Ц. Амбаловым «Устава осетинского историко-филологического общества» // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21; Амбалов Ц. Перевод рецензии неизвестного автора «Всеволод Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь» // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22.

⁷⁴ Ш и л л е р Ф. Вильгельм Телль. Пер. Ц. Амбалова (первоначальная рукопись-черновик) // НА СОИГСИ. Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 9; Ш и л л е р Ф. Вильгельм Телль. Пер. Ц. Амбалова (второй вариант-черновик) // НА СОИГСИ. Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 10; Предисловие к переводу Ц. Амбалова драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7; Beschreibung einer ins Jahr

Кропотливый труд Ц. Амбалова создавался 9 лет (1911-1920). Впервые перевод вышел в свет в 1924 году в издательстве Е. А. Гутнова в г. Берлине. Перевод драмы Шиллера Ц. Амбаловым подвергался дважды. Первоначально перевод на осетинский язык сделан им не из оригинала, а русскоязычного перевода Ф.Б. Миллера. Об этом пишут в своем фундаментальном исследовании А.Д. Туаллагов и А. А. Туаллагов, посвященном жизни и творчеству Ц. Амбалова⁷⁵.

Позднее, после плодотворного изучения немецкого языка, переводчик обратился уже к самому оригиналу, чем значительно улучшил качество переводного текста, внес в него необходимые на его взгляд изменения и уточнения.

К небольшому анализу переведенного Ц. Амбаловым произведения Ф. Шиллера обратился Губади Дзагуров в статье «О Цоцко Амбалове»⁷⁶. В ней автор после сравнительно-сопоставительного анализа двух переводов на осетинский язык драмы Ф. Шиллера (с русского и с немецкого языков) отдает предпочтение второму варианту. Первый вариант, по мнению исследователя, грешит вольным обращением с текстом-источником, а также вводом в переводной текст осетинизмов. Например, таких как: «...баййæфтон дзы æнаккаджы æмæ...», «...уæ балгъитæг афтæ», «мæ рафæлдисæг», «кæд фырт нæй, уæд фыд йæ бæсты — Сосейы бæсты Мосе», «Фарн уеппæтæн!», «Паддзахæй дæр ныр нæ кард нæ кæрддзæмы нытгъысдзыстæм», «мæгуыры зæрдæ фынтай дзæбæх», «Бертæ цæра», «Фыдæлтæй æмбисонд

1628... Перевод Ц. Амбалова. 1933 г. // НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.

⁷⁵Туаллагов А. Д., Туаллагов А. А. Цоцко Бицоевич Амбалов (историко-биографический очерк). ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. иссл. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. — С. 25-26.

⁷⁶НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова. Д. 67 и 67 «а»; См.: Дзагуров Г. О Цоцко Амбалове. Мысинæгтæ // Æмбалты Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфин кувстуат, 2009. — С. 435-448.

баззад: хох — дзуарджын, быдыр — æддарджын» и т.д. (Ф. Шиллер «Вильгельм Телль» пер. с рус. яз. на осет. яз. Ц. Амбалова. Изд. Е. А. Гутнова, Берлин, 1924, стр. 12, 22, 23, 39, 49, 53 и 62)⁷⁷. Преимущества второго варианта перевода, по мнению Дзагурова, очевидны: «...Даже поверхностный просмотр и сравнение убеждает нас, что второй вариант выгодно отличается от первого, причем во всех отношениях вплоть до орфографии и пунктуации, в отношении которых теперь, по прошествии полувека, первое издание нельзя назвать иначе, как неряшливым, с досадными и недопустимыми нарушениями законов осетинского языка. На первом издании, которое на заре становления и укрепления советской власти было приветствуемо и считалось большим культурным достижением, лежит печать времени, и этим можно оправдать в известной мере его недостатки»⁷⁸.

О переводе Цоцко Амбаловым драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» писали в свое время Ц. Гадиев в статье «Хорз райдайæн. «Вильгельм Телль» ирон æвзагмæ тæлмацгонд кæй æрцыд, уый тыххæй»⁷⁹, Г. Бекоев «Берлины Гутна-ты Елбыздыхъойы типографийы уагъд ирон фысджыты

---

⁷⁷ Д з а г у р о в Г. О Цоцко Амбалове. Мысиæгтæ // Æ м б а л т ы Ц. Удвар-ны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфийон куыстуат, 2009. — С. 441.

⁷⁸ Там же. — С. 442.

⁷⁹ Г а д и е в Ц. Прекрасное начало. К переводу «Вильгельма Телля» на осетинский язык // НА СОИГСИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 83; Г æ д и а т ы Ц. Вильгельм Телль // Рæстдзинад. 1924. 2 июня; Г а д и е в Ц. Прекрасное начало. К переводу «Вильгельма Телля» на осетинский язык // Горский вестник. 1924. №2-3; Г æ д и а т ы Ц. Хорз райдайæн. «Вильгельм Телль» ирон æвзагмæ тæлмацгонд кæй æрцыд, уый тыххæй // Г æ д и а т ы Ц. Уацмыстæ. Орджоникдзе, 1959. — 527 с.; Г æ д и а т ы Ц. Хорз райдайæн // Æмбалты Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфийон куыстуат, 2009. — Ф. 415-418.

чингуытæ»⁸⁰ и др.⁸¹ Оба автора положительно констатировали факт появления драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» на осетинском языке и верили в то, что этот перевод способствует дальнейшему появлению новых переводческих успехов. «“Вильгельм Телль”... послужил прологом к созданию национальной драмы, дал духовную пищу читателю. В этом отношении труд Ц. Амбалова трудно переоценить»⁸², — писал И. Дзахов.

Переводная литература 20-30-х годов XX века заметно обогатилась переводами Бабу Зангиева (1937)⁸³. Просветитель, переводчик, общественный деятель в свое время потрудился над переводами повестей Л. Толстого «Казачья» и «Хаджи-Мурат», произведений М. Горького «Челкаш»⁸⁴ и «9-е января»⁸⁵, повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный», романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера». Предположительно Б. Зангиев был автором и многих других переводов⁸⁶, но большинство из них в рукописях якобы были изъяты и уничтожены во время его ареста в годы репрессии.

О переводческой деятельности Б. Зангиева в свое вре-

---

⁸⁰ Б е к о е в Г. Берлины Гутнаты Елбыздыхъойы типографийы уагъд ирон фысджыты чингуытæ // А м б а л т ы Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2009. — Ф. 412-414.

⁸¹ Высокая оценка переводческой деятельности Ц. Амбалова дана А. Т. (Александром Тиболовым — Е. Д.) в статье «Амбалов Цоцко», опубликованной в газете «Хурзарин» за 1925 год от 15 июля.

⁸² Д з а х о в И. Б. Зангиев — переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф. 44 (Лит.). Оп 1. Д. 41. — Л. 32.

⁸³ См.: Зангиев Магомед (Бабу) // НА СОИГСИ. Ф. Г. Дзагурова Оп. 1. Д. 69 и 69 «а».

⁸⁴ Г о р ь к и й М. Челкаш. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1930. — 75 ф.

⁸⁵ Г о р ь к и й М. 9-е января. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1931. — 45 ф.

⁸⁶ Предположительно Б. Зангиев с русского на осетинский язык перевел «Сказки об Италии» и «Мать» М. Горького.

мя Александр Тибиллов писал следующее: «Как переводчик, Бабу Зангиев незаурядно талантлив. В переводах на осетинский он виртуозно передает стиль, образы, язык. Таким образом в его переводе произведение на осетинском языке звучит ничуть не хуже оригинала: ничего не теряется из его художественности. В русском языке есть такие обороты, которые на другой язык трудно передать. Бабу настолько прекрасно владеет осетинским языком, что, каким бы сложным ни был русский текст, он находит такие точные слова и выражения для перевода даже маленьких нюансов, что перевод получается точным. Красивее осетинского языка Бабу трудно встретить»⁸⁷.

Переводческое мастерство и талант Б. Зангиева характеризует и следующая цитата: «То, что Бабу Зангиев высоко ценил искусство перевода, что по этому поводу были конкретные мысли, видно и по тому, что о принципах переводческого дела он писал и статьи. Он хорошо понимал, что перевод — не механическая работа, а творческий труд. Что нужно переводить не отдельные слова, а мысли писателя, образы и картины, создаваемые им, его стиль, чтобы не нарушались художественные образы. Следовало бы глубже изучать переводческие принципы Бабу... Лучшим из переводчиков художественной прозы является Бабу Зангиев»⁸⁸.

Плодотворную работу по переводческому анализу трудов Б. Зангиева провел И. Дзахов⁸⁹. Автор исследователь-

---

⁸⁷ Тыбылты А. Заенджиаты Бæбуйы куыст // Тыбылты А. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал: Ирыстон, 1988. Ф.183-184; Цит. по: С о т и е в а Р. Бабу Зангиев: литератор, просветитель, общественный деятель // Дарьял. 2010. №4. — С. 204.

⁸⁸ А р д а с е н т ы Х. Л. Н. Толстойы уацмыстæ ирон æвзагыл. Уац // Мах дуг. 1961. №1. — Ф. 78-86. Цит. по: С о т и е в а Р. Бабу Зангиев: литератор, просветитель, общественный деятель // Дарьял. 2010. №4. — С. 204.

⁸⁹ Д з а х о в И. Зангиев Бабу — переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 41; Д з а х о в И. Зангиев Бабу — переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 48.

ской работы указывает не только на положительные стороны переводов Б. Зангиева, но и на их недостатки.

Так, характеризуя переводы повестей Л. Толстого, автор пишет, что они «грешат сложными синтаксическими конструкциями или, наоборот, можно наблюдать расчленение развернутых предложений оригинала. Все подобные переводческие операции можно оправдать только особенностями осетинского языка, для которого менее всего характерны сложносочиненные и сложноподчиненные предложения».⁹⁰ В работе Дзахова указывается ряд других переводческих особенностей зангиевских текстов. Например, при переводе «Хаджи-Мурата» наблюдается подмена национального колорита своим (ор. «ноябрь» → пер. «Джеоргуыбайы маъй»), переводчик опускает слова оригинала, хотя им вполне можно было найти в переводящем языке эквиваленты.

Немаловажной особенностью прозаического текста является его ритмическое строение. Адекватность его отражения не менее актуальна для прозаического текста. Особый интерес в работе И. Дзахова представляет анализ ритма как элемента стилевого своеобразия произведений Л. Толстого. В переводе Зангиева, по мнению исследователя, стиль Толстого не всегда выдержан. Местами переводчик игнорирует эту немаловажную деталь оригинала или, как пишет Дзахов, «порой происходит неоправданная подмена толстовской повести». Для подтверждения своих слов автор приводит следующий пример из разноязычных текстов повести «Хаджи Мурат»:

«Солдатка Аксинья тоже повыла, узнав о смерти «любимого мужа, с которым» она «пожила только один годочек». Она жалела и мужа и всю свою погубленную жизнь. И в своем вытье понимала «и русые кудри Петра Михайловича,

---

⁹⁰ Дзахов И. Зангиев Бабу — переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф.44. (Лит.) Оп.1. Д.48. — Л.8.

и его любовь, и свое горькое житье с сиротой Ванькой», и горько упрекала «Петрушу за то, что он пожалел брата, а не пожалел ее горькую, по чужим людям скитальщицу».

В глубине же души Аксинья была рада смерти Петра. Она была вновь брюхата от приказчика, у которого она жила, и теперь никто уже не мог ругать ее, и приказчик мог взять ее замуж, так он и говорил ей, когда склонял к любви».

В переводе, — пишет дальше Дзахов, — отсутствует это авторское отношение к вытью Аксиньи: «Йæ ус Аксинья дæр фæниудта, фæхъарджытæ кодта, йæ уарзон мойы амарды хабар куы фехъуыста, уæд. Æрмæст иу афæдз ацардыстæм иумæ, æндæр нæ. Хъарджыты мидæг-иу æрмысыд Петры бурхил къæбæлдзыг сæр, йæ уарзондзинад æмæ йæ маст, йæ «намонд цард сидзæр Ванькæимæ. Зæрдиагæй йын судзаг уайдзæфтæ кодта, йæ фсымæры тыххæй йæ усы сæр кæй аппæрста, æмæ ныр уый адыл рахау-бахау кæй кæны хъæуи-хъæу кæйдæр фæрныг хæдзæртты. Йæхинымæр та цин кодта йæ мойы мардыл. Кæмæ цард, уыцы дуканигæсæй та ног басывæрджын æмæ ныр уайдзæфæй æмæ фидисæй нал тарст, уымæн æмæ йæ ныр йæхицæн ус скæндзæн, фыццаг хатт ын йæхи уарзын кæнын куы байдыдта, уæд куыд дзырдта æмæ йын цы зæрдæтæ бавæрдта, уымæ гæсгæ».

«В первом абзаце приведенного здесь отрывка оригинала, — по мнению исследователя, — исподволь чувствуется ироническое отношение к вытью Аксиньи, ее фальшь. Для понятия этого не стоило бы и разъяснять эту фальшь далее.

В переводе же все это передано «всерьез», без намека на авторское отношение к происходящему. Возможно, этого можно было избежать правильной расстановкой знаков препинания, в частности кавычек. Но этого не произошло. Поэтому мы вправе бросить упрек переводчику в читательской, и следующей отсюда авторской глухоте. Образ

Аксиньи, — можно сказать, второстепенный, но, видимо, в определенной степени характерный — видоизменяется и вызывает в переводе сочувствие, чего в оригинале не просматривается».⁹¹

В рассматриваемом нами труде также приводятся примеры подмены переводчиком русского колорита, но, как пишет И. Дзахов, данные слова и словосочетания не выглядят инородным телом в переводном тексте, легко читаются и воспринимаются осетиноязычным читателем.

На положительные стороны художественных переводов Б. Зангиевым произведений Л. Н. Толстого указывает З. Тедтоева, отмечая: «Переводчик смог найти в осетинском языке адекватные, точно передающие мысль автора и слова героев. Стиль переводов дает представление о стиле оригиналов. Зангиев сумел влиться в образную систему Л. Н. Толстого, в его язык, уделяя особое внимание переводу фразеологических оборотов, поговорок и пословиц. Все это свидетельствует о прекрасном знании им и осетинского, и русского языков, об умении сохранять глубокий психологический подтекст».⁹²

Некоторые особенности художественного перевода Б. Зангиевым произведений Л. Толстого рассмотрены и С. Бритаевым в статье «Раст тæлмац кæнæм æви нæ?». В ней автор статьи, в частности, указывает на некоторые погрешности, допущенные Зангиевым при переводе повести «Казачи». В основном они совпадают с замечаниями Дзахова⁹³. В конце своего исследования С. Бритаев пришел к несправедливым, на наш взгляд, выводам: перевод Зангиева корявый, пестрит многочисленными ошибками, автор перевода

---

⁹¹ Там же. — Л.9-10.

⁹² Т е д т о е в а З. Л. Н. Толстой на осетинском языке // Литературная Осетия. 1978. №52. — С. 78.

⁹³ Б р и т а е в С. Раст тæлмац кæнæм æви нæ? / Б р и т а е в С. Как обстоит дело с переводом? // НА СОИГСИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40. — Л. 8-10.

искажил оригинал Л. Толстого. Небольшие погрешности в переводе отдельных мест текста, как нам кажется, не искажают смысл всего переводного художественного произведения. Плодотворный труд Зангиева вошел в сокровищницу переводной русской литературы на осетинском языке.

Итак, переводная литература на осетинском языке рассматриваемого периода представлена лучшими образцами русской и зарубежной литературы. Переводчики в своем деле опирались на определенные сформировавшиеся теоретические принципы. Они отходили от буквального копирования подлинника, стремились отразить не только идейную основу переводимого произведения, но и эмоциональную его сторону, стиль писателя. Интерес к проблемам художественного перевода в осетинской литературе стал постепенно оживляться.

Переводная литература 1920-30-х гг. характеризуется не только активным вниманием к произведениям русской и зарубежной литературы. Переводчики обращаются и к произведениям осетинских писателей, стараются знакомить русскоязычного читателя с их творчеством. Особенно привлекало переводчиков творчество К. Хетагурова, С. Гадиева, А. Коцоева, Ц. Гадиева. Так, были осуществлены переводы лирических произведений К. Хетагурова, басен и рассказов С. Гадиева⁹⁴, рассказов А. Коцоева, повести «Честь предков» Ц. Гадиева⁹⁵. В разных номерах журнала «На рубеже востока» в переводе на русский язык опубликованы рассказы «Железный великан» С. Кулаева, «Это хозяйство нерушимо» П. Санакоева, «За хлебом» К. Дзесова, очерк Ч. Беджызаты «Колхоз «Хурзарин» и др.»⁹⁶.

---

⁹⁴ Г а д и е в С. «Арагвийский алдар Нугзар», «Мать и сын», «Дыса». Пер. Д. Туаева // НА СОИГСИ. Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94; Г а д и е в С. Азау. Пер. на русский язык Цомака Гадиева // НА СОИГСИ. Ф. 16 (Лит.). Оп. 1. Д. 55.

⁹⁵ Ц. Гадиев перевел на русский язык рассказы С. Гадиева «Азау» и В. Либкнехта «Паук и пчела», «Интернационал», стихотворение Нигера «Ласточка» и др. произведения.

⁹⁶ Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967.

Обратимся к анализу художественных переводов произведений некоторых вышеперечисленных писателей.

1.2. ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА С. ГАДИЕВА «АЗАУ» В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕКОДИРОВКИ ТЕКСТА

Вершиной творчества осетинского писателя Сека Гадиева является рассказ «Азау». В этом произведении проявилось творческое дарование, отразилась глубокая народность языка автора. «Азау» — один из первых опубликованных рассказов С. Гадиева. Впервые вышедший в журнале «Зонд» («Разум») за 1907 г. (№№ 1, 2) отдельными отрывками, он сразу стал популярен в народе. Сека Гадиев первый в осетинской литературе с такой силой и реалистичностью воспел в своем произведении истинную и искреннюю любовь.

В рассказе С. Гадиев поднимает несколько тем. В небольшом по объему произведении писатель сумел показать суровые патриархальные обычаи осетин, калечащие душу и разум народа, раскрыть психологию расчетливых людей (родителей Азау).

Произведение Сека Гадиева «Азау» дошло до нас в двух вариантах: полном и сокращенном. Ответ на вопрос, какой из них считать каноническим, до сих пор не дан.

В двух вариантах произведения есть некоторые расхождения. Полный вариант, в отличие от сокращенного, открывается обширной картиной природы. Есть и другие расхождения в текстах. Более подробно о них пишет З. М. Салагаева в книге «От Нузальской надписи к роману». Автор

— С. 90; В 1931 году в г. Харькове отдельным сборником в переводе на украинский язык вышли произведения К. Л. Хетагурова «Охота за турами», А. Джатиева «На поле брани», Ц. Гадиева «Тяжесть жизни». Переводы осуществлены Варварой Чередниченко, хорошо знавшей осетинский язык.

книги полный вариант рассказа условно обозначил первым вариантом, а сокращенный — вторым. Хотя автор допускает, что первый вариант рассказа «является более поздним и представляет собой значительную переработку краткого варианта его»⁹⁷.

Как вариантов оригинала, так и переводов рассказа существует два. Еще при жизни Сека Гадиева его сын Цомак задался целью перевести рассказ на русский язык и это ему удалось. Перевод опубликован в 1914 году. Исследователь творчества Ц. Гадиева Л. Э. Цховребова в своей монографии «Жизнь и творчество Гадиева Цомака и русская литература» указывает на то, что «рассказ «Азау» впервые в полном виде увидел свет не на осетинском, а на русском языке. Цомак поместил его в журнале «Жизнь для всех» в 1914 году (№14, стр. 537-551)»⁹⁸. Номер указанного журнала хранится и в архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ)⁹⁹. На осетинском языке рассказ С. Гадиева полностью появился в печати в 1922 году в журнале «Малусæг»¹⁰⁰.

Перевод Ц. Гадиева сделан из полного варианта рассказа. Второй перевод рассказа осуществлен Т. Саламовым из сокращенного варианта. При этом временной разрыв между двумя переводами внушительный и составляет 70 лет.

Чтобы говорить о качестве и адекватности двух переводов, целесообразно сравнить их с исходными текстами.

В экспозиции рассказа автор с удивительной красотой и поэтичностью описывает горный пейзаж Дарьяльского

---

⁹⁷ С а л а г а е в а З. М. От Нузальской надписи к роману: проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. — С. 249.

⁹⁸ Ц х о в р е б о в а Л. Э. Жизнь и творчество Гадиева Цомака и русская литература. Сталинир, 1961. — С. 130.

⁹⁹ Г а д и е в С. Азау. Перевод с осет. Ц. Гадиева // Жизнь для всех. 1914. №4. — С. 537-551 // НА СОИГСИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 46-55. — Л. 20-23.

¹⁰⁰ Г æ д и а т ы С. Азау // Малусæг. 1-аг чиныг. Æмдзæвгæтæ. Радзырдтæ. Драмæтæ. Владикавказ. 1922. №1. — Ф. 19-31.

ущелья. Тут и красота хвойных деревьев, их благоуханный аромат, неистовый Терек, сравниваемый с бешеным волком, белоголовые орлы и горный тур. Описание горного пейзажа сменяется изображением цветочных долин и склонов. Но за этой красотой, по мнению автора, лежит суровая реальность. Любое неосторожное движение проходящего по тропе путника грозит ему гибелью. Слетевший в пропасть путник будет навечно похоронен под толщиной снега.

Следуя замыслу автора, Ц. Гадиев с удивительной точностью и поэтичностью изображает природу ущелья. В переводе не упущена ни одна мельчайшая деталь. Переводчик верен не только в описании природы, но и в выборе красок, эпитетов. Приведем примеры из разноязычных текстов. Вот, как начинает свой рассказ Сека Гадиев: «Кавказы хохæн йæ астæу алыг кодта Арвыкомы нараг. Арф æмæ уынгаг Арвыкомаен йæ фæрсты лаууыны стыр гæмæх къæдзæх бæрзонд хæхтæ... Арф нараг комы Терчы дон æрра бирæгъау æнусы къæдзæхтæм лабуры, йæхи сыл æппары, цæвы, лыстæг æртахæй фæйнардæм пырх кæны æмæ уымæй йæ мастдзинад адæмæн æвдисы. Стыр хохдуртæ бæрзонд къæдзæхтæй дæлæ Теркмæ тулыны æмæ сæ хъæрæй кæмттæ арауыны. Урссæр цæргæстæ хохæй-хохмæ бæрзонд æврагъы ленчытæ кæныны. Дзæбидыр сырдатæ хохы фидæртты, къæдзæхрæбынты фырцинæй кафыны, хъазыны, æмæ уымæй сæрибардзинад адæмæн æвдисыны...»¹⁰¹. У Цомака Гадиева в переводе этот отрывок описан так: «Дарьял — это огромная глубокая расщелина, прорезающая хребет Кавказа. Вокруг одни голые каменные громады... Бездонна пропасть ущелья, а в глубине пропасти от века бьется Терек, от века бросается, как бешеный волк, на подошвы гор и в безумной злобе рассыпается миллионами брызг. С вершин скатываются и летят вниз обломки скал, постепенно

¹⁰¹ Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 277.

поднимая уровень дороги по ущелью. Высоко в лазури белоголовые орлы переплывают с вершины на вершину. Ниже — в диком танце пляшет на террасах веселый вольный тур»¹⁰².

И дальше в оригинале: «...нарæг комæй куы ахицæн уай, уæд дам разындзæнис рæсугъд, уæлхох фæзтæ, быдыртæ, алы дидинаг, алы хорз смагæнаг кæрдæгæй фæлыст...»¹⁰³ — перевод: «...перед ним уже открывается панорама зеленых склонов и нагорных долин в цветах, в благоухании»¹⁰⁴.

Как видим, идентичны в сопоставимых текстах целые грамматические конструкции, типа: «стыр гæмæх къæдзæх бæрзонд хæхтæ» — «голые каменные громады», «урссæр цæргæстæ хохæй-хохмæ бæрзонд æврагъы ленчытæ кæныны» — «высоко в лазури белоголовые орлы переплывают с вершины на вершину», «рæсугъд, уæлхох фæзтæ, быдыртæ» — «панорама зеленых склонов и нагорных долин». В последнем примере переводчик не ограничился простой передачей осетинского «рæсугъд» как «красивые», а удачно использовал цветовую характеристику — «зеленые склоны». При переводе сравнительного оборота в контексте «Терчы дон æрра бирæгъау æнусы къæдзæхтæм лæбуры» сравняемому образу подобран в переводящем языке эквивалент — «от века бьется Терек, от века бросается, как бешеный волк, на подошвы гор». Но не совсем правильно, на наш взгляд, проинформировал русскоязычного читателя Ц. Гадиев при переводе словосочетания «æнусы къæдзæхтæм лæбуры». Тут переводчик «превратил» «вековые скалы» в «подошвы гор», а длительность действия использовал при переводе другого сочетания «от века бьется Терек, от века

---

¹⁰² Г а д и е в С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 125.

¹⁰³ Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 277.

¹⁰⁴ Г а д и е в С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 126.

бросается». А ведь у Сека Гадиева ничего не говорится о времени продолжения буйства реки.

После такой завязки рассказа автор переходит непосредственно к повествованию. Сека Гадиев описывает нелегкие будни жителей аула Ганис, рассказывает и о соседствующих Бибо Сачинаты и Боба Тогуызты. Этим описанием начинается второй, сокращенный, вариант рассказа. Передача данных мест у переводчика Т. Саламова идентична подлиннику.

Далее сюжет в сопоставимых текстах идет параллельно. Небольшие детальные расхождения в вариантах оригинала (дата рождения Азау и Таймураза, клятва родителей, обычай наречения имени и т.д.) никак не влияют на переводные. Переводчики послушно исполняют волю автора. Чтобы наглядно убедиться в особенностях передачи Ц. Гадиевым и Т. Саламовым некоторых трудопереводимых слов, приведем примеры. При передаче осетинской реалии «хъæу» Ц. Гадиев, на наш взгляд, был более близок переводом «аул», чем Саламов «селом». Речь в рассказе идет о горной местности и ее жителях, переводом же «аул» Цомак Гадиев перенес национальный колорит в переводной текст. Приведем другой пример. В честь рождения сына Бибо Сачинаты устроил пир, созвал весь аул. Традиционное осетинское застолье в переводных текстах показано вполне естественно для представителя этой культуры. Небольшие неточности встречаются лишь в передаче некоторых слов. В тексте автор использует слова, являющиеся носителями нашего национального колорита. Таковы осетинские реалии «гаджидау» («тост») и «къухылхæцæг» («шафер»). С их передачей на русский язык, по нашему мнению, лучше справился Т. Саламов. Его переводы слов «гаджидау рауагъта» — «поднимали рог за его здоровье», «къухылхæцæг» — «шафер» звучат вполне естественно, в отличие от цомаковских «кубки пошли по рядам» и «свадебный дружок». При переда-

че данных реалий Цомак Гадиев использовал описательные аналоги, которые нецелесообразно использовать в художественном переводе.

Рознится в вариантах оригинала эпизод встречи двух соседок, Канукон и Томиан, на берегу реки. В полном варианте автор дополнил разговор соседок. В их диалог включил несколько предложений, из которых читатель узнает о данном дочке Канукон имени — Азау.

Как известно, в дореволюционном осетинском обществе рождение в семье девочки воспринималось как семейное несчастье, а дочь считалась обузой. Так и в рассказе «Азау» Канукон называет день рождения своей дочери «черным»: *«Чызгæн йæ гуыраг бон дæр сау, æмæ йæ номæварæн бон»*. Переводчик Ц. Гадиев, не следуя принципу буквального перевода, в тексте заменяет исходный эпитет «сау» («черный») на существительное «горе»: *«Для девочки и родиться — горе, и имя получить — тоже горе...»*. Осуществленной подменой переводчику вполне удалось донести до читателя мысль автора.

Совпадает в переводах дальнейшее описание автором разговора соседок о плаксивости их детей. Узнав о том, что дочь Канукон по ночам не спит, плачет, Томиан дает ей дельный совет. От сглаза, по ее мнению, поможет крестик, который кузнец кует в Тутырову среду. Именно этот крест на груди поможет ребенку избавиться, как пишет Сека Гадиев, от «даллагона». Значение этого слова каждый переводчик передал по-своему. Так, в переводе Ц. Гадиева «даллагон» — «злой дух», а у Т. Саламова — «нечистый». По нашему мнению, переводчики правильно донесли значение этого слова. Определение вышеуказанной реалии дано в комментариях к рассказу «Азау»: *«Дæллагон — ам: дæлимон (хæйрæг): раджы заман-иу мад йæ сывæллон кой кæнгæйæ хæйрæджы*

ном дзырдта фæсномыгæй»¹⁰⁵. Таким образом, передачей осетинского «дæллагон» — «дæлимон» («хæйраг» («черт»)) — русскими значениями «злой дух», «нечистый» переводчики сумели донести авторский замысел.

Зато не совсем правильно, на наш взгляд, справился Цомак Гадиев с переводом следующего отрывка: «– *Бабын уой, уастæн, нæ таггитæ, кæд æрмæст ламазы йеттæмæ ницы зонынц, уæд!*» — «Одно горе с нашими Тагиевыми, с нашей доморощенной знатью... только и знают свой намаз...». Тут «таггитæ» — высшее сословие в Тагаурском обществе, феодалы — стали у Ц. Гадиева «Тагиевыми» с добавленным к ним небольшим определением — «доморощенная знать». На наш взгляд, в данном случае Ц. Гадиев должен был отказаться от подобного перевода, а ограничиться транслитерацией с дальнейшим объяснением слова в сноске. В отличие от первого переводчика, Т. Саламов не стал «насильно» объяснять русскоязычному читателю незнакомое слово, а дал его в исходном написании. Вполне описываемое на русский язык лексическое значение осетинского слова «тама» (шелковистая горная трава, из которой вьют веревки) в контексте «*Хъаныхъон æмæ Томиан... бæндæйнаг тама тоньнмæ ацыдысты*» у Ц. Гадиева звучит как «болотная осока» («дзала», «цъæнуд»). Т. Саламов и вовсе обошелся без уточнений: «*Томиан и Канукон вернулись из лесу*». Эпизод со змеей, обвившей спящих детей, отражен в переводах адекватно.

Далее автор в рассказе повествует о трагедии большой любви Азау и Таймураза. С детских лет они были неразлучны. Эта привязанность друг к другу постепенно переросла во взаимную и искреннюю любовь. Но на пути к их счастью оказались преграды. Отец Таймураза Бибо вместе со сво-

---

¹⁰⁵ Г æ д и а т ы С. Азау // М а к о т ы З., Д ж ы к к а й т ы Ш. Ирон литературæ: Ахуыргæнæн чынг-хрестомати 8-æм къласæн. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. — Ф. 87.

ей отарой овец погиб под лавиной снега. Семья Таймураза обеднела, и теперь отец Азау Боба против их брака. Вместо счастья Азау с Таймуразом Боба желает единственной дочери смерти.

Сличая эти отрывки в сопоставимых текстах, можно увидеть некоторые неточности в переводах. Так, в двух вариантах оригинала автор, говоря о смерти отца Таймураза, не уточняет точную дату его гибели, а пишет: «*Атынаггай кахцгананы астау*». Переводчики допустили одну и ту же ошибку. И Ц. Гадиев, и Т. Саламов проигнорировали автора, указав, что в «*канун праздника Атынаг*» начался сильный снегопад, повлекший за собой лавину. Известно, что праздник Атынаг у осетин являлся своеобразной границей между летом и осенью, после которого люди могли выйти на сенокос, а Кахцгананта приходились на второе воскресенье июля¹⁰⁶. От Атынага до Кахцганантов проходило около десяти календарных месяцев. Указанием же на «*канун праздника Атынаг*» переводчики нарушают временные границы повествования.

Смерть Бибо в оригинале С. Гадиевым сопровождается описаниями бушующей природы. При этом в полном варианте описания детальнее: «*Мит уарын байдьдта. Арв скуыдта, зæхх рызти. Цæгатфарсы тымыгъ миты пуртита тъыфылгай нард фосы дзугыл æппæрста. Бæрзонд къæдзæхтæй стыр хохдуртæ тылдысты æмæ сæ хъæрæй айнаджытæ араудтой. Тымыгъ хахтыл йæхи цавта æмæ комæй-комæ нардыди. Раст лæджы 'мбæрц мит æруарыди*»¹⁰⁷. Перевод Ц. Гадиевым этого отрывка соответствует подлиннику, но в некоторых местах переводчик вносит дополнительные краски: «*В ночь перед праздником Атынаг* (в сноске Ц. Гадиев уточняет: «Атынаг — древний

¹⁰⁶ У а р з и а т ы В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. — С. 84.

¹⁰⁷ Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирстон, 1979. — Ф. 280.

осетинский летний праздник» — Е. Д.) в горах поднялась снежная буря. Такой сделался мрак, что на шаг ничего не разглядишь. Небо рыдало. Земля стонала. Северный порывистый ветер огромными хлопьями снега засыпал сытое стадо. Вьюга билась об утесы и выла по ущельям. Высоко наверху выпал снег почти в рост человека...»¹⁰⁸. Постепенно стихия утихает, жизнь входит в свое привычное русло. Подробное описание горного пейзажа мы видим и в этой части подлинника. Для этого Сека Гадиев использует яркие краски: «Хуссартты мит сæрды æнтæфæй атади, асури, кæрдæг цъæх сгæлладау сæрттывтæ, хохы зымтæ къæдзæхтæ, къуыбыртæй æхситтæй зарыдысты. Сæрджын дзæбидыртæ кæрæдзийы гуыппытæ кодтой æмæ уымæй сæ хъæлдзæгдзинад æвдыстой. Иудзырдæй, зæххыл царджытæ батæфстысты, базмæльдысты»¹⁰⁹. Эта часть текста в переводе Цомака Гадиева представлена одним предложением: «Словом, жизнь забила ключом...»¹¹⁰. Переводчик, видимо, не стремился к детализации, поэтому здесь в переводе наблюдаются отступления.

Ответственно к переводу этого отрывка подошел Т. Саламов. Но, надо сказать, краткий вариант оригинала наделен не столь подробным описанием пробуждения природы. Оригинал: «Сæрдыгон хур æркаст, æрæнтæф. Æртыккаг бон мит дон фестад, æрнæг та цъæх адардта»¹¹¹. Соответствующий перевод Т. Саламова: «Пригрело весеннее солнце, потеплело. На третий день снег на склонах растаял, и они

¹⁰⁸ Г а д и е в С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 127.

¹⁰⁹ Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 280.

¹¹⁰ Г а д и е в С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 127.

¹¹¹ Г æ д и а т ы С. Азау // М а к о т ы З., Д ж ы к к а й т ы Ш. Ирон литературæ: Ахуыргæнæн чынг-хрестомати 8-æм къласæн. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. — Ф. 88.

снова зазеленели»¹¹². Безусловно, переведенный Т. Саламовым отрывок, совершенно равнозначен в денотативном аспекте, но для создания семантической аналогии переводчику необходимо было употребить в русскоязычном тексте вместо «склонов» («къуылдым», «къул») — «настбище» («æрнаг»).

Имущественное положение человека стало доминирующим в трагедии двух влюбленных. Боба заключил удачную «делку»: против воли своей дочери отдает ее замуж за богатого жениха. У Таймураза остается единственная возможность соединиться с возлюбленной — похитить ее. В этой части текста варианты оригинала расходятся. В полном варианте на мысль о похищении возлюбленной героя наводят друзья, собравшиеся в его доме на очередные поминки по отцу, до встречи Азау с Таймуразом на дороге. В кратком варианте хронология повествования смещена. Мысль о похищении Азау приходит к Таймуразу после их встречи.

Несмотря на некоторые расхождения в вариантах подлинника, переводы идентичны их параллелям. Ц. Гадиев и Т. Саламов стремились полностью следовать сюжету «своего» подлинника, не вносить собственные коррективы. Оба переводчика бережно сохраняют форму произведения. Однако в переводе вышеуказанного отрывка Ц. Гадиев, на наш взгляд, допустил неточности. Переводной текст грешит «русизмами». Автор перевода, прекрасно зная русский национальный характер, быт, использует не совсем уместные в осетинской действительности слова: «сени», «душенька», «стерпится — слюбится». Подобных ошибок в своем переводе избежал Т. Саламов.

Одним из самых напряженных и эмоциональных моментов рассказа Сека Гадиева является эпизод похищения Азау

---

¹¹² Г а д и е в С. Азау // Г а д и е в С. Азау. Произведения. Перевод с осетинского. Цхинвали: Ирыстон, 1984. — С. 23.

Таймуразом. Проанализируем интересующую нас, прежде всего, степень эквивалентной/неэквивалентной передачи переводчиками данного отрывка. В переводе Т. Саламова мы видим аналогию отрывка подлинника. Русский перевод фактически полностью соответствует осетинскому оригиналу. Чтобы не быть многословными, приведем примеры: «*Бæстæ гæрах сси. Дыууæрдыгæй топпы цæхæр кæфойæ кæлæгау калд. Нæмгуытæ ихуарæгау кодтой*» — «Поднялась стрельба. С обеих сторон гремели выстрелы, градом сыпались пули». В русском переводе сравнительный оборот «*топпы цæхæр кæфойæ кæлæгау калд*» транслирован словами «*гремели выстрели*», которые полностью передают смысл оригинала. В другом случае, Т. Саламов не стал для русского реципиента разъяснять расположение осетинской местности «*Урс Туалтæ*», где по сюжету рассказа спрятался от кровников Таймураз, а использовал его в транслитерации — «*Урстуалта*».

По-своему справился с переводом этого отрывка Цомак Гадиев. Основная мысль отрывка передана, но значения некоторых слов не совсем адекватно истолкованы. Например, в оригинале Сека Гадиев, говоря о Бимболате (друге Таймураза), участвующем в похищении, уточняет, что он был «*хъаном*» Сачинаты. В переводе Цомак Гадиев дает незнакомое русскому читателю слово «*хъан*» в транскрипции («кан»), но тут же в тексте «объясняет» — «*названный сын Бибо*». Как нам кажется, переводчик не совсем верно проинформировал читателя. «*Хъан*» в переводе с осетинского означает «воспитанник»: «*Хъан — æмцекк, фыццаг-иу искаемæ хъомыл кæнынмæ кæй радтой, уый*»¹¹³. Ц. Гадиев при переводе должен был учитывать особенности этнокультурных традиций. Подобная передача в русском тексте

---

¹¹³ Ирон адæмы сфæлдыстад. 2-аг том. Сарæзта йæ Салагаты Зоя. Орджоникидзе, 1961. — Ф. 654.

осетинского слова «хъан» как «названный сын» в некоторой степени допустима. Аталычество («амцегдзинад»)¹¹⁴ и усыновление («лаппу каньн»)¹¹⁵ включали в себя сходный обряд — кормление грудью воспитуемого («амцега») и усыновляемого. Также воспитуемым и усыновляемым мог стать кровник. Но если учитывать другие этнографические элементы, и тот, и другой обычай можно рассматривать как виды искусственного родства.

Неуместно Ц. Гадиев использовал дословный перевод в случае передачи топонима «*Къæйджын уæлвæз*» — «Долина скал». И почему-то у переводчика погибших оказалось девять человек (пятеро убито из погони, четверо из похитителей) в противовес десятерым из оригинала. В русском варианте рассказа Ц. Гадиев не уточнил и место побега Таймураза в «*Урстуалтæ*» — местность в Южной Осетии в верховьях реки Большой Лиахвы¹¹⁶.

На общем собрании жители аула вынесли единоголосное решение: в случившемся виновны Таймураз, Азау, Боба. В переводе этого отрывка на русский язык не всегда проявляется концепция адекватности. Сравним перевод Т. Сала-

---

¹¹⁴ Аталычество («амцегдзинад») было распространено у осетин преимущественно в XIX веке. Ребенок (обычно мальчик) после своего рождения передавался на воспитание в чужую семью. Воспитуемым мог стать кровник в знак примирения двух враждующих фамилий. На воспитание брались также дети из соседних республик. При первом кормлении новорожденного прикладывали к правой груди «новой» матери (правая сторона у осетин считалась священной). Обычно ребенок воспитывался у амцега-воспитателя вплоть до совершеннолетия. За это время семья должна была воспитывать его как родного сына (дочь). По истечении срока ребенок возвращался в родную семью. Обе стороны устраивали застолья, одаривали друг друга подарками.

¹¹⁵ Усыновление («лаппу каньн») — один из древнейших осетинских обычаев, согласно которому бездетная семья вправе была усыновить ребенка. Как правило, усыновляли осиротевших детей близких родственников или кровников с целью примирения. Обычай усыновления сопровождался, как и в случае с аталычеством, символическим кормлением грудью усыновляемого. Осетинский обычай мог включать в себя обряд имитации родов у жены усыновителя, либо обряд «извлечения» ребенка из спины усыновителя.

¹¹⁶ А б а е в В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. — С. 19.

мовым следующих предложений: «– Уыгард, дзуары уыгард ныккæнаем, ма хæдзæрттæ! Дзуаргæс хъуытазæ ныццагъта. Дзуары уыгард ныккодтой æма уыгæрдтæ дзуары хуылфы сæвæрдтой»¹¹⁷ — «— Знаки, сделаем священные знаки клятвы! Смотритель зазвонил в колокола. На трехгранных березовых палочках сделали зарубки и палочки положили в дзуар»¹¹⁸. Как нетрудно заметить, переводчик за автора дописывает небольшие моменты. Например, Сека Гадиев не указывает в подлиннике, из какого дерева были палочки для зарубок. Заменой «Дзуары лæг»-а на «смотрителя» Т. Саламов, на наш взгляд, дал расплывчатый, не совсем полный перевод. Он должен был, на наш взгляд, объяснить в сноске русскоязычному читателю, какие функции выполняет «Дзуары лæг» в осетинском обществе. Читаем в словаре А. Б. Дзадзиева, Х. В. Дзуцева, С. М. Караева «Этнография и мифология осетин»: «Жрец (Дзуары лæг — Е. Д.) — исполнитель ритуалов и носитель определенных сакральных знаний, связанных с отправлением того или иного культа, человек высокой нравственности и доброты. Главная функция жреца — организация культа, важнейшим актом которого было жертвоприношение. Жрец являлся посредником между людьми и божеством, которому он служил»¹¹⁹. В оригинале у Сека Гадиева указывается святыня «Ломисы дзуар», которой поклонялся «Дзуары лæг». Здесь перевод у Т. Саламова буквальный — «Ломисская святыня». Ц. Гадиев не стал транслитерировать оригинальное «Дзуары лæг», а, на наш взгляд, правильно обошелся переводом «жрец». Но, желая точно передать национальный колорит исходного

¹¹⁷ Г а д и а т ы С. Аз а у // М а к о т ы З., Д ж ы к к а й т ы Ш. Ирон литературæ: Ахуыргæнаен чынг-хрестомати 8-æм къласæн. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. — Ф. 93.

¹¹⁸ Г а д и е в С. Аз а у // Г а д и е в С. Аз а у. Произведения. Перевод с осетинского. Цхинвали: Ирыстон, 1984. — С. 27.

¹¹⁹ Д з а д з и е в А. Б., Д з у ц е в Х. В., К а р а е в С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. — С. 54.

текста, Цомак Гадиев переусердствовал в передаче осетинского «хъоды». Переводчик передал слово в транскрипции — «коди», а в сноске, на наш взгляд, не совсем верно истолковал — «проклятие» («æлгъыст»). Ведь в переводе на русский язык «хъоды» означает «бойкот», а глагол «хъоды кæнын» — «бойкотировать», «запрещать», «отказываться (от кого-л.)», «отрекаться». С этой задачей справился Т. Саламов. Осетинскую реалию «хъоды» описывает правильно — «приговорили их к изгнанию».

Дальнейшее описание сюжета рассказа в переводах не нарушается. События, разворачиваемые у Сека Гадиева, отражены и Ц. Гадиевым, и Т. Саламовым: Азау у вдовы Дыса, Азау в плену у пастухов, замужество Азау, возвращение Азау на Родину, смерть Азау на могиле Таймураза. Есть лишь некоторые неточности у Ц. Гадиева в передаче некоторых слов. Русский текст Ц. Гадиева хоть и не пострадал в смысловом плане, но перевод отдельных мест получился «натянутым». Так, Ц. Гадиев старается перевести слова, которые можно было оставить в исходном написании: «Саудзуар» — «Черный Дзуар». Смешно, на наш взгляд, звучит буквальный перевод сочетания «фидары къæдзæхы раз» — «там, под Скалой твердыни». В некоторых отрывках Ц. Гадиев берет на себя роль автора: дописывает, украшает или, наоборот, прерывает мысль С. Гадиева. Например, в оригинале Азау ходила в лес то за смородиной («хъæлардзы»), то за малиной («мæнаргъы»), а у Ц. Гадиева — за крыжовником («хъалгъæн») и малиной. Или такой пример: «...Гугуа бæхыл абадт, Азауы йын йæ фæсарц авæрдтой æмæ йæ басылыхъæй йæ астæумæ абаста, æмæ æхсæвы мæйдары аныгъуылд»¹²⁰ — «Вот уже пастух сел на коня; вот рыдающую, сопротивляющуюся Азау уже усадили к нему на седло. Он обвязал ее башильком и при-

---

¹²⁰ Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 291.

тянул к себе, дернул уздечку и свистнул. Еще мгновение — и они скрылись за выступом скалы»¹²¹. Нетрудно заметить, что переводимая единица исходного текста в переводе более объемна. И, наоборот, местами Ц. Гадиев в переводе обрывает мысль автора: «Фæндыди йæ, мыст куы фестадаид æмæ зæххы бын искуы куы амбæхстаид, гæе цæргæс куы фестадаид æмæ арвы дæргъдзинады куы æрбайсæфтаид. Уæд та йын дымгæ Таймуразмæ фæдис хъæргæнæг куы фæцыдаид, фæла ницы. Кæфхъуындары дзых йæ разы хæлиуæй лæууыд, æмæ йæ минутæй-минутæ аныхъуырынмæ хъавыд»¹²² — «Если бы могла она превратиться в мышь и убежать в эту расщелину, если бы...»¹²³. Как видим, начало отрывка в переводе Ц. Гадиева отражено, но дальнейшее описание событий прерывается.

В тексте встречаются места, где автор оговаривает диалектную речь грузинских пастухов: «Гугуас цоли ламазиа». В таких местах сказанного автором достаточно для указания национальной принадлежности этих героев и поэтому лучше передать саму реплику, чем подыскивать аналоги. Ц. Гадиев в этом случае переводит слова мохевцев на русский язык следующим образом: «Добрая будет у него жена». Т. Саламов приводит речь пастухов в транслитерации.

В тексте Сека Гадиев не указал, с каким по старшинству сыном выехала Азау в родной аул. За него в переводе это сделал Ц. Гадиев. Он пишет: «...она отправилась со своим старшим сыном». Не стал это уточнять в своем переводе Т. Саламов.

Финал рассказа С. Гадиева «Азау», как и во многих его

---

¹²¹ Г а д и е в С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 131.

¹²² Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 290.

¹²³ Г а д и е в С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 131.

других произведениях, трагичен. Смертью главных героев автор выносит смелый приговор лживой и алчной действительности. Но даже смерть, по мнению С. Гадиева, не смогла разъединить влюбленных. Они воссоединились на небе, а на могиле Таймураза и Азау вырос карагач, символизирующий их единство: «Таймураз æмæ Азауы ингæныл стыр сывылдз бæлас абон дæр дзыназы Ганисы уæлмæрдтыл»¹²⁴. Ц. Гадиев в переводе проигнорировал эту немаловажную деталь. Перенес указанный символ в свой перевод Т. Саламов: «А над кладбищем Ганиса по сей день стонет, рыдает на ветру старый карагач»¹²⁵. Тут переводчик Саламов идет вразрез с оригиналом, так как в кратком варианте рассказа этого предложения нет. Второй переводчик рассказа сохранил указанный символ, так как осознавал его значимость в финальной части текста.

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ двух вариантов рассказа Сека Гадиева «Азау» с их параллельными переводами, мы пришли к следующим выводам: изображенная автором в рассказе действительность передана Ц. Гадиевым и Т. Саламовым адекватно; при переводе труднопереводимых слов, реалий переводчики использовали индивидуальный подход; каждый из анализируемых переводов свидетельствует о больших творческих возможностях переводчика.

---

¹²⁴ Г æ д и а т ы С. Азау // Г æ д и а т ы С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 293.

¹²⁵ Г а д и е в С. Азау // Г а д и е в С. Азау. Произведения. Перевод с осетинского. Цхинвали: Ирыстон, 1984. — С. 32.

1.3. О ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА А. ЦАЛИКОВА «В АБРЕКИ»: СТЕПЕНЬ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Рассказ «В абреки» Ахмед Цаликов написал изначально на русском языке, и лишь позднее произведение было переведено на осетинский язык. Перевод принадлежит представителю осетинской интеллигенции конца XIX — 1-ой половины XX века Х. Цомаеву.

Профессия переводчика предполагает наличие особого переводческого чутья, таланта, умения. Этими качествами был наделен Х. Цомаев. Прекрасное знание обоих языков позволило ему осуществить ряд замечательных переводов, обогатить родную литературу переводными произведениями русских и осетинских писателей.

Главным методом исследования, широко распространенным в переводоведении, является сравнительно-сопоставительный анализ перевода и оригинала. При этом распознаются их сходства и различия, определяются допущенные отклонения. По мнению Н. Г. Джусойты, основной принцип искусства художественного перевода — сопоставимость в идейном, смысловом, эмоционально-содержательном, образном, интонационно-ритмическом, стилистическом, лексическом и других планах. Наличие такой сопоставимости дает нам право и возможность говорить о переводе¹²⁶.

Сопоставим исходный текст А. Цаликова с осетиноязычным переводом Х. Цомаева, проанализируем основные способы и методы перевода.

Перевод рассказа А. Цаликова «В абреки» опубликован в 1915 году в журнале «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»). Текст переводчиком Цомаевым, как сам он пи-

---

¹²⁶ Джусойты Н. Г. Мера совершенства (переводного произведения оригиналу и совершенство его воспроизведения в материале другого национально-го языка) // Вопросы литературы. 1978. № 10. — С. 22.

шет, взят из журнала «Копейка» (№ 13-141, 1912 г.). Перевод существенно рознится с оригиналом. Это отражено уже в переводе названия рассказа «Чырысти райгас. Хохаг адаэмы цардаэй». Неоправданна замена Х. Цомаевым в переводе имени одного из главных героев: вместо Буцка — Дзипка. Цомаев совсем по-иному преподнес и развязку рассказа. Значительные изменения привели к тому, что сам автор оригинала оказался «невидимым». Можно ли подобные отступления от подлинника оправдать личным мнением переводчика? Как показывает практика перевода, переводчик не всегда ставит перед собой цель достичь адекватности оригинала. Он может преследовать совсем другие цели — сохранить или изменить концепцию подлинника. Переводчик может пытаться навязать читателю свое отношение к описываемым в тексте событиям. Для этого он сознательно упрощает или добавляет, сокращает или изменяет передаваемую источником информацию.

У каждого есть свои принципы, методы, подходы к воссозданию художественного текста. На примере перевода рассказа «В абреки» проследим основные переводческие стратегии Х. Цомаева.

Видно, что у Х. Д. Цомаева не было достаточного стремления свести к минимуму несхожие с оригиналом моменты.

Сюжет рассказа таков. Между табунщиками Даука и Буцка произошла ссора. Причиной всему был вороной конь Даука, оседлать которого давно грезил Буцка. Пользуясь подходящим моментом (Даука был в соседнем ауле), Буцка осуществил свою мечту. Даука узнал о поступке товарища. При личной встрече он грозно упрекнул его и напроочь запретил подходить к его коню. Тяжелую обиду затаил с этого дня Буцка и позднее напомнил о ней другу. Даука еще раз пояснил товарищу неправильность его поступка и причину своей злости. Словесная перепалка привела к траге-

дии. В пылу ярости Буцка нанес Даука смертельный удар по голове. Что теперь делать Буцка? Обратнo в село? Но туда ему дороги нет. Заплатить за кровь? Но где взять средства? Здесь мы являемся свидетелями проявления его эгоистических качеств. Убив человека, он ни на минуту не задумывается о правильности или неправильности совершенного им деяния, а думает лишь о дальнейшей своей судьбе. Буцка находит единственный верный для себя путь — в абреки, куда «толкает его злой рок и безнадежность».

Оригинал создавался в свое время как художественное отражение актуальных проблем своего времени. В то время, когда создавалось произведение А. Цаликова, проблема абречества была одной из злободневных. Тем удивительнее то, что Цомаев совсем по-иному преподнес развязку рассказа. Перевод заканчивается тем, что два товарища в пылу ярости услышали благословенные поздравления людей в честь Пасхи. Осознали герои свою ошибку, попросили прощения друг у друга.

Одной из основных целей перевода является ознакомление читателя с литературным памятником и любое отступление от эквивалентности должно быть оправдано необходимостью, а не произволом переводчика. Изменение финала произведения Харлампием Цомаевым, на наш взгляд, может быть связано с двумя обстоятельствами. Х. Цомаев, будучи священником, был привержен гуманистическим принципам, и изменение конца рассказа подчинено определенным духовным потребностям переводчика. Иная точка зрения связана с литературной полемикой, существовавшей, по всей вероятности, между переводчиком и автором, представляющие различные мировоззренческие взгляды.

Традиционно перевод рассматривается с точки зрения верности, то есть точности передачи подлинника. На этом

основании мы будем сравнивать ту часть рассказа, которая соответствует сюжетной линии оригинала.

Следует отметить и то, что в переводе рассказ заметно объемнее. Переводчик расширяет коммуникативную ценность первичного текста за счет расширяющей транспозиции, добавления и уточнения отдельных мест действия. Перевод Х. Цомаева выделяется большей смысловой емкостью: прямой смысл слов подлинника заменяется вольной интерпретацией и толкованием. Приведем пример первого предложения:

«Табунцики Даука и Буцка дулись друг на друга»¹²⁷.

Перевод слишком далеко отходит от оригинала. Цомаев, для более полного раскрытия смысла, увеличивает коммуникативную единицу исходного текста. Одному предложению соответствует в переводе целый абзац:

«Æгас дыууæ 'хсæвы хъæуы рæгъаугæстæ, Даука æмæ Дзипка, кæрæдзимæ топпы кæсæнæй кастысты. Кæрæдзийы уынд дæр сын тых кодта. Цæмæй кæрæдзийыл ма сæмбæлой, ууыл дыууæйæ дæр сæ уд хъардтой, исты та куы сдзурой, мыййаг, æмæ та сын загъд куы ацайдагъ уа, уымæй тæрсгæйæ»¹²⁸.

Как легко заметить, переводчик отнюдь не придерживается подлинника. Расширяет объем оригинала за счет введения в перевод более распространенных описаний. В первом предложении Цомаев меняет конструкцию, вводит в текст уточнение о продолжительности ссоры двух героев (два дня). Чтобы подчеркнуть неприязнь Даука и Дзипка друг к другу, Цомаев использует собственные мотивы: *«топпы кæсæнæй кастысты»*, *«кæрæдзийы уынд дæр сын тых кодта»*, *«цæмæй кæрæдзийыл ма сæмбæлой, ууыл дыууæйæ дæр сæ уд хъардтой»* и т.д.

---

¹²⁷ Ц а л и к о в А. В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З. М. Салагаева. Владикавказ, 2002. — С. 61.

¹²⁸ Ц æ л ы к к а т ы А. Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардаей. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 36.

Удачной, на наш взгляд, оказалась характеристика, данная Цомаевым коню. В рассказе Цаликова конь наделен одним эпитетом: «воронкой». Цомаев акцентирует внимание на его красоте и грациозности: «...диссаджы рæсугъд уайаг бæх, сæнтсау сынты базыры хуызæн»¹²⁹.

Примером точной интерпретации содержания оригинала может служить следующий отрывок:

*«Буцка был лихим наездником. Но он был беден и с завистью смотрел на своих более счастливых товарищей, которые могли хвастаться своими конями и оружием»*¹³⁰.

Обратимся к переводу:

*«Чи амбылдтаид Дзипкайы бæхыл бадынмæ, кæнæ чи сарæхстаид уый хуызæн бæхыл хъазынмæ! Æниу цы алыхуызон лæджыхъæдаей уыди æгуыдзæг, кæнæ йе 'мгæрттæй цауддæр! Æцæг уыди мæгуыр лæппу æмæ хæлæгæй марди йе 'мгæрттæм, саргъ уæд, бæх уæд, алцæмæй дæр ифтонг чи уыди, уыдонмæ»*¹³¹.

Здесь Цомаеву удалось передать основную мысль фрагмента оригинала.

В переводе встречаются и целые конструкции, абзацы близкие к оригиналу. Например: «Была ночь. Величественная кавказская ночь. Тишина. Прохладный ветерок дул с гор. Сверкали звезды»¹³² — «Уыди æхсæв. Диссаджы рæсугъд кавказаг æхсæв. Алырдыгæй æнцад. Хæхтæй фæлмæн узалгомау дымгæ ракодта. Стъалытæ арвил æрттывдтытæ калдтой»¹³³.

Безусловно, удачен перевод данного отрывка. Прежде всего, обращают на себя внимание характерные для на-

---

¹²⁹ Уый дæр уым.

¹³⁰ Ц а л и к о в А. В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З.М. Салагаева. Владикавказ, 2002. — С. 61.

¹³¹ Ц æ л ы к к а т ы А. Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардаей. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 37.

¹³² Ц а л и к о в А. В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З.М. Салагаева. Владикавказ, 2002. — С. 63.

¹³³ Ц æ л ы к к а т ы А. Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардаей. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 39.

шего края признаки пейзажа и большая их детализация в переводе.

Воздадим должное переводчику за умение подбирать в родном языке лексические соответствия, подходящие синонимы словам, не имеющим прямых эквивалентов: «Буцка гикал» — «фырцинаей хъæр кодта», «внутри у него все клокотало от бешенства» — «йæ хуылф судзгæ кодта фырмастæй», «вспыхнул» — «феррайау фырмастæй». Как видим, Цомаев избегает натяжек, переводит легко, без насилия языка.

В художественном тексте есть немало мест, плохо поддающихся переводу. Но Цомаеву, хорошо знающему культурно-эстетическую среду, описываемую в рассказе, удалось избежать ошибок. Например: «В один из вечеров, когда Даука, большой любитель пображничать, отправился в соседний аул...»¹³⁴ — «Иу бон йе 'мбал Даукайы Хыцау фæраст кодта хъæумæ куывд хæрынмæ»¹³⁵. Заслуга осетинского переводчика в том, что, не подыскав точного эквивалента слову «пображничать» («пьянствовать», «кутить», «гулять»), Цомаев просто сам домысливает цель похода Даука в аул. Другие случаи удачного перевода единиц исходного текста: «трус» («тæппуд») — «лагыл æй нæ нымайы», «ответил сдержанно» («хиуылхæцгæ») — «уæззаугомау ын загъта». Как видим, по-своему воспроизведя данные выражения оригинала, переводчик доносит до иноязычного получателя семантику переводимых единиц.

Одним из требований удачного перевода является сохранение большей части тропов и фигур речи как важных составляющих художественной стилистики произведения.

---

¹³⁴ Ц а л и к о в А. В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З. М. Сагаева. Владикавказ, 2002. — С. 61.

¹³⁵ Ц æ л ы к к а т ы А. Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардаей. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 36.

Речь идет о фразеологизмах, сравнениях, метафорах, эпитетах.

Большой интерес представляет перевод фразеологизмов. Им в тексте принадлежит особая роль. Фразеологизмы не просто передают определенную информацию, но и несут в произведении коннотативную функцию, оказывают влияние на чувства и воображение читателя. Для создания нужного эффекта многие авторы специально насыщают произведение фразеологическими единицами. И поэтому желательно сохранить фразеологизмы в переводе, их денотативное значение.

Для переводчика Цомаева было очень важно воссоздать всю образность повествования: *«не находил себе места»* — *«иу ран нал лаууыд»*. Убедившись, что в данном конкретном случае перевод на осетинский язык номинативных значений слов, образующих образное устойчивое словосочетание, невозможен, заменял его своим, близким по смыслу: *«свалился с неба, как снег на голову»* — *«Хуыцау аей арбахаста»*. В случае же отсутствия эквивалента обычно прибегал к подстрочному переводу фразеологизма: *«заруби это себе на носу»* — *«дæ фындзыл ныуугард кæн, уый»*. Или просто воспроизводит исходную фразеологическую единицу при помощи его толкования: *«Он покрыл бы себя несмываемым позором, если бы в присутствии гостей начал сводить с Даука счеты»*¹³⁶ — *«Стыр худинаг æмæ аллайæ фæуыдаид Дзипка, уазджыты раз Даукамæ исты схуыст ныхас куы скодтаид, уæд»*¹³⁷.

Часто Х. Цомаев для передачи смысла того или иного слова, подыскивал соответствующий в переводящем языке фразеологизм, наиболее подходящий по контексту:

---

¹³⁶ Ц а л и к о в А. В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З. М. Са- лагаева. Владикавказ, 2002. — С. 63.

¹³⁷ Ц æ л ы к к а т ы А. Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардаей. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 38.

• «Уже давно Буцка лелеял в душе мысль поездить на этом коне и только ждал отлучки товарища» — «Дзипкайы **комыдаэттæ йæм рагæй дæр уадысты**, ууыл атезгъо кæныны **мондагæй марди**, фæлæ **йæ къухты не 'фтыди**».

• «Но он был беден и с завистью смотрел на своих более счастливых товарищей» — «Æцæг уыди магуыр лæппу æмæ **хæлæгæй марди** йе 'мгæрттæм».

• «Еще издали Даука начал объезжать табун, всматриваясь, все ли в порядке» — «Даука фыццаг рагъаумæ дардæй фæлгæсгæ æрбацыд уæлбæхæй, куы æрбæхæцца, уæд йæ алыварс азылди, æгас рагъауыл дæр йæ **цæст ахаста**».

• «Буцка был хотя и беден, но очень самолюбив» — «Дзипка кæд магуыр уыди, уæддæр **йæ сæр сæрма чи хаста**, ахæм лæппу уыди».

• «Он почувствовал кровную обиду от замечания товарища, но смолчал» — «Даукайы **ныхæстæ йæ амардтой**, фæлæ уазджыты цур ницыуал сдзырдта, **йæхиуыл фæхæцыд**».

Творческий подход необходим и при передаче в переводе словесных образов — эпитетов, метафор, сравнений. Именно на уровне эквивалентности Цомаев работает в тех случаях, когда нужно передать образное определение предмета, то есть эпитет: «гневный взгляд» — «**мæсты каст**», «останавливал коня сильной рукой» — «**бæхы рохтыл-иу йæ тыхджын къухæй фæстæмæ фæхæцыд**», «плохие слова» — «**æнасæрфат дзырдтæ**», «вспыльчивый» — «**судздза**».

Отрадное впечатление оставляет перевод метафор: «Даука вскипел» — «**Даука фырмастæй судзы**», «завязав разговор» — «**ныхас бацайдагъ**», «засверкать кинжалами» — «**хъаматæ ферттывттой**». Не имея в переводящем языке аналогов, переводчик воспроизводит значения русских образных выражений путем свободной замены: «**целые сутки он переваривал в себе злость**» — «**йæ хуылф фæсыгъди**, йæ

зарда ныррасыд фырмастай». Подход Цомаева к переводу метафор не ослабляет их звучание в осетиноязычном тексте. В переводе максимально полно переданы значения исходных единиц, весь образный ряд.

В традиционной манере, местами очень точно, переводчик выполняет перевод сравнений: «мчал его по степи, подобно вихрю» — «уадбазыртыл хэссæгау æй дугъон быдырты хаста», «помчался стрелой» — «фатау тахти», «замирал как вкопанный» — «дзыхълауд фæкодта». Перевод более распространенных сравнений:

- «Если бы к его обнаженной груди кто-либо приложил раскаленное железо, наверное, оно бы не так жгло, как эти мысли» — «Йæ мастьыи сахат ын исчи йæ гом риуыл сырзынг æфсæйнаг куы авердтаид, уæддæр æй афтæ нæ басыгътаид, мидæгæй йæ зардæйи цы мастьытæ уыди, уыдон æй куыд сыгътой, афтæ».

- «Полный месяц, как круглый шар, катился по небу» — «Мæй йæ цæлхыдзаг, æмдымбыл æрттиваг къорийæу, арвыл зылди».

В переводе мы встречаем и такой прием — замена сравниваемого образа своим, родным для переводчика: «Даука и Буцка, как два разъяренных барса, кинулись друг на друга» — «Даука æмæ Дзипка, дыууæ агъуыд бирæгъæу, кæрæдзийыл сæхи ныццæвтой» (барс → волк). Х. Цомаев, по существу, отказывается от цаликовского образа, сохраняя его отдельные семантические компоненты. Чтобы не утратить образный характер словесного выражения, переводчик предлагает свое сравнение, так сказать, «взамен».

Некоторые писатели в своих произведениях для характеристики персонажа широко используют жаргон и другие отклонения от литературной нормы. В рассказе А. Цаликова подобные сниженные элементы языка встречаются

лишь дважды в речи Даука: «Ишь ты, собачий сын!»; «Не лай попусту! Твой лай к добру не приведет!..». В первом случае Цомаев эмоционально окрашенное обращение опускает и компенсирует фразеологизмом, обладающим ярко выраженной местной окраской: «алывыд калын» (с осет. «изливать зло»). В тексте: «Дзæбæх, зæгъгæ йæм сдзырдта Даука, ныр йæхинымæры судзы æмæ йын æнæ уæлæмæ сдзургæйæ алывыд калы»¹³⁸. Во втором — переводит эквивалентом: «Куыдзау ма рæй дын зæгъын!.. Дæ куыдзырæгид хуыздæрæн нæ фæуыздæни»¹³⁹.

Большое внимание Харлампий Цомаев обращал и на реплики героев, которым в тексте отводится особая роль. Ответственно подходит к переводу диалогов. Приведем пример разговора двух табунщиков накануне трагедии.

Оригинал:

— *Прошлый раз, Даука, ты чрезмерно выбрал меня за вороного коня, в тот час я тебе ничего не ответил, приехали гости, но должен тебе сказать, что твои слова были очень плохие слова...*

— *Плохие или хорошие, — ответил спокойно Даука, — но повторяю их и теперь. Я знаю, что говорю. Я тебя предупредил. А я не люблю повторять два раза одно и тоже.*

— *А ты что из себя представляешь? — побагровев, вспыхнул Буцка.*

— *Ты что! Пристав что ли?! Таких, как ты, я много видел!..*¹⁴⁰

Перевод:

— *Иу бон дæр ма мын, Даука, ды уыцы бæхы сæрыл куыдзы æфхæрд бакодтай. Ницы дæм сдзырдтон æз уыцы сахат, уызджыты сæр хъуыдыгæнгæйæ, фæлæ дын ныр*

¹³⁸ Уый дæр уым. — Ф. 37.

¹³⁹ Уый дæр уым. — Ф. 39.

¹⁴⁰ Ц а л и к о в А. В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З.М. Салагаева. Владикавказ, 2002. — С. 63.

комкомма хъуамæ зæгъон, дæ дзырдтæ æнæсарфат кæй уыдысты, уый.

— Хорз уыдысты ма ныхæстæ æви æвзæр, уый æз нæ зонын, фæлæ та дын сæ ноджыдæр зæгъын. Æз зонын, кæмæн цы зæгъын хъæуы, уый.

— Æмæ уагæр цы дæ ды, цас стыр лæг кæсыс дæхимæ?
— саумылазон аци фырмастæй æмæ схъæр кодта Дзипка.
— Цы дæ хъæуы мæнæй, хицау исты мын дæ мыййаг? Æз дæ хуызæттæ бирæ фæдтон!..¹⁴¹

Сравнив два отрывка, с уверенностью можно сказать, что Цомаев умело построил диалоги. При переводе учел характер, национальные черты персонажей. Воспроизводя диалог буквально, он смог передать чувства, мысли, настроение героев. С помощью верно подобранной интонации сохранено враждебное отношение Буцка и Даука друг к другу. Через речь, мимику, тон действующих лиц мы узнаем об их душевном состоянии: «æвинпайды Дзипка æрбатæвд», «уæззаугомау ын загъта Даука», «саумылазон аци фырмастæй Дзипка», «Даука фырмастæй судзы».

Несмотря на существенную разницу финальной части рассказа, в переводе чувствуется проявление творческой индивидуальности переводчика. Х. Цомаев не гонится за буквальной точностью. Используя все возможности родного языка, сохраняет национальную окраску оригинала, что является одной из составляющих полноценного художественного перевода. Прав А. В. Федоров: «Вопрос о передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан, относится к числу тех основных проблем теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о переводимости»¹⁴².

¹⁴¹ Ц æ л ы к к а т ы А. Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардаей. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 39.

¹⁴² Ф е д о р о в А. В. Основы общей теории перевода: учебник для вузов.

Цомаев воспроизводит национальные особенности, колорит, художественно-эмоциональную выразительность оригинала. А язык перевода отличается красочностью и живописностью. Он включает в себя не только книжно-литературную лексику, фразеологию, но и живую разговорную речь.

Благодаря переводу Х. Цомаева произведение А. Цаликова зазвучало на родном для писателя языке. Подобная деятельность Харлампия Цомаева способствовала пропаганде переводческого дела в осетинской литературе.

1.4. РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА К. Л. ХЕТАГУРОВА В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Художественное наследие основоположника осетинской литературы К. Л. Хетагурова привлекало и будет привлекать научных исследователей. Трудно назвать другого осетинского писателя, чье творчество так волновало бы литературоведов, лингвистов, этнографов и т.п. Объектом всестороннего изучения ученых становились и переводные произведения К. Л. Хетагурова. Но, к сожалению, исследования художественных переводов не выходили за рамки поэзии. Наше обращение к анализу переводов прозы К. Л. Хетагурова объясняется недостаточной разработанностью данной проблемы в осетинском литературоведении.

Прозаические произведения К. Л. Хетагурова активно переводились на языки народов мира. Известны переводы этнографического очерка «Особа» («Быт горных

осетин»¹⁴³) на английский¹⁴⁴, японский¹⁴⁵, французский¹⁴⁶, грузинский¹⁴⁷ языки, а также переводы самого известного рассказа К. Л. Хетагурова «Охота за турами» на грузинский¹⁴⁸, французский¹⁴⁹, эстонский¹⁵⁰, украинский¹⁵¹, карачаевский¹⁵².

Не обошли вниманием прозу К. Л. Хетагурова и осетинские переводчики. И «Особа», и «Охота за турами», будучи написанными на русском языке, увидели свет на родном для писателя языке — осетинском: этнографический очерк

---

¹⁴³ «Быт горных осетин» — название этнографического очерка К. Л. Хетагурова «Особа», переизданного в Южной Осетии в 1939 г.

¹⁴⁴ Перевод этнографического очерка К. Л. Хетагурова «Особа» на английский язык осуществлен А. А. Плиевым.

¹⁴⁵ Х е т а г у р о в К. Л. Особа/Пер. на япон. яз. Като Кюдзо. Ученые записки государственного музея этнографии народов мира в Японии. 1977. №2. — С. 828-873 // НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп. 1. Д. 399.

¹⁴⁶ Х е т а г у р о в К. Л. Особа. Этнографический очерк. Ossoba. На француз. язык пер. Я. Лебединский // Венок Бессмертия: материалы Междун. науч. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Хетагурова/Сост. З. Х. Тедгоева; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Проект-Пресс, 2010. — С. 517-544.

¹⁴⁷ Х е т а г у р о в К. Л. Быт горных осетин/Пер. на груз. яз. И. Зурабишвили // Хетагуров К. Л. Сборник избранных произведений. Сталинир, 1939. — 659 с.

¹⁴⁸ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. И. Бакурадзе // Сабчота Осети. 1939. 22 мая; Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами. Пер. Х. Вардошвили // Мнатоби. 1957. №3. — С. 73; Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. М. Нижарадзе // Антология осетинской прозы. Тбилиси, 1975. — С. 20; Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами/Пер. на груз. яз. Тбилиси: Никадули, 1967. — 15 с.

¹⁴⁹ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами. La chasse aux bouquetins. На француз. язык пер. Я. Лебединский // Венок Бессмертия: материалы Междун. науч. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Хетагурова/Сост. З. Х. Тедгоева; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Проект-Пресс, 2010. — С. 488-492.

¹⁵⁰ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. Х. Кросс // Ноорус. 1959. №11. — С. 16-18.

¹⁵¹ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами // Осетинские рассказы. Предисл. и пер. В. Чередниченко. Харьков-Киев, 1931. — С. 19-32.

¹⁵² Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами. Джугътур уугъа барыу/На карач. яз. пер. О. Хубиев. Черкесск, 1962. — 16 с.

переводился Г. Джатиевым¹⁵³ и Н. Доевым¹⁵⁴, а небольшой рассказ «Охота за турами» — А. Тотиевым и М. Дзасоховым. Ш. Ф. Джикаев указывает, что впервые на осетинском языке рассказ К. Хетагурова «Охота за турами» вышел в переводе Амырана Тотиева в альманахе «Малусæг» за 1922 г.¹⁵⁵, однако существует и более ранний идентичный перевод этого рассказа, опубликованный в газете «Кермен» в 1920 г. Автором перевода указан Амырхан и заголовок рассказа другой — «Хæххон цард» («Горская жизнь»)¹⁵⁶. Но пословное сличение двух текстов убеждает нас в том, что перед нами один и тот же вариант.

Перевод А. Тотиева переиздавался и позднее, но с различными изменениями¹⁵⁷: сам текст перевода был сокращен, а в некоторых публикациях не указан его автор. В учебниках по осетинской литературе рассказ К. Л. Хетагурова «Охота за турами» в переводе А. Тотиева дается тоже в сокращенном варианте¹⁵⁸: в нем отсутствуют сцена с ча-

---

¹⁵³ К ъ о с т а. Особа. Этнографичон очерк/Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — 55 л.

¹⁵⁴ Х е т а г у р о в К. Л. Особа/Пер. на осет. яз. Н. Доева // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Орджоникидзе, 1956. — С. 199-252.

¹⁵⁵ Джыккайты Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956). Дзауджыхъæу, 2003. — Ф. 34.

¹⁵⁶ Хæххон цард (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Амырханы тæлмац // Кермен. 1920. №44-46.

¹⁵⁷ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны // Сборник избранных произведений (1859-1939). Сталинир, 1939. — 625 с.; Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны // Пионер. Детский журнал. 1941. №4. — Ф. 3-9; Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны/Пер. А. Тотиев // Собр. соч. в 3-х т. 1956. Т. 2. — Ф. 201-210; Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон прозæйы антологи. Дыууæ томæй. 1-аг том. Цхинвал: Ирыстон, 1969. — Ф. 120-127; Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны // Солнце золотое. Антология детской литературы. Т. 1. Орджоникидзе, 1973. — Ф. 142-151.

¹⁵⁸ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 5-æм къласæн. Сарæзта йæ Зæнджиаты Розæ. Дзауджыхъæу, 1972. — Ф. 92-99; Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 6-æм къласæн. Сарæзтой йæ Зæнджиаты Розæ æмæ Дзасохты Фатимæ. Дзауджыхъæу, 1995. — Ф. 61-69.

буром (обувью) Симона, диалог Тедо и его жены Залины перед охотой.

Перевод рассказа Музафера Дзасохова также переиздавался неоднократно. Очередное издание с красочными иллюстрациями Батраза Дзиова вышло в 2003 г.¹⁵⁹. Переводчик воспроизвел на осетинском языке все сюжетные линии, сохранил форму исходного текста. О преимуществах этого издания говорит и тот факт, что перевод М. Дзасохова дается параллельно с оригиналом. Но, чтобы говорить об адекватной передаче переводчиками всех компонентов подлинника, необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ оригинала с его вариантами на осетинском языке. Материалом для исследования послужили оригинал, полный¹⁶⁰ и сокращенный варианты перевода А. Тотиева, осетиноязычный текст М. Дзасохова.

К. Л. Хетагуров — яркий пример писателя-билингва. Ему одинаково успешно удавались художественные образы как на осетинском, так и на русском языках. В последнее время осетинское литературоведение обогатилось рядом работ, в которых анализируется русскоязычное наследие осетинского писателя¹⁶¹. Но, к сожалению, в данных работах не затрагиваются проблемы перевода прозаических произведений К. Л. Хетагурова.

Время создания рассказа «Охота за турами», по-видимому, относится к периоду ссылки писателя в Карачаево-Черкесию. Впервые рассказ был опубликован в Пе-

---

¹⁵⁹ Х е т а г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — 30 ф.

¹⁶⁰ Х е т а г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 58-65.

¹⁶¹ Х у г а е в И. С. Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Х у г а е в И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. — С. 301-459; Д з у ц е в а Н. А. Поэзия К.Л. Хетагурова в контексте русской поэзии 80-90-х годов XIX — начала XX века. СПб., 2006. — 266 с.

тербурге в 1893 г. в третьем номере журнала «Детское чтение» (С. 243-254)¹⁶². Сюжет самого рассказа несложен. Описываемые события относятся, по мнению исследователя русскоязычного творчества К. Л. Хетагурова И. С. Хугаева, к допросветительской и дороссийской эпохе¹⁶³. На примере одной осетинской семьи автор сумел показать нелегкую жизнь горцев. Действительность, описанная Хетагуровым, была сурова, и горец, чтобы прокормить семью, рисковал своей жизнью.

Перед тем как перейти к сличению исходного текста с выходящими, необходимо рассмотреть переводы заголовка рассказа. У А. Тотиева название рассказа «Дзæбидырдуаны» (букв. «На охоте за турами»), на наш взгляд, не соответствует замыслу К. Л. Хетагурова, в переводе же М. Дзасохова заголовки аналогичны авторскому названию «Охота за турами» — «Дзæбидырдуан».

Рассказ начинается с описания места действия. Перед нами осетинский аул Зебат. С удивительной реалистичностью автор изображает окрестности аула, пейзаж горного ущелья, однообразный быт зебатовцев, главным занятием которых за неимением пахотной земли была охота. Усугубляла и без того незавидное положение горца окружающая его суровая природа: кругом одни скалы, ни одного кусточка, ни одного деревца. Детально описывает автор осенний пейзаж: *«Осенью окрестности аула принимают еще более печальный вид. Тощая трава желтеет, серые тучи спускаются до самого аула; из ледников дует холодный ветер. Начинаются дожди, изморозь, снег...»*¹⁶⁴.

---

¹⁶² Г у т и е в К. Комментарии // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 298.

¹⁶³ Х у г а е в И. С. Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Х у г а е в И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. — С. 394.

¹⁶⁴ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в т. М., 1974. Т. 2. — С. 217.

Судя по переводным текстам, особых трудностей этот несложный абзац не вызвал ни у одного из переводчиков. Интерпретация А. Тотиева представлена таким образом: «*Фæззæг хъæуы алфамблай вæййы æнкъарддзастдæр. Æнауд кæрдæг фæлурс кæнын байдайы. Цъæх мигъ æрхæциæ вæййы хъæумæ, цъититæй раулаæфы узал дымгæ, райдайы къæвдайæн, митуардæн, хъызтæн сæ фæлтæр...*»¹⁶⁵. Вот как передает информацию исходного текста М. Дзасохов: «*Фæззыгон хъæуы алыварс вæййы уæлдай æнкъарддæр. Дæләмæдзыд кæрдæг сбур вæййы. Фæныкхуыз мигътæ хъæуыл æрæнциайыни; цъититæй фæдымы узал дымгæ. Сæлфынæг сагъуыцы, халас пъæззыау ныббады, мит уарын райдайы*»¹⁶⁶. Как видим, каждый из переводчиков в переводящем языке находит свои эквиваленты. Обратим внимание на перевод в этом отрывке слова «тощая» («фæлахс», «мæгуыр») в контексте «тощая трава желтеет». Автор рассказа не случайно употребил именно его. Как представляется, выбором этого слова Хетагуров еще раз хотел подчеркнуть неимоверную бедность и беспросветность существования жителей осетинского аула Зебат. В переводе Тотиева «тощая трава» стала «*æнауд кæрдæг*»-ом — «*безжизненной травой*». Эквивалент эпитету оригинала Тотиевым подобран удачно и передает общую удручающую обстановку в ауле. Осетинский аналог «тощей травы» у Дзасохова — «*дæләмæдзыд кæрдæг*» («низкорослая трава»). Использование в тексте подобного эквивалента допустимо, но при этом, как представляется, отрывок потерял заложенный в нем автором смысл. Некоторые несоответствия перевода Дзасохова оригиналу обнаруживаются и в последнем предложении абзаца: вместо исходного «*начинаются дож-*

¹⁶⁵ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 57.

¹⁶⁶ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 5.

ди, изморозь, снег...» мы видим генерализацию в переводе «*сәлфынәг сагъуыцы, халас пәәззыйау ныббады, мит уарын райдайы*» (букв. «изморозь не перестает, иней кошмарно оседает, снег начинает идти»).

В своем рассказе К. Л. Хетагуров описывает редкие для этого времени года солнечные дни. Изображенный автором пейзаж реалистичен и оживлен: «*Впрочем, в конце сентября выпадают иногда ясные солнечные дни с холодным утром и с теплым великолепным вечером. Лучи заходящего солнца позлащают причудливые вершины гор. Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой, как заколдованные замки, встают зубчатые скалы. Далеко в глубине рокошет неугомный поток, и только он, переливаясь на тысячи ладов, нарушает мертвую тишину безмолвных утесов*»¹⁶⁷.

Для передачи содержания этого отрывка переводчикам необходимо было сохранить не только денотативный компонент подлинника, но и найти в переводящем языке адекватные средства отражения олицетворений, метафор, эпитетов. В связи с этим необходимо сопоставить переводы Тотиева и Дзасохова с подлинником. Перевод Тотиева: «*Фәлә ма найгәәнән мәйы фәстә искуы стәм хатт фәзының райдзаст хур бонтә, узал райсом әмә диссаджы хъарм изәртимә. Ныгуылгәйә хуры тынтә сыгъзәрин арт суадзың расугъд хәхты сәрты. Әгас комы әрәмбәрзы рухсдзыд цъәх мигъ цагъд къуымбилау әмә дзы фәзының цыргътигъджын хәхтә. Бәстә ныссабыр вәййы. Дард ран кәмдәр хъәр кәны әрмәст комы дон, әнә банцәйгәйә уасы алы хъәләсәй әмә хъал кәны къәдзәх айнәг бәстә йә мәрдфынәйә*»¹⁶⁸. Читаем у Дзасохова: «*Уәвгә ма*

¹⁶⁷ Хетагуров К. Л. Охота за турами // Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 217-218.

¹⁶⁸ Хетагкаты Къ. Дзәбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг әвзагыл). Тотиты А. тәлмац // Малусәг. 1922. — Ф. 57.

нырхæны мæйы кæрон иуæй-иу хатт скæны хурбонтæ. Ахæм рæстæг райсомæй узал вæййы, изæрæй та æмбисонды хъарм. Хуры фæстаг тынтæй хæхты цъуппытæ зæрин доны тылдау сæрттивыны. Æнæхъæн ком æрæмбæрзы фæздæджы хуызæн фæлурс мигъ, æмæ дзы къæдзæхты цыргъ цъуппытæ аргъæутты гæнæхтау фæзыныны. Комы дæлиауæй фæхъуысы гуылфæны æнæрæнцой гуыр-гуыр æмæ æрмæстдæр доны минмырон хъæлæс фæхалы æгомьы къæдзæхты мардон æнцойдзинад»¹⁶⁹.

Как видно, в целом оба переводчика сохранили основные компоненты в содержании подлинника. Сразу же обращает на себя внимание передача на осетинский язык названия месяца «*сентябрь*». Каждый из переводчиков подошел к этому по-своему: у Тотиева «*сентябрь*» — «*найгæнæн мæй*», а у Дзасохова — «*нырхæны мæй*», но оба перевода близки к подлиннику. В. И. Абаев в своем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» дает такое определение: «*гихæп* — д. название месяца, соответствующего примерно сентябрю; *гихæпæ тæйæ* — «месяц сентябрь»; и. *пурхæну тæй*»¹⁷⁰. Перевод Тотиева «*найгæнæн мæй*» буквально переводится как «*месяц молотъбы*», который ориентировочно приходился на сентябрь.

В приведенном абзаце встречается немало изобразительно-выразительных средств языка (олицетворения, эпитеты, метафоры, сравнения). Для их адекватной передачи каждому переводчику недостаточно просто знать язык перевода, он должен думать также о коннотативной окрашенности и эстетической стороне переводимого текста. В данном случае образные средства языка и Тотиевым, и Дзасоховым не игнорированы. По мере возможности они сохраняют их в

¹⁶⁹ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 5-6.

¹⁷⁰ А б а е в В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л., 1973. Т. 2. — С. 435.

переводном тексте, и поэтизация картин пейзажа заворачивает осетиноязычного читателя.

Довольно сложным для перевода оказался сравнительный оборот в предложении: «*Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой, как заколдованные замки, встают зубчатые скалы*». Тотиев внес свои краски, используя привычные для осетиноязычного реципиента сравнения: «*Æгас комы æрæмбæрзы рухсдзыд цъæх мигъ цагъд къуымбилау æмæ дзы фæзыныныц цыргътигъджын хæхтæ*». Иначе звучит интерпретация Дзасохова: «*Æнæхъæн ком æрæмбæрзы фæздæджы хуызæн фæлурс мигъ, æмæ дзы къæдзæхты цыргъ цъуппытæ аргъæутты гæнæхтау фæзыныныц*». Как видим, второй переводчик более ответственно подошел к передаче образных средств переводимого текста. Не найдя в осетинском языке эквивалент слову «*заколдованный*», он подобрал вполне подходящий аналог — «*аргъæутты гæнæхтау*» (букв. «как сказочные замки»).

На некоторые погрешности в переведенном Тотиевым отрывке указывает А. Тлаттаты: «Радзырды дыккаг абзацы *хосгæрсты зæххы* бæсты растдæр уайд *уыгæрдæнтæ*; æртыккаг абзацы *конопатый* тæлмацы у *фыдуынд* (хъуамæ уа *дзыгъуыр*); *хохлатый* та иронмæ раивтой *лагуын*, уæвгæ та у *къоппаджын*. Цыппæрæм абзацы тæлмацы ис ахæм хъуагдзинæдтæ: «...кæрдæг фæлурс кæнын байдайы, растдæр у *фæбур ваййы*»; «цъæх мигъ *æрхаццаæ ваййы* хъæумæ», иронау фæзæгъынц: *ныббады* хъæуыл; «...райдайынц къæвдатæн, митуардæн, хъызтæн сæ фæлтæр», иронау раст уайд афтæ: «...райдайынц къæвдатæ, халас æрæвæры, мит рауары»; «...стæм хатт *фæзыныныц райдзаст хур бонтæ...*» растдæр у: «*фæкæны хур бонтæ...*»¹⁷¹. Однако, на наш взгляд, замеченные А. Тлаттаты ошибки в перево-

---

¹⁷¹ Т л а т т а т ы А. Ирон литературæ ахуыр кæныны методикæ V-VIII къласты. Ахуыргæнæгæн æххуысы чиныг. Дзæуджыхъæу, 1991. — Ф. 128.

де некоторых слов указанного отрывка не столь существенны. Можно лишь согласиться с не вполне верной передачей на осетинский язык прилагательных «*хохлатый*», «*конопатый*» в контексте «*домашнюю птицу всего аула составляли хохлатый петух и две-три конопатые курочки: «лагуын» и «фыдуынд*». Проследим за передачей указанных прилагательных М. Дзасоховым: «*хохлатый*» — «*гомхъуыр*», «*конопатый*» — «*гæмхетт*» (буквальный перевод — «невидный», «невзрачный»). Как видим, неточностей в передаче слов оригинала не избежал и второй переводчик.

Далее К. Л. Хетагуров переносит читателя в саклю главного героя Тедо. Отец Зураб, жена Залина и мальчишка-младенец — вот все члены семьи Тедо. В этнографическом плане картина быта осетинской семьи, созданная писателем, реалистична. Здесь показан внутрисемейный этикет осетин. Рассмотрим перевод этого фрагмента на осетинский язык с точки зрения адекватности. В некоторых местах переводы противоречат оригиналу. Так, описывая внешность Симона (друга и соседа Тедо), К. Л. Хетагуров указывает: «... в низких дверях показался коренастый мужчина». В осетинском переводе А. Тотиева эта часть текста тоже представлена одним предложением, но здесь, на наш взгляд, имеются некоторые отступления от оригинала. Переводчик не ограничивается одним авторским определением «*коренастый*» и вносит дополнительно — «*бæзæрхыг, фидарарæгт лæг*» («коренастый, плотный мужчина»). Хетагуров описывает одежду Симона — «*в серой черкеске и холстяной шляпе*». И вновь переводчик добавляет собственное определение: «*зæронд цæах цухъхъа æма нымæтхуд йæ уæла*».

К. Л. Хетагуров останавливает внимание читателя на обустройстве жилища героя рассказа, еще раз подчеркивая бедность семьи Тедо: небольшая дыра вместо окна, земляной пол. В этой части текста у Тотиева нет расхождений с

оригиналом, не считая антонимического перевода в контексте «*небольшая дыра в южной стене жилого отделения заменяла окно*» — «*цæраендонь цæгатварсырдыгæй цары уыдис рудзынджы бæсты чысыл хуынкъ*». Нетрудно заметить, что «*южная*» стена в переводе стала «*северной*». Удачным, на наш взгляд, является перевод «*лепешек из темного теста*» на осетинский язык как «*луаситæ*» (с осет. «луаситæ» — «лаваш», «тонкая лепешка»).

Рассмотрим интерпретацию анализируемого отрывка М. Дзасоховым. Переводчик не стал вносить изменения в текст, дополняя его деталями или опуская их. Подобные изменения можно наблюдать в сокращенном варианте перевода А. Тотиева. Вся сюжетная структура фрагмента исходного текста отражена М. Дзасоховым. В отличие от Тотиева, Дзасохов старался не изменять и смысл некоторых лексем. Однако более удачным, на наш взгляд, является перевод слова «*лепешки*», предложенный А. Тотиевым. Заменой «*лепешек*» в осетинском тексте на «*кардзынтæ*» (букв. «кардзын» с осетинского «чурек», «хлеб») переводчик Дзасохов передал лишь общее понятийное значение слова.

У Дзасохова в этой части текста ярко представлены фразеологизмы. Для адекватной передачи смысла слов подлинника переводчик использует в тексте фразеологизмы с ярко выраженной национальной спецификой. Перейдем к конкретным примерам: «*нет нигде*» — «*зæххы скъуыды ныххайд*» (букв. «провалился сквозь землю»), «*сестру оттаскал*» — «*мæ хойыл мæ маст акалдтон*» (букв. «на сестру излил зло»).

В рассказе «Охота за турами» К. Л. Хетагуров рисует семейную идиллию: приготовление Залиной ужина, игра старика с младенцем, ужин семьи, сбор Тедо на охоту. Автор останавливает внимание читателя на некоторых этнографических деталях: описывает семейный ужин, показывает

взаимоотношения невестки со свекром. И эта часть текста не вызвала затруднений при переводе. Обычай избегания невесткой свекра описан в оригинале довольно расплывчато. Такую же позицию выбрали и переводчики, не останавливаясь на подробном объяснении читателю сути этого обычая.

Драматизм рассказа К. Л. Хетагурова связан с походом Тедо за турами. Единственная возможность прокормить свою семью оказалась для героя роковой. О том, что поход Тедо закончится трагически, подсказывают читателю дурные предчувствия жены Залины, ее предостережения, рассказ отца Зураба о едва не случившемся с ним во время очередной охоты в бытность молодым несчастье. Ощущение тревоги в данном рассказе, по мнению И. С. Хугаева, усиливается еще и беззаботным и счастливым смехом ребенка¹⁷². Не случайно и домов в ауле Зебат тринадцать. Определенное беспокойство внушает читателю и описание автором Мышиной тропы, по поводу чего И. С. Хугаев отмечает: «Вообще нечто коварное и роковое чудится слуху в названии «Мышиная тропа», а ее развитие через образы последовательно *змеи* — *ящерицы* — *паутины* впечатляет необратимостью и невозвратностью»¹⁷³.

М. Дзасохов в своем переводе останавливается на подробном описании сбора Тедо на охоту. В отрывке адекватно переданы переживания Залины, напутствия отца Зураба сыну, шутки Тедо над страхами Залины. Ничего подобного нет в сокращенном варианте перевода А. Тотиева. По непонятным причинам в следующих после 1922 года публикациях перевода Тотиева опускается внушительный абзац: из текста исключено авторское описание тревог Залины, под-

---

¹⁷² Х у г а е в И. С. Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Х у г а е в И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. — С. 396.

¹⁷³ Там же. — С. 396-397.

черкиваемых беззаботным смехом ребенка, отсутствуют заветы Тедо своему маленькому сынишке прокормить и похоронить маму в случае несчастья с ним. Между тем и без того небольшой объем русскоязычного текста не позволяет его сокращать. В полном же варианте перевода Тотиева указанный абзац присутствует, но в нем можно обнаружить незначительные расхождения в значениях некоторых слов. Так, в оригинале автор, описывая переживания Залины по поводу похода ее мужа Тедо, пишет: *«Крупная слеза быстро сбежала по ее смуглой щеке и упала в похлебку»*. Переводчик Тотиев не стал искать прямой эквивалент слову *«смуглая»* («саулагъз»), а передает смысл своим прилагательным — *«сырх»*: *«Ставд цаестысыг аеруади йае тымбыл сырх уадул-тыл амае ныххауди хъаермхуыппы»*. Дзасохов и вовсе отказался от передачи этого слова: *«Йае русыл лидзагау аертылд ставд цаессыг амае хъаермхуыппы ныххауд»*.

В случае перевода на осетинский язык русского отрывка *«Ха-ха-ха! Глупая! Чего ты боишься?»* А. Тотиев, на наш взгляд, заметно переусердствовал при передаче лексемы *«глупая»*. У него указанный фрагмент оригинала звучит так: *«Га-а-а, гуымиры, адылы сархъаен? Цамагй тæрсыс?»* Обращает на себя внимание общее повышение тональности путем замены слова *«глупая»* эмоционально окрашенными словами осетинского языка *«гуымиры, адылы сархъаен»*.

Каждый из переводчиков по-своему справился с переводом следующего предложения оригинала: *«Ты, кажется, опять вспомнила свою бабушку — чего нос повесила?»* Обоих переводчиков привел в тупик перевод на осетинский язык слова *«бабушка»*. Так как автор рассказа не стал уточнять, с чьей стороны (отца или матери) приходилась она бабушкой Залине, Дзасохов конкретизирует — *«фыды мад»*. В переводе Тотиева мы и вовсе не увидим *«бабушку»*, он передает это слово иначе — *«æфсин»* («свекровь»). Встречающийся в

этом предложении фразеологизм «нос повесить» (в значении «огорчиться») передан и Тотиевым, и Дзасоховым адекватно — «*фындз æруадзын*».

Ответственно подошли Тотиев и Дзасохов к передаче на осетинский язык пословицы: «*Бог не выдаст, медведь не съест*»¹⁷⁴. Не найдя точного эквивалента данной паремии в переводящем языке, Дзасохов находит замену по смыслу — «*Хуыцауы хорзæхæй хайджын куы уон, уæд мын ницы тас у*»¹⁷⁵. Аналог этой поговорки в тексте А. Тотиева выглядит так: «*Уастырджийы куы нæ фæнда, уæд мæныл фыдбылыз не ’рцæудзæн*»¹⁷⁶.

Дальнейший сюжет рассказа связан исключительно с главным героем: Тедо идет с друзьями на охоту, Тедо на Мышиной тропе, Тедо с друзьями перебирается через пропасть, ночлег охотников. В каждом из двух переводов рассказа можно найти адекватное отражение перечисленных эпизодов оригинала. Интересен, на наш взгляд, перевод описания Мышиной тропы в текстах Тотиева и Дзасохова. Для сравнения приведем отрывок в трех вариантах.

Оригинал: «*Мышиная тропа была вообще опасна, а тем более для ночного путешествия. Она то змеей извивается в расщелинах скал, то крутыми ступенями подымается по отвесной стене, то ящерицей ползет в морщинах неприступного утеса, то легкой паутиной огибает бездонную пропасть, то совершенно исчезает в хаосе разрушенных скал и каменных осыпей*»¹⁷⁷. Такая детализация в описании Мышиной тропы подчеркивает остроту описываемого момента.

---

¹⁷⁴ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 221.

¹⁷⁵ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 16.

¹⁷⁶ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 60.

¹⁷⁷ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 222.

Перевод Тотиева: «Мыствæндаг уыд тынг æвзæр, уæлдайдæр тæссаг уыд æхсæвыгон цауынаен. Куы калмау къæдзтæгæнгæ цауы къæдзæхты зыхъхъыртты, куы цæхгæр къуласинтыл схизы айнæгыл, куы та гæккуырийау быры фидар айнæджы æнциъылдты, куы хæлуарæджы тынау æрзилы тыхсæгау тæккæ къæдзæхы рындзмæ, сæрсæфæны сæрмæ, куы та бынтондæр фесæфы хæлд къæдзæхы æмæ стыр змæст цæнддурты æхсæн»¹⁷⁸.

А вот как выглядит перевод этого отрывка Дзасоховым: «Мыствæндагыл цауын æнауи дæр тæссаг уыд, уæлдайдæр та æхсæвыгон. Куы калмау скъуыды абыры, куы æмуырдыг фахсыл суайы, куы гæккуырийау æнæвнæлд айнæджы æнхъырдты аласы, куы хæлуарæджы рог тынау æнæбын дæлджинæджы алыварсты æрзилы, куы та къæдзæхты рæдзæгъдтæ æмæ дуры цæндты æхсæн бынтон æрбайсæфы»¹⁷⁹.

Как можно убедиться на приведенных примерах, детальное описание Мышиной тропы дается и в переводах. Сравнения Мышиной тропы со змеей, ящерицей, паутиной не опущены ни в одном из вариантов перевода.

Мы подошли к самой драматической части рассказа. Исход охоты Тедо за турами, как и предполагал читатель, был трагичен. То ли жадность героя (убить одним выстрелом сразу двух туров), то ли нужда заставили его спуститься на нижнюю, более опасную, тропу. Выстрел Тедо поразил двух туров, но и повлек за собой камнепад, навсегда похоронивший охотника под скальными обломками. Дальнейшую судьбу семьи Тедо автор нам не показывает, но она очевидна. Что ждет их без кормильца? Нищета, голод...

---

¹⁷⁸ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 61.

¹⁷⁹ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 18.

Говоря об осетинском переводе этого отрывка, сделанного Тотиевым, нужно подчеркнуть одну деталь. У переводчика здесь начинается вторая часть рассказа (в переводе Тотиева произведение разделено на две части), к которой, в отличие от оригинала, предпослан эпитафия: *«Цуанон лæг мæрдтæм/Хæстæгдæр цæры,/Йæ мард та уæлмæрдтæм/Нæ хæццаæ кæны»*. Строки, взятые переводчиком из поэмы К. Л. Хетагурова «Чи дæ?», раскрывают основную идею произведения.

Каждый из переводчиков стремился следовать сюжетной канве подлинника. В переводах, как и в оригинале, мы видим ту же энергичность, резвость и быстроту в действиях главного героя. Читаем у Дзасохова — *«хæрдмæ рæвдз хылди», «Тедо гæдыйау хылд къæдзæхыл», «Тедо ныры хуызæн ныфсджын æмæ цæрдæг нукуыма уыд»* и т.д. Действия Тедо в интерпретации Тотиева описаны аналогично.

В рассматриваемой части рассказа Хетагуровым красочно описан горный пейзаж: *«Лучи восходящего солнца облили ярким румянцем снежную вершину Казбека. Горы стали выползать из утреннего тумана. Вдали чернело Дарьялское ущелье»*. В осетинских переводах Тотиев и Дзасохов не избегали изобразительно-выразительных средств языка и старались сохранить стиль автора. Прежде всего, бросаются в глаза удивительная точность и поэтичность описанного Хетагуровым пейзажа. Читаем этот отрывок в переводе Тотиева: *«Сæумæрайсом хуры тынтæ сæнтсырх арт суагътой Сæнайы мигъджын хохы цъуппыл. Хæхтæ хæрдмæ бырæгау зындысты сæууон мигъы бынаей. Дæлиауæй сау дæрдта Дайраны ком»*¹⁸⁰.

А вот что мы видим в переводе этого отрывка у Дзасохова: *«Сæууон хуры тынтæ Хъазыбеджы хохы цъуппыл*

---

¹⁸⁰ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 63.

æрттивгæ цæхæр фестадысты. Райсомы мигъæй хæхтæ разындысты. Дардæй Дайраны ком тар дардта»¹⁸¹. Но если подчеркивать адекватную передачу денотативного содержания и коннотативной окрашенности отрывка в переводах, то, на наш взгляд, первый вариант намного ближе к оригиналу. Тотиев старался перевести каждую деталь подлинника. Поэтому в его переводе отражены хетагуровские краски: «*яркий румянец*» — «*сæнтсырх арт*», «*снежная вершина*» — «*мигъджын хохы цъуипп*» (адекв. «*митджын цъуипп*»). У Дзасохова мы не увидим столь детального отражения обр-азной системы оригинала. Куда-то исчезли и «*яркий румянец снежных вершин*», и «*снежные вершины Казбека*». Но отсутствие отдельных элементов в перечисленных образах не искажает смысл всего отрывка. В следующем предложении — «*Горы стали выползать из утреннего тумана*» — автор использует олицетворение. Попытка адекватно перевести данное образное выражение лучше удалась Тотиеву — «*Хæхтæ хæрдмæ бырæгау зындысты сæууон мигъы бынæй*» (букв. «*Горы, выползая наверх, виднелись из-под утреннего тумана*»). В переводе Тотиева обращает на себя внимание строгое следование оригиналу. Перевод олицетворения у Дзасохова выглядит так: «*Райсомы мигъæй хæхтæ разындысты*» (букв. «*Из-за утреннего тумана показались горы*»). По-разному звучит в осетинских текстах перевод названия горы Казбек: у Тотиева — «*Сæнайы хох*», у Дзасохова — «*Хъазыбеджы хох*». Оба перевода допустимы и используются в лексиконе осетин.

Удивительно по красоте описание К. Л. Хетагуровым беззаботной игры туров, не подозревающих о приближающей опасности со стороны охотника Тедо: «*Приподнявшись на задние ноги, тур ринулся вниз головой на другого,*

---

¹⁸¹ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 26.

стоявшего гораздо ниже его на самом краю обрыва. Раздался треск столкнувшихся рогов. Нижний тур блистательно выдержал удар. Противники обменялись местами. Такой же отчаянный прыжок, страшный треск и необыкновенно блистательный отпор. Обменялись опять...»¹⁸². Картина, созданная писателем, реалистична. Очевидно, Коста не единожды мог наблюдать ее в родном ауле Нар. Приведем данный текст в осетинских вариантах. У Тотиева: «Дзæбидыр йæ фæстаг къæхтыл слæууыд, йæ сæр бынмæ, афтæмæй йæхи раппæрста дæлиау иннæмæ, тæккæ лæбырды сæр чи лæууыд, уымæ. Дардмæ фехъуыст сæ сыкъаты къæрци. Дæллаг дзæбидыр тынг хъазуатæй баурæдта уæлладжы цаф. Аивтой знæгтæ сæ бынæттæ. Ноджы та иу ахæм мæсты гæпп, диссаджы сыкъаты къæрци æмæ та хъабæр урад уæлладжы цаф. Æмæ та аивтой сæ бынæттæ»¹⁸³. Безусловно, отрывок оригинала переведен удачно, но смысл некоторых слов, как представляется, истолкован неверно. Так, «блистательно» переведено Тотиевым как «хъазуатæй» («смело», «отважно»), хотя, пожалуй, более подходящим осетинским аналогом этому слову будет «иттæг хорз», «диссаджы хорз»; «отчаянный прыжок» («удуæлдай, сæруæлдай гæпп») передан как «мæсты гæпп» («злобный прыжок»). Но небольшие расхождения перевода с подлинником все-таки не создают впечатления, что это два разных отрывка. Игра туров оригинала вполне узнаваема в переводе А. Тотиева.

Неоспорим тот факт, что в процессе своей работы переводчики должны думать о языке автора переводимого произведения. В качестве положительного примера в этом отношении может послужить перевод вышеуказанного отрывка

¹⁸² Хетагуров К.Л. Охота за турами // Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 226.

¹⁸³ Хетагкаты Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 64.

М. Дзасоховым: «Дзæбидыр йæ фæстаг къæхтыл сæууыд æмæ йæ сæр бынмæ, афтæмæй йæхи рауагъта, дзæвгар дæлдæр сæрсæфæны тæккæ былыл цы дзæбидыр лæууыд, ууыл. Райхъуыст сыхъаты дзæхст. Дæллаг дзæбидыр дæссаджы хорз бæфæрæзта уыцы цафæн. Дзæбидыртæ сæ бынæттæ аивтой. Ногæй та удудæлдай сæррæтт, сыхъаты æбуалгъ дзæхст æмæ хъæддых ныхкъуырды. Сæ бынæттæ та аивтой»¹⁸⁴. В данном случае Дзасохов постарался передать не только смысл целого абзаца, но главное — язык переводчика совпал с языком автора. При равноценности смысла второй перевод вышеуказанного отрывка нам кажется ближе к оригиналу.

Сжато, лаконично, без лишних деталей К. Л. Хетагуров описывает последние минуты своего героя: «Завал прошел. Где-то в глубине теснины замерло последнее эхо... Пыль осела. От выступа, на котором стоял Тедо, не осталось и следа. Все было стерто... уничтожено...»¹⁸⁵.

Финал рассказа незавершен. Автор на полуслове оставляет судьбу своих героев — семьи Тедо. На незавершенность рассказа К. Л. Хетагурова указывает и И. С. Хугаев: «Охота за турами» оставляет желать более точного и исчерпывающего завершения, нежели то, каким обладает. Финал смазан: финал тоже словно *стерт* и *уничтожен* камнепадом; повествование обрывается если не внезапно, то слишком поспешно...»¹⁸⁶.

Интересующий нас фрагмент текста очень сложен по заключенным в нем авторским интенциям. При его переводе А. Тотиев и М. Дзасохов должны были учитывать лаконичность и трагическую тональность переводимого отрывка, с

---

¹⁸⁴ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 29.

¹⁸⁵ Х е т а г у р о в К. Л. Охота за турами // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 226.

¹⁸⁶ Х у г а е в И. С. Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Х у г а е в И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. — С. 397.

чем, на наш взгляд, оба вполне справились. В переводе Тотиева этот абзац выглядит так: «Зæй цыд фæцис. Кæмдæр комы нарæджы æрсабыр йæ фæстаг хъæр... Рыг æрбадт... Хохы рындзæн — Тедойы хъавæн бынатæн — йæ фæд дæр нал баззад... Æгасæй йæ бындзарæй ныххафта. Бынтондæр фесæфт»¹⁸⁷. Ответственно подошел к переводу финала рассказа и Дзасохов: «Дурты зæй банцад... Йæ фæстаг уынæр кæмдæр комы арфы æрмынæг... Рыг æрбадт. Тедо цы рындзыл лæууыд, уымæн йæ фæд дæр нал аздад. Бынхафт, бынсæфт æй ныккодта»¹⁸⁸.

Как нетрудно заметить, каждый из переводчиков нашел свои эквиваленты словам исходного языка. Но, несмотря на это, оба перевода оказались адекватными. Тотиеву и Дзасохову удалось передать трагическую тональность и лаконичность исходного отрывка.

Таким образом, к переводу рассказа «Охота за турами» переводчики А. Тотиев и М. Дзасохов подошли творчески. Переводить произведение основоположника осетинской литературы не только ответственно, но и сложно. Сложность, прежде всего, заключалась в передаче на осетинский язык денотативного и коннотативного значения слов исходного текста, авторского стиля, языка оригинала. Каждый из переводчиков, несомненно, обладал своим видением образных средств языка, своим чутьем языка оригинала. Это дало им возможность в основном адекватно воспроизвести содержание и образную структуру исходного текста, передать все интенции автора.

Другое анализируемое нами произведение К. Л. Хетагурова «Особа» занимает особое место в осетинской литературе. Очерк писателя, опубликованный им в 1902 году в

---

¹⁸⁷ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 65.

¹⁸⁸ Х е т æ г к а т ы Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — Ф. 30.

журнале «Кавказский вестник»¹⁸⁹, дает большой этнографический материал по быту осетинского народа. Произведение переиздавалось неоднократно. В 1939 году в Южной Осетии этнографический очерк К. Хетагурова вышел с небольшими изменениями под названием «Быт горных осетин»¹⁹⁰. Об этом пишет Ю. Дзицойты: «В советское время в Южной Осетии было наложено табу на всякие упоминания об этом (о грузино-осетинском конфликте — Е. Д.). Показательно, что даже этнографический очерк К. Хетагурова (1859-1906 гг.), озаглавленный автором словом «Особа», и переизданный после его смерти в Южной Осетии, по воле издателей был переименован в «Быт горных осетин» (Сталинири, 1939 г.)»¹⁹¹. Издатель убрал из текста мельчайшие упоминания о периоде в истории осетинского народа, именуемом грузинским словом «особа» («осетинщина»).

На осетинский язык очерк переводился Г. Джатиевым (1936)¹⁹² и Н. Доевым (1956)¹⁹³. Каждый из них в ходе работы руководствовался своими индивидуальными принципами перевода, своим умением находить адекватные варианты переводимым единицам и, наконец, своим видением оригинала. Прежде чем говорить о качестве двух переводов, необходимо сравнить их с исходным текстом, оценить адекватную передачу переводчиками особенностей подлинника. Значительно облегчил им задачу сам автор. В оригинале К. Хетагуров большинство осетинских реалий дает в их

---

¹⁸⁹ Впервые очерк К. Л. Хетагурова «Особа» в недоработанном варианте опубликован в 1894 году в газете «Северный Кавказ».

¹⁹⁰ Х е т а г у р о в К. Л. Быт горных осетин (Этнографический очерк). Сталинир: ГОСИЗДАТ Ю. О. А. О., 1939. — 38 с.

¹⁹¹ Д з и ц о й т ы Ю. История грузино-осетинского конфликта: короткая и кровопролитная война // www.iratta.com (дата обращения: 12.06.2012).

¹⁹² К ъ о с т а. Особа. Этнографический очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. Д. 150. П. 2. — 55 л.

¹⁹³ Х е т а г у р о в К. Л. Особа. Пер. на осет. яз. Н. Доева // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956. — С. 199-251.

исконном написании. Вопрос об адекватной передаче слов с ярко выраженной национальной спецификой важен, но качество полученных в результате перевода текстов приходится судить и по другим критериям.

Художественный перевод очерка ставит перед переводчиком определенные трудности. Отличительным признаком очерка от других литературных жанров — писание с натуры, писание от первого лица. В очерке, как правило, меньше вымысла, фантазии. Язык произведения включает элементы публицистического и научного стилей, что тоже ограничивает переводческие возможности. Облегчает работу переводчиков отсутствие необходимости в очерке в образной форме показывать развитие действия. Очерк чаще всего посвящен фактам, событиям, очерченным самой жизнью.

Во вводной части очерка «Особа» автор обосновывает острую необходимость объективного и всестороннего изучения прошлого своего народа. К. Хетагуров берет на себя миссию изложения сурового горского быта. На примере одной осетинской общины автор попытался показать типическую картину жизни горцев в патриархально-феодальной Осетии.

Следует отметить передачу переводчиками на осетинский язык лексемы «особа». Как отмечает сам автор, «особа» по словопроизводству грузинского происхождения и означает «осетинщина». Осетинские переводчики хетагуровского текста каждый по-своему передал это выражение. Г. Джатиев переводит как «ирондзинад» и в скобках дает его русский вариант — «осетинщина». Н. Доев не стал, подобно Джатиеву, калькировать исходное слово, а передает его значение как «иры заман».

Тематически очерк «Особа» разделен на части, каждая из которых раскрывает определенные стороны патриар-

хального быта горцев. Так, К. Хетагуров показывает социальное положение осетин, дает богатый этнографический материал о культурной, общественной, семейной, правовой жизни горцев. Главы имеют соответствующие названия: «Нарская котловина», «Поселения», «Сословная рознь», «Стыр мыггаг», «Фарсаг», «Кавдасард», «Алхад, саулаг или цагъайраг», «Жилище и утварь», «Одежда», «Пища», «Хозяйство», «Покос и доставка сена», «Детство», «Ирад (калым)», «Жених и невеста», «Свадьба», «Семейная и общественная жизнь», «Поверия», «Отношение к больному», «Похороны», «Обычное право», «Примирение кровников». Повествование в очерке плавно переходит из одной части в другую.

Переводчики очерка К. Л. Хетагурова сохранили форму исходного текста. Все части «Особа» отражены в осетинских переводах в установленном автором порядке.

Топографические и почвенные особенности Нарской котловины, военно-торговые отношения ее жителей с соседними народами, описанные К. Л. Хетагуровым в первой части очерка, отражены в переводах Г. Джатиева и Н. Доева. Поселения (у Г. Джатиева — *«цæрагн бынагттæ»*, у Н. Доева — *«хъæута»*) нарцев отличались своими своеобразными постройками: *«Каменные постройки в один и несколько этажей с плоскими крышами, живописно гнездящиеся на скалистой или амфитеатром сгруппированные на гребне утеса, образуют в Нарской котловине то множество мелких поселений, которое составляет выдающуюся особенность горной Осетии...»*¹⁹⁴. Особенности построения жилища в нарском обществе мы увидим и в переводных текстах. И Джатиев, и Доев старались воспроизвести все сюжетные линии отрывка. Перевод Джатиевым указанного абзаца близок

---

¹⁹⁴ Х е т а г у р о в К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974. — С. 231.

не только содержательно. В некоторых местах он буквально воспроизводит форму подлинника: «*Иу аема цалдар уаладзыг дурын хэдзерттæ тъæпæнсæр уалхæдзерттæ цъиуахстæттау аив касынц, иу иннауыл ныхæстæй къæдзæхы айнагæй, кæнæ амфитеатрау къордæй лæууынц къæдзæхы тæккæ тигъыл, аема афтæмæй Нары комы аразынц бирæ нымæц хъæугæнттæ аема уый у хæххон ирыстонны зынгæ минуаг*»¹⁹⁵.

В вышеуказанном отрывке автор в качестве сравнения использует слово «*амфитеатр*». У Г. Джатиева оно транслитерируется, а для ясного понимания смысла, представления переводчик дает соответствующий оригиналу контекст: «*хæдзерттæ... амфитеатрау къордæй лæууынц къæдзæхы тæккæ тигъыл*». Описательный перевод данного сравнения у Н. Доева более доступен для воображения читателя — «*дурæй амад иу кæнæ цалдаруаладзыгон тъæпæнсæр агъуысты, къæдзæхы риуыл рæсугъд дзыгуырæй кæнæ та къæдзæхы рагъыл зиллаккау æвæрд къордæй, — ахæм чысыл хъæутæ Нары комы ис тынг бирæ...*»¹⁹⁶.

Неизбежной составляющей осетинского, в частности нарского, общества была сословная рознь. Деление на богатых/бедных, сильных/слабых давало привилегии одним и, наоборот, неизбежные страдания другим. В подчинении у влиятельных фамилий были менее обеспеченные земли, оружием. Подробно останавливается на сословном разделении осетин К. Л. Хетагуров. В «Особа» дается краткая характеристика каждого сословия: стыр или тыхджын мыггаг — большая или сильная фамилия → фарсаги (от фарс — бок, сторона) — находящиеся с боку, живущий около, действу-

---

¹⁹⁵ К ъ о с т а. Особа. Этнографический очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — Л. 5.

¹⁹⁶ Х е т а г у р о в К. Л. Особа. Пер. на осет. яз. Н. Доева // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956. — С. 202.

ющий заодно → кавдасард — рожденный в яслях → алхад, саулаг, цагъайраг — купленный, черный мужчина, сахарец¹⁹⁷. Автор описывает особенности поселения, имущественное положение и положение в обществе представителей этих сословий. Интересен перевод рассматриваемых мест у Г. Джатиева и Н. Доева. Прежде всего, бросается в глаза не совсем адекватная передача Джатиевым на осетинский язык подзаголовка «Сословная рознь». Описательный перевод «Уæздæттæ æмæ иннæ адæмты хсæн хæрамдзинад» получился, на наш взгляд, слишком громоздким. Доев в переводе старался избежать подобных натяжек и передает подзаголовки как «Сословион хицæндзинадтæ» (с осет. «сословие» — «номдарад»).

Сопоставительный анализ данной части очерка позволил обнаружить ряд других особенностей перевода, выявить основные закономерности передачи информации оригинала на переводящий язык. Так, в осетинском переводе Н. Доев старался находить лексические эквиваленты словам исходного языка, чье смысловое поле вполне понято осетиноговорящему читателю: «влиятельные осетины» — «дзырддæугæ («влиятельные», «авторитетные») ирон лæгтæ», «поруительство» — «армдарындзинад», «надежно» — «æвæсайгæ», «башни «литые»» — «мæсгуытæ уыдысты чъырынтæ», «обижен судьбой» — «уыдис ногжы тъайлагдæр уавæры» и т.д.

У Г. Джатиева перевод в некоторых местах получился буквальным. Переводчик старался перевести каждое слово оригинала, даже в том случае, когда его можно было дать в транскрипции: «грамота» — «кады чиныг» (адекват. «кады гæххæт»). И, наоборот, переводимую единицу оригинала дает в исходном написании: «гиганттæ», «легендатæ».

---

¹⁹⁷ Х е т а г у р о в К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974. — С. 234-235.

В некоторых местах перевода Джатиева можно наблюдать пословное отражение на осетинском языке слов оригинала. Примером может послужить упоминание в тексте предания о Хетаге: «Приняв христианство, Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию»¹⁹⁸ — «Хетаг райста чырыстон дин амае уый тыххаей йе 'фсымагртае йае фæдыл кæй зылдысты, уымае гæсгае ралыгъди хаххон Ирыстонмае»¹⁹⁹. Но, несмотря на столь подробную передачу исходной информации, в тексте Джатиевым проигнорирован эпитет «легендарный», примененный автором к личности Хетага. В переводе речь идет не о легендарности самого Хетага, а о легендах о нем. С искажением объективной информации, на наш взгляд, мы сталкиваемся в случае замены Джатиевым имени Картлийского царя Теймураза на Таймураза. Описания сословных разграничений у Джатиева переданы адекватно.

Большая часть повествования в очерке посвящена описанию уклада жизни, быта осетин: жилище и утварь, одежда, пища, хозяйство, развлечения и т.д. К.Л. Хетагуров останавливает внимание читателя на своеобразии горных поселений, отдельно рассматривает внутреннее устройство сакли. Сословные возможности определяли и эту сторону быта осетин. Горный ландшафт диктовал свои условия постройки жилища. Каменные, с плоскими крышами; стены из плитняка без цемента; для большей устойчивости башни строили в форме усеченной пирамиды; внутренние стены помещений смазаны глиной с примесью свежего навоза, двери неуклюжие и т.д. — тип постройки жилища «среднего» осетина в горной местности, в частности, в Наре. Утварь небогатых нарцев составляла перечень мелких вещей: чашки, блюда, ковши, ложки, столик на трех низеньких ножках,

¹⁹⁸ Там же. — С. 232.

¹⁹⁹ К т о с т а. Особа. Этнографический очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — Л. 6-7.

медные котлы, глиняные кувшины, ведра, корыта и т.д. Инвентарь «сильных» фамилий ценился дороже, заметно отличались и постройки.

Для адекватного отражения этой части подлинника Джатиеву и Доеву недостаточно было лишь подыскать лексические, семантические, грамматические эквиваленты словам исходного языка, они должны были творчески переосмыслить и передать элементы переводящей культуры. Так, переводчики для передачи сложной системы символов находили свои эквиваленты. Каждый из них трепетно обращался с текстом, старался не упустить ни одну мельчайшую деталь хетагуровского текста. Но, сравнивая оба варианта перевода, нельзя не отметить «тяжеловесность» первого. В переводе Джатиева наблюдается буквальная передача номинативного значения слов подлинника. Например: «чувство самосохранения» — «хибавæрыны æнкъарæнмæ гæсгæ», «вид усеченной пирамиды» — «тæпæнсæр пирамидæйы хуызæн», «открытая галерея» — «гом тыргъы хуызæн», «тлеющий огонь» — «мæрдонсыгъдгæнæг арт» и т.д. Передача на осетинский язык некоторых слов подлинника у Доева совпадает с переводом Джатиева, но текст читается гораздо легче. Мы не увидим у Доева «натянутых» лексических конструкций, сложных для восприятия предложений. И если в отдельных местах переводчик избегает нахождения прямых эквивалентов исходным словам, в общем, перевод получился адекватным.

Немного переусердствовали переводчики, на наш взгляд, при передаче сочетания «дымовой проход». Джатиев переводит как «фæздæгдзон ердо», Доев — «фæздæгдзæуæн ердо». Здесь переводчики используют равнозначные слова. При достижении адекватной передачи номинативного значения исходного слова в переводе нужно было оставить лишь одно. Этнокультурные

компоненты переносятся эквивалентами: «деревянные чашки» — «хъæдын къустæ», «блюда» — «тæбæгътæ», «ковши» — «куыситæ», «ложки» — «уидгуытæ», «волосья рога» — «галы сыкъатæ», «столлик о трех низеньких ножках» — «цыбыр æртыкъахыг фынг» (у Джатиева) — «æртыкъахыг ныллаг фынг» (у Доева)²⁰⁰. В последнем примере, чтобы вызвать у осетиноязычного читателя наглядное представление о предмете, переводчикам можно было ограничиться только «фынг»-ом без сопровождающего его пояснения.

Очевидно, что некоторые слова в составе осетинского языка звучат естественней, чем в русском. Этнокультурная самобытность лексических значений таких слов обычно отмечается с помощью специальных показателей их особой этнокультурной ориентации. В качестве примера можно привести слова-реалии, в тексте называющие одежду и пищу осетин: «арчъита», «кардзын», «бламыхъ», «хомыс», «къалуа», «задын», «цакуы», «дзарна», «цымга», «арак». К. Хетагуров дает слова в их исходном написании, авторы переводов механически переносят их в тексты. В оригинале также встречаются реалии, требующие перевода на осетинский язык: «черкеска» — «цухъхъа» — «цухъа», «газыри» — «бæзцагъуыдтæ» — «бæрцытæ», «ноговицы» — «зæнгæйттæ» — «зæнгæйттæ», «нагрудник» — «хъуырдарæн» — «риударæн», «беимет» — «куырæт» — «куырæт», «бурка» — «нымæт» — «нымæт», «тулуп» — «кæрц» — «кæрц», «коленкор» — «цикъæ» — «цикъæ», «лепешки» — «луаситæ» — «хицæн къуыбæрттæ æртъæпæн кæнынц» (Доев использует описательный перевод). Как видим, оба переводчика в основном одинаково подходили к переводу данных слов.

---

²⁰⁰ Далее примеры из переводов Г. Джатиева и Н. Доева даются в таком же порядке.

В состав реалий попали чужие для языка автора «иноязычные вкрапления», которые переводчики переносят в таком же написании: «сурма», «лаина», «сила». Иногда Г. Джатиев и Н. Доев вовсе отказывались от прямой передачи иноязычной реалии и использовали описательный перевод: «ермолка» — «*дæрзæг тынаæй къонхуд*» — «*дæрзæг тынаæй конд чысыл худ*».

Приведенные примеры достаточно наглядно свидетельствуют о том, что реалиям найдены вполне адекватные единицы в денотативном значении.

Переводчики использовали индивидуальные эквиваленты при передаче следующих слов: «мясо» — «*фыдызгъæл*» — «*дзидза*», «яйца» — «*карчы рæвдыуæттæ*» — «*æйчытæ*», «дикорастущая зелень» — «*хъæддаг дзæхæра*» — «*хъæддаг кæрдæджытæ*».

Дальнейшее описание у переводчиков принципа и способов земледелия в горной Осетии, особенностей уборки и хранения урожая, покоса и доставки сена отражено адекватно, если не считать буквально переведенных Г. Джатиевым конструкций типа: «*описывали концентрические круги*» — «*афыстой къонцентрацион зиллаччытæ*», «*хорошо следил за своей рогатой командой*» — «*йæ хъус цæрдаг дары йæ хъомвосы командамæ*», «*мельницы — куырой — горной Осетии поражают своей малостью и простотой конструкции*» — «*куырайттæ диссаг ысты, хæрз чысыл кæй ысты, уымаæй æмæ сæ æвазыг конструкцийæ*». А вот как выглядят указанные единицы у Н. Доева: «*кодтой концентронтрон зиллаччытæ*», «*йæ цæст цырд дæрдта йæ фосмæ*», «*куырайттæ адæймаджы дисы бафтауыны сæ чысыл ас æмæ сæ арæзты хуымæтæгдзинадæй*». Но необходимо отдать должное Джатиеву за стремление с помощью образных средств показать выразительность и красоту языка перевода: «*не остается следа*» — «*йæ кой дæр нал аззайы*»,

«стремительно мчится» — «топпы наемыгау тæхы», «импровизированный поезд с быстротой молнии мчится» — «хæдарæст поезд топпы наемыгай фæтæхы» и т.д.

Большое место в очерке занимает семейно-бытовая сторона жизни осетин Нарской котловины: рождение ребенка, его воспитание, игры и развлечения детей, уплата калыма, порядок первого визита жениха дома невесты (старст), описания осетинской свадьбы, семейной и общественной жизни горцев.

В указанном отрывке очерка писатель сконцентрировал внимание читателя на родильных обычаях. Описание рождения ребенка в осетинской семье и дальнейшее его воспитание одинаково успешно интерпретированы переводчиками. Сопоставив оба перевода указанного отрывка, получаешь достоверное представление о той культуре, представителем которой является не только автор, но и сами переводчики. Они в основном правильно поняли авторскую концепцию, и это позволило им добиться адекватности в переводимых фрагментах подлинника. Переводчики находят близкие языковые элементы для передачи слов оригинала: *«величайший акт природы» — «æрдзы стыр хъуыддаг» — «æрдзы иттæг ахсджиаг хъуыддаг», «дежурят» — «хъус фæдарың радъгай» — «радъгай йæ разы бадъың», «опытная бабка» — «фæлтæрд æвгъæдгæс» — «фæлтæрд æвгъæдгæс ус»* и т.д. Интересен перевод на осетинский язык выражения *«мальчики-подростки... дрогнут у дверей хлева» — «чысыл лæппутæ... узалай фæггæв-гæв кæныңы ыскъæты дуармæ» — «æнахъом лæппутæ... баргъæфсыңы скъæты дуармæ лæугайæ»*. Здесь слова переводящего языка идентичны в смысловом значении, но различны по эстетическому воздействию на читателя.

В сопоставимых отрывках встречаются фразеологизмы. И если переводимый фрагмент небогат на данные об-

разные средства языка, в выходных текстах для передачи слов оригинала Джатиев и Доев активно используют фразеологические единицы. Приведем примеры фразеологизмов рассматриваемого отрывка оригинала: «*только в самом интимном кругу (жены и детей), или с глазу на глаз, позволительно отцу... приласкать детей*», «*идет не с пустыми руками*». Вот как выглядят соответствующие фразеологические единицы в переводах Джатиева и Доева: «...*фыдаен йæ сывæллæттæм фæкæсын, барæвдауын йæ бон у, йæ цуры йæ бинойнаг æмæ сывæллæтты еттæмæ куы ничи уа, æрмæст уæд*» — «*æрмæст бынтон хионты раз..., кæнæ та йæ æппындæр куыд ничи уыдаид, афтæмæй фыдаен йæ бон уыдис... сывæллæттæм фæкæсын*», «*нæ ацæуы афтид армæй*» — «*афтид армæй нæ фæцæуы*». В первом случае оба переводчика фразеологическую единицу языка-источника описывают, «объясняют» ее значение. Во втором — находят в переводящем языке аналоги.

Традиционное описание осетинской свадьбы со всеми сопровождающими ее обрядами переводчики постарались отразить аналогично автору. В переводах также красочно и колоритно показана традиция этого семейного праздника. С первых строк заметно стремление переводчиков не нарушить хронологию повествования, с наибольшей достоверностью сохранить особенности подлинника.

И здесь большинство осетинских реалий К.Л. Хетагуров дает в транскрипции: «*арака*», «*уалибах*», «*къухылхацаг*», «*кавдасард*». Передача других слов, отражающих наш национальный колорит, не составила труда для переводчиков: «*свадебные дружки*» — «*цыты уазджытæ*» — «*чындзхæстджытæ*», «*прислуживающий*» — «*уырдыглаууæг*» — «*уырдыгыстæг*», «*тост*» — «*рæгъ*» — «*гаджидау*», «*...шесть пирогов..., которые были принесены от тестя*» — «*гуыдынтæ*» — «*чындзы хæдзарæй цы æхсæз*

уæлибæхы рахастой, уыдон». Осетиноязычные параллели слов исходного языка эквивалентны и отражают особенности осетинского этикета. Местами Доев переводимую единицу переносит в русскоязычном написании: «*сенæ*», «*факелтæ*», «*реверанс*». На наш взгляд, в этом случае переводчик обязан был найти адекватные словесные средства в родном языке для передачи содержательной стороны оригинала. С подобной задачей вполне справился Джатиев. Вышеуказанным словам исходного текста находит эквиваленты, а там, где это невозможно, просто описывает: «*сена*» — «*тыргъ*», «*факелы*» — «*нæзы цырагътæ*», «*реверанс*» — «*йæ сæрæй акувы, тынг ваййы артистыты æнгæс*».

Одним из самых интересных моментов в художественном переводе является передача игры слов, юмора. В значительной степени задачу переводчиков затрудняет то, что эту игру бывает непросто воссоздать. Комический эффект, созданный автором в произведении, должен получить полноценное отражение и в переводе. При этом «переводчик обязан держаться строго в рамках соответствующего «комического жанра», не позволять себе в переводе переходить от безобидной шутки до острой иронии или едкой сатиры»²⁰¹. В идеале игра слов переводится буквально. Этим приемом перевода воспользовались переводчики при передаче отрывка: «*Сколько трудов и просьб стоит жениху набрать этих дружков. Чуть ли не за год он начинает комплектовать их. Происходит это потому, что, зная, какое «сражение» его ожидает на свадьбе, не всякий надеется на свои силы*»²⁰². Приведем пример перевода Г. Джатиевым последнего предложения фрагмента: «...

---

²⁰¹ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. — С. 289.

²⁰² Х е т а г у р о в К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974. — С. 259.

чындзæхсæвы цы «хæст» уыдзæни, уый рагацау фæзонныцæмæ алчи мыййаг йæ ныфс нæ фæхæссы»²⁰³. У Доева — «...чындзæхсæг цы «тохы» бахауы, уымæ алчи йæ ныфс нæ хæссы»²⁰⁴. Дословная передача трансформированной единицы позволила переводчикам избежать потерь и сохранить комизм оригинала. Или такой пример: «*Вся цель хозяев — сподить гостей; последние должны выдержать такую атаку, не проявляя опьянения*»²⁰⁵. Перевод Джатиевым соответствующего отрывка выглядит так: «*Фысымты сæйраг хæс у уызджыты фæрасыг кæнын, уызджытæ хъуамæ бауромой ахæм хæст, хъуамæ ма фæрасыг уой*»²⁰⁶. Как видим, для отражения юмора в выходном тексте Джатиев опять использовал дословный перевод. Доев передает только содержание соответствующей переводимой единицы, отказавшись от передачи игры слов: «*Фысымтæн сæ нысан у уызджыты фæрасыг кæнын; уызджытæ хъуамæ уыцы гаджидæуттæ æмæ нузæнтæ æгъдауыл хицæн кæной, срасыг кæнын нæ бакомгæйæ*»²⁰⁷.

«Поверия», «Отношения к больному» и «Похороны» составляют ментально-этнологическую часть очерка. Автор заостряет внимание читателя на традиционных для осетин времен особа поверьях. Глубокая вера осетин в загробную жизнь укоренила среди них различные предрассудки:

²⁰³ К ъ о с т а. Особа. Этнографический очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — Л. 34.

²⁰⁴ Х е т а г у р о в К. Л. Особа. Пер. на осет. яз. Н. Доева // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956. — С. 228.

²⁰⁵ Х е т а г у р о в К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974. — С. 260-261.

²⁰⁶ К ъ о с т а. Особа. Этнографический очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — Л. 35.

²⁰⁷ Х е т а г у р о в К. Л. Особа. Пер. на осет. яз. Н. Доева // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956. — С. 230.

устройство бесконечных поминок, вера в бессмертие души, покорность и т.д. Загробная жизнь, согласно религиозным представлениям осетин, является продолжением земной, и все дела, поступки в нынешней жизни будут учтены на «том свете». По мнению некоторых из них, сословные привилегии обеспечивали им место в загробном мире и попадание в рай. «Неужели, — говорит осетин, — и тот, который летом не имел бурки, а зимою — шубы, тоже причислен к загробной жизни?»²⁰⁸, — пишет в своем очерке К. Л. Хетагуров.

Эта часть подлинника в переводах Джатиева и Доева представлена близкими по смыслу конструкциями. Картины ада ирая, обычай погребения покойного (заглавие «*Похороны*» у Джатиева «*Хист*» («поминки»), у Доева «*Мардныгæнын*» (букв. «погребение покойника»)) в изображении К. Хетагурова детально описаны переводчиками. Каждый из них старался находить в переводящем языке свои эквиваленты словам исходного языка, адекватные не только в денотативном значении, но и в эмоциональном. Приведем такой пример из текста: «*Женщины становятся вереницей около покойника и в такт бьют себя по щекам, приговаривая: «да-дай, да-дай!» Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем*»²⁰⁹. В переводах фрагмент выглядит так: «*Устытæ слæууыныц марды цур æмæ сæ рустæ нæмгæйæ кæуыныц æмæ кæугæйæ фæзæгъыныц: дæ-дæ-дæй. Уый фæстæ устытæй цу сæййы хъарæджы хъæргæнæг, иннæтæ йын дзуапп фæдæттыныц хæкъуырыц æмæ зæрдæхалæн куыдæй*»²¹⁰ — «*Сылгоймæгтæ марды раз рæнхъ æрлæууыныц*

---

²⁰⁸ Х е т а г у р о в К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Х е т а г у р о в К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974. — С. 269.

²⁰⁹ Там же. — С. 272.

²¹⁰ К ъ о с т а. Особа. Этнографион очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — Л. 46.

*æмæ, сæ рустæ æмцæф кæнгæ, дзурьны: дæ-дæй, дæ-дæй!
Уый фæстæ сылгоймæгтæй иу райдайы хъараг кæнын,
иннæтæ та сеппæт дæр кæугæ кæнынц, чи æфсоны куыд,
чи та бацъæхы онг»²¹¹. Осетинские аналоги русскоязычно-
го отрывка тождественны, близки по образности и эмоци-
ональности. Лишь при переводе словосочетания «истериче-
ский плач» Доев использует переводящую единицу, кото-
рая более экспрессивна и эмоциональна исходной: «кæугæ
кæнынц... бацъæхы онг» (букв. «плачут до посинения»).*

Не менее важными для понимания жизни осетин вре-
мен особа является разделы «Обычное право» и «При-
мирение кровников». Здесь К. Л. Хетагуровым показаны
правовые обязанности и нормы поведения осетина в обще-
стве. Наиболее яркой нормой обычного права в Осетии на
протяжении нескольких веков являлась кровная месть. Не
единожды рассматриваемый Хетагуровым в публицистике,
этот вопрос был им затронут и в «Особа»: «Отомстить за
кровь, или, как говорят осетины, взять свою кровь вовсе не
значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, ко-
сым, горбатым или старым; нужна жертва если не бóльшая,
то по крайней мере равная ее потере»²¹². Автор в очерке не
стал критиковать или рассматривать пагубность данно-
го обычая. Он занял позицию повествователя, рассказы-
вающего о сущности явления кровомщения в осетинском
обществе времен особа: убийство → осадное положение фа-
милии убийцы → переговоры → уплата штрафа за убийство
(зависела от почетности фамилии) → большой фынг в знак
примирения кровников.

---

²¹¹ Х е т а г у р о в К. Л. Особа. Пер. на осет. яз. Н. Доева // Х е т а г у р о в
К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956. —
С. 241.

²¹² Х е т а г у р о в К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Х е т а г у р о в
К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Ху-
дожественная литература, 1974. — С. 277.

Яркое свое отражение обычай кровной мести нашел в переводах Джатиева и Доева. Каждый из них старался следовать описанию подлинника. Небольшие ошибки, как представляется, встречаются при передаче заголовка параграфа и отдельно взятых слов. Инвариант названия «Обычное право» в переводах Джатиева и Доева выглядит как «*Лæджы бар*» (букв. «право человека») и «*Ирон æгъдау*» («осетинский обычай»), которые не совсем адекватны оригинальному. Местами переводчик Н. Доев заменяет исходную информацию своей. Например, в контексте «*пока она доила коров, дети не сумели удержать коз...*»²¹³ «заменял» коров на коз: «*цалынмæ нæ мад сæгътæ дыгъта, уæдмæ сывæллæттæ сæгъты бауromын нæ бафæрæзтой...*»²¹⁴. Значительная сложность возникла у Джатиева при передаче на осетинский язык фразы «врожденная кровожадность». В словаре переводящего языка он находит аналоги, но в целом, на наш взгляд, перевод получился громоздким: «*æрдзæй рахæсгæйæ тугыл зыджæнынад*».

При переводе следующих единиц оригинала каждый из переводчиков находил свои эквиваленты: «*грабить*» — «*тæлæт кæнын*» — «*стигъын*», «*череп*» — «*сæры стæг*» — «*сæры кæхи*», «*ирам*» — «*хъæдгом*» — «*нос*», «*пашни и сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными*» — «*сæ хуымтæ задысты зæрæстон, сæ угæрдæнтæ зæридау*» — «*сæ хуымтæ æмæ-иу сæ уыгæрдæнтæ æнаконд æмæ æнакарстæй лæууыдысты*», «*амбразура башни*» — «*мæсыджы кæсæнтæ*» — «*мæсыджы топпуадзæнтæ*», «*поручитель*» — «*быгъдуан райсджытæ*» — «*фидарныллæуджытæ*», «*три поколения*» — «*æртæ фыды фырты*» — «*æртæ фæлтæры*». При переводе сло-

²¹³ Там же. — С. 275.

²¹⁴ Хетагуров К.Л. Особа. Пер. на осет. яз. Н. Доева // Хетагуров К.Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956. — С. 243.

восочетания «осадное положение» Джатиев находит эквивалент — «*æрхъулайы уавæр*», Доев же использует прием экспликации: «*мыккаг иууылдæр бахаудис стыр фыд ран*».

Данная часть осетиноязычных текстов богато представлена фразеологическими единицами. Переводчики воспользовались для перевода слов исходного текста одинаковыми по форме и значению образными фразеологизмами: «*ускользает из внимания*» — «*йæ хъус не 'рдары*», «*выместить обиду*» — «*маст райсын*», «*отомстить за кровь*» — «*туг райсын*», «*наблюдали*» — «*сæ цæст дардтой*». В ряде случаев лишь один из переводчиков прибегает к фразеологическому переводу исходного слова: «*мы просто измучились*» — «*махæн нæ бон нал уыди*» — «*нæ сæрæн нал уыдыстæм*», «*подозреваемый*» — «*йæ зардæ кæмæ фехсайы*» — «*гуырысхойаг*».

Фразеологизм исходного текста «*женщина была якорем спасения*» каждый передает по-своему. Джатиев находит свой эквивалент на основе замены фразеологического образа: «*ус æнæуи дæр уыди хибахъахъхъæныны мæсыг*» (букв. «женщина и так была башней самозащиты»). Доев отказывается от адекватного перевода и ограничивается простым объяснением значения данного фразеологизма: «*сылгоймаг ирвæзынгæнæг уыдис*».

Сравнительно-сопоставительный анализ выявил некоторые ошибки и, наоборот, преимущества каждого переводчика при переводе слов подлинника. Джатиев и Доев по мере возможности старались объективно отразить жизнь и нравы осетин Нарской котловины. И если местами переводчики прибегали к буквальной или дословной передаче исходной информации, в целом в переводных текстах сохранены основные компоненты содержания подлинника.

1.5. СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ А. КОЦОЕВА «ДЖАНАСПИ»

Арсен Коцоев — продолжатель в осетинской литературе традиций Коста Хетагурова и Сека Гадиева. Тематика и проблематика его произведений касалась обычаев и традиций осетин, дореволюционной осетинской действительности. Изображая быт осетин, Коцоев жестоко критиковал не только деспотизм местных властей, но и невежество, покорность крестьян. Чаще всего они и становились героями произведений Арсена Коцоева. Рассказы писателя отличает лаконизм и ясность изложения.

Проза А. Коцоева не раз становилась ценнейшим материалом для переводчиков. Будучи сам переводчиком на осетинский язык классических произведений русской литературы²¹⁵, почти все рассказы А. Коцоева были переведены на русский язык. В числе переводчиков произведений А. Коцоева были В. Шкловский, Ю. Либединский, Л. Либединская, Б. Яковлев, Д. Туаев и Б. Ковынев, А. Гулуев, Ф. Гатуева. Многие переводы произведений А. Коцоева не были изданы и хранятся в фондах научного архива СОИГСИ²¹⁶. Некоторые произведения писателя неоднократно были переведены на русский язык. Например, повесть А. Коцоева «Джанаспи» переводилась В. Шкловским²¹⁷ и Д. Туаевым²¹⁸. Переводы этого произведения позволили русскоязычному читателю

---

²¹⁵ А. Коцоев на осетинский язык перевел повести А. С. Пушкина «Дубровский», «Станционный смотритель», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя, рассказы А. П. Чехова.

²¹⁶ Туаев Д. Переводы произведений осетинских писателей // НА СОИГСИ. Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94.

²¹⁷ Коцоев А. Джанаспи. Повесть. Пер. с осет. В. Шкловского // Коцоев А. Избранные рассказы. М.: Художественная литература, 1952. — С. 94-147.

²¹⁸ Коцоев А. Джанаспи. Пер. Д. Туаева // НА СОИГСИ. Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94. — 121 л.

познакомиться с творчеством одного из зачинателей осетинской художественной прозы. Д. Туаев и В. Шкловский каждый по-своему постарался отразить идейные искания осетинского писателя.

Повесть «Джанаспи» занимает большое место в творчестве А. Коцоева. Произведение, изданное в 1940 году, продолжает тематику многих других произведений писателя: классовая борьба за установление и укрепление советской власти в осетинском селе, коллективизация, раскулачивание. Автор повести с высокой степенью реалистичности раскрывал истинные лица людей, борющихся против советской власти; выразил резко негативное отношение ко всякому проявлению в человеке хищнического начала. В образе главного героя кулака Джанаспи Коцоев показал лживого и алчного человека, готового для достижения своей «благой» цели переступить через моральные законы.

А. Коцоев один из первых в осетинской прозе утвердил юмор и сатиру. Новаторство коцоевского стиля, пронизанного сатирой и юмором, было отмечено современниками писателя. Так, Ц. Гадиев пишет: «В произведениях нашего автора (Арсена Коцоева — Е. Д.) здесь и там разбросаны подкупающие блестящие юмора: нечто новое для осетинской литературы»²¹⁹. В повести «Джанаспи» комическое выражается в отношениях автора к героям. Коцоев иронизирует по поводу их поступков, высмеивает позицию жизни. Рассмотрим особенности передачи отрывков оригинала, содержащих комический компонент.

Особый интерес переводы произведений А. Коцоева не вызывали у литературоведов. Анализу особенностей художественного перевода произведений писателя посвящена лишь рукопись Б. Фидарова «К вопросу о переводах Коцоева Арсена»²²⁰. В ней автор обратил внимание на про-

---

²¹⁹ Ц о м а к. Основные факты осетинской литературы // НА СОИГСИ. Ф. Ц. Гадиева. № 17-31. Папка 4. — Л. 130.

²²⁰ Ф и д а р о в Б. К вопросу о переводах Коцоева Арсена // НА СОИГСИ.

блему воссоздания в переводах особенностей стиля прозы осетинского писателя: максимальный драматический лаконизм, сюжетно-композиционный монтаж, удивительный ритм²²¹. Автор труда рассматривает переводы рассказов «Охотники», «Саломии», «Не ожидали». В ходе анализа исследователь приходит к выводу, что переводчики «порой пренебрегали стилевой установкой Коцоева и стилеобразующими факторами»²²². В своем исследовании автор затронул и повесть «Джанаспи», в частности, обратился к переводу ее экспозиции. По мнению исследователя, переводчик повести В. Шкловский не совсем верно донес ее художественную структуру. Речь идет о портретной характеристике главного героя: «*Джанаспи посмотрел в зеркало; он увидел лицо, которое ему самому показалось значительным: коротко остриженную бороду, солидные усы*»²²³. Здесь, по мнению Фидарова, Шкловский при переводе не совсем правильно донес мысль автора. «Трудно предположить, с каких пор у осетин «коротко остриженная борода» почиталась за признак солидности? И так ли значительно это в самом деле, когда манера типизации у самого автора совершенно другая»²²⁴, — констатирует исследователь. Шкловский, «дописывая» за автора небольшие детали, при этом нарушает не только целостность произведения, его смысловую структуру, но и приводит, по мнению Фидарова, к потере в переводе колорита и необходимого звучания.

А как справился с переводом указанного отрывка другой переводчик повести А. Коцоева Д. Туаев? Приведем примеры из разноязычных текстов. Оригинал: «*Рæстæмбис йæ ас, бæзæрхыг, саулагъз, саухал, зачъе цыбыр æлвыд, рихитæ*

Ф. А. Хадарцевой. Д. 39. — Л. 49-63.

²²¹ Там же. — Л. 51.

²²² Там же. — Л. 63.

²²³ Там же. — Л. 56.

²²⁴ Там же.

забул сæхи уагæй, — йæхи-иу куы рацарæзта Джанаспи, уæд чи сдзырдтаид ахæммæ æдзытæй, æмæ æцæгдæр, аргъ ын уыди хъæубæсты»²²⁵. Перевод: «Он был чернявый, среднего роста, коренасты. Борода его была подстрижена коротко, а усы опущены книзу. И когда он наряжался, никто не мог бы сказать, что он непочетный в селе»²²⁶. Как видим, описание внешнего вида Джанаспи в оригинале и в переводе Туаева детально соответствуют.

Большое внимание в своем произведении автор уделяет внешнему виду других своих героев. Через описание внешности А. Коцоев достаточно выразительно раскрывает их черты характера, выражает свое идейное отношение к ним. Например, описывая «друзей» Джанаспи, автор использует сарказм, зло высмеивая людей, способных лишь на потребительские отношения друг к другу. Судью Бабоева Дударя, священника Михала, старшину села Тели характеризует негативно. При этом автор не скуп на краски, наделяя каждого характерными эпитетами и сравнениями. Наиболее объемной характеристикой А. Коцоев наделил Михала. Высмеивая полноту священника, автор использует шуточные обороты и сравнения: «Телийы гæлдæрæй егъаудæр гæлдæр скæнын бантысти», «йоркшираг хуыйы хуызæн нард уыди Михал», «скодта арахъуадзæн стыр гарзы йас гуыбын», «Михалæн бæрзæй æппындæр нæ уыди... бæрзæй нардты æхсæн фесæфти, нал зынди», «цæсгом... уыди формæйæ тымбыл, хуызæй та сырх, цæлхыдзаг мæй йе ’рныгуылынмæ куы æрцæйцæуы, уæд куыд вайы, афтæ»²²⁷. В переводе Д. Туаева сохранилась юмористическая направленность ис-

---

²²⁵ К о ц о й т ы А. Джанаспи. Повесть // К о ц о й т ы А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. — Ф. 319.

²²⁶ К о ц о е в А. Джанаспи. Пер. Д. Туаева // НА СОИГСИ. Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94. — Л. 1.

²²⁷ К о ц о й т ы А. Джанаспи. Повесть // К о ц о й т ы А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. — Ф. 329.

ходных отрывков. Сравним: *«живот его напоминал собой объемистую кадушку»*, *«обогнал и далеко позади оставил известную своей жирностью йоркширскую породу свиней... никакая свинья йоркширской породы в объеме не достигает кадушки, в то время, как Михал превзошел и ее»*, *«у него во все нет шеи... она то была, но затерялась где-то в складках жира»*, *«лицо... по форме было кругло, шарообразно, а цветом напоминало полную луну на закате»*²²⁸. Как видим, ирония автора не щадит персонажа. А. Коцоев использует точные сравнения, наиболее характерные для описания внешнего облика героя. Перевод адекватен оригиналу. Переводчиком отражена не только основная мысль указанного отрывка, но и сохранены все используемые автором лексические средства, образные выражения исходного языка.

Столь объемной характеристики внешнего вида священника Михала мы не увидим в переводе В. Шкловского. Переводчик по непонятным причинам ее опускает. Нет в переводе и описания внешности самого главного героя Джанаспи, где автор указывает на его рост, отличительные признаки облика: коренастость, смуглость...

Особую сложность для переводчика художественного текста составляет передача отклонений от литературной нормы. Для достижения определенного комического эффекта А. Коцоев вводит в переводимый текст разговорную лексику, которая забавно звучит в повествовании. Обычно она используется авторами в речи персонажей для придания им определенной характеристики или как отдельные вкрапления — для колорита. Как правило, перевод просторечия, разговорной лексики требует адекватных единиц, имеющих такой же оттенок стилистической сниженности. Этот особый лексически пласт труднопереводим. Нередко

---

²²⁸ К о ц о е в А. Джанаспи. Пер. Д. Туаева // НА СОИГСИ. Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94. — Л. 14-15.

переводчик в ходе передачи элементов сниженного стиля сталкивается с основной трудностью — отсутствием в переводящем языке функционально одинаковых слов, относящихся к подобной лексике.

В повести А. Коцоева «Джанаспи» просторечная и разговорная лексика представлена преимущественно в речи главного героя. Речь определенным образом характеризует Джанаспи и его отношение к окружающим. Приведем примеры из оригинала: «*Харитонаен та аеппын аенцой нал ис, хуыссаг аей нал ахсы, аехсæвай, бонаей хъæуы уынгты лекка кæны... Йæ фыды йыл сардауын хъæуы, баггæввæдтимае йæ лекка кæнын куыд ныуадза, афтæ...*»²²⁹, «*Фæлаууад, куыдзы фырт!...*» — *сдырдта-иу хиннымæры*»²³⁰, «*Куыйтае, алцæмаей байдзаг кодтой сæ хæдзæрттае*»²³¹, «*Гъе куыдзы хъыбылтае...*»²³² и т.д.

В русских переводах повести слова сниженного стиля не всегда находят полное соответствие. В переводе В. Шкловского подобная лексика компенсирована более «литературными» лексическими средствами, стилистически нейтральными, являющимися нормой в русском языке. Но выбранный Шкловским способ перевода вряд ли можно отнести к переводческой ошибке. И. Левый и вовсе считает, что «...не обязательно, чтобы в народной речи каждому разговорному обороту оригинала отвечало просторечие в переводе: оно может быть использовано в другом месте, лишь бы общее впечатление от речевой характеристики сохранилось неизменным»²³³.

Д. Туаев постарался отразить все элементы исходного

---

²²⁹ К о ц о й т ы А. Джанаспи. Повесть // К о ц о й т ы А. Уацмыстае. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. — Ф. 343.

²³⁰ Уый дæр уым. — Ф. 373.

²³¹ Уый дæр уым. — Ф. 374.

²³² Уый дæр уым. — Ф. 378.

²³³ Л е в ы й И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. — С. 148.

языка. Переводчик подыскал в переводящем языке в качестве аналогов слова сниженного стиля. Им переданы особенности лексико-стилистического строя подлинника, весь смысл рассматриваемых отрывков: «Вон Харитон, сын хромого Бибо, так тому и удержу нет, днем и ночью **шляется** по улицам. Надо пожаловаться его отцу, чтобы он не допус-
скал сына **шляться с босарней**»²³⁴, «Погоди, **собачий сын!**..» — грозил Джанаспи про себя»²³⁵, «**Собаки**, накопили всякого добра, а у меня дома ни одной вещи не осталось!»²³⁶, «Эй, **сукины сыны**»²³⁷.

Не менее сложной в художественном переводе является передача различных шуточных ситуаций, изображенных автором в оригинале. В повести «Джанаспи» Коцюев средствами сатиры высмеивает человеческие пороки, показывает нам степень нравственного падения человека. Автор смеется над своим героем Хасанбегом, сыном Джанаспи, иронизирует по поводу пристрастия его к алкоголю. Читаем в оригинале: «*Иу хатт сихор хæрыны афон, колхозонтæ станмæ куы цыдысты, уæд йæ дзыппæй фæзынди авг. Йæ фæдыл чи цыди, уый йæм дзуры: — Хасанбег, дæ арахъхъ фæкалди. Хасанбег йæ дзыппæ фæлабурдта æмæ авг арфдæр афснайдта. — Арахъхъ куы нæ у. Дойныгæнаг дæн æмæ авджы мидæг мемæ дон хæссын хаттæй-хатт. — Æмæ махæй уæлдай уыйас цæхджынтæ кæм хæрыс? — Цæхджынтæ хæрыны тыххæй нæу, фæлæ, Уастырджистæн, æнæуый дойныгæнаг дæн. — Авæр-ма дзы мæнæн дæр, æз дæр æрбадойны дæн, — бахудти колхозон*»²³⁸.

При переводе определенной смешной ситуации пере-

---

²³⁴ К о ц о е в А. Джанаспи. Пер. Д. Туаева // НА СОИГСИ. Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94. — Л. 32.

²³⁵ Там же. — Л. 63.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. — Л. 69.

²³⁸ К о ц о й т ы А. Джанаспи. Повесть // К о ц о й т ы А. Уацмыстæ. Дзауджыхъæу: Ир, 1991. — Ф. 363.

водчик должен ориентироваться на принимающую культурную среду. Юмор, как известно, отражает национальный характер, и отсутствие в языке, культуре общих понятий и аналогичных ситуаций может привести к непониманию или вовсе к искажению несущей в оригинале информации. Для адекватного отражения обыгранной в подлиннике смешной ситуации переводчики Д. Туаев и В. Шкловский выбрали идентичные языковые средства. Для сравнения приведем пример соответствующего отрывка в переводе В. Шкловского: *«Однажды во время обеденного перерыва в стане колхозник заметил в кармане Хасанбега бутылку с аракой. — Хасанбег, ты араку разлил! Хасанбег глубже засунул бутылку в карман. — Это не арака, жажда меня мучает, и я в бутылке ношу воду. — Ты что, ветчины объелся? — Какая может быть ветчина в нашем разоренном доме!.. — Так дай мне воды, она, небось, у тебя вкусная! — сказал колхозник, засмеявшись»*²³⁹.

Как показывает анализ, переводчик отказывается от дословного перевода, заменяет ключевое слово «*цаæхджынтæ*» («соления») на «*ветчину*», но при этом сохраняет передаваемый смысл и комический эффект, задуманный автором в произведении. Наличие фоновых знаний способствовало сохранению комического в переводе и к адекватной передаче эстетической функции, прагматики переводимого текста.

Одним из основных средств характеристики персонажей является их речь. Для создания определенного комического эффекта А. Коцоевым в тексте используются образные единицы языка. Используя их в речи своих героев, автор создает в произведении дополнительный комический фон. В тексте А. Коцоева представлены фразеологические

---

²³⁹ К о ц о е в А. Джанаспи. Повесть. Пер. с осет. В. Шкловского // К о ц о е в А. Избранные рассказы. М.: Художественная литература, 1952. — С. 123.

единицы с ярко выраженной национальной спецификой, которые, как правило, очень трудны для перевода. Рассмотрим передачу их переводчиками с осетинского на русский язык. В переводе В. Шкловского фразеологические единицы исходного текста слабо представлены. Не будучи носителем осетинского языка и работая с помощью подстрочника, Шкловский в большинстве случаев отказывается от поиска в переводящем языке эквивалентов. В одних случаях полностью опускает образную единицу, в других — использует различные приемы экспликации ее значения. Приведем примеры описательного, разъяснительного способа передачи Шкловским фразеологических единиц оригинала: «*зæрдыл æрбалæууыди*» — «напомнил», «*маст исыныл бакусай*» — «отомстить», «*йæ цæст дары*» — «наблюдал», «*хъуыддæгтæ ленк кодтой йæ фырт Хасанбеджы сæры*» — «думал», «*æмæ та цард йæ бынаты сбаддзæн*» — «вернется мирная жизнь» и т.д.

Необходимо отдать должное Д. Туаеву за стремление сохранить в переводе образные единицы исходного языка. Для их передачи он находит в переводящем языке эквиваленты, а там, где это невозможно, использует дословный перевод. Приведем примеры нахождения Туаевым функционально равноправных переводимых фразеологических единиц: «*дыууæ цармы стигъынмæ хъавыс*» — «ты хочешь из своего должника две шкуры содрать», «*йæ кой-йæ хъæр никаæцæйуал хъуысти*» — «нет о нем ни духу, ни слуху», «*дур дурыл куынауал ныуагътой*» — «камень на камне не оставили», «*дæ хуыз йæ бынаты куы нæ ис*» — «на тебе же лица нет» и т.д.

Дословный перевод фразеологизмов позволил переводчику сохранить передаваемую мысль, но местами, как представляется, переводимые единицы в тексте звучат грубовато и смешно: «*æз дæ уд дæ хъуыраей сласдзынæн*» — «я душу

с тебя вытяну через горло», «се 'фсæртæ уыйас куыд уромыни, се 'взæгтæ куыд нæ фæллайыни» — «как не устанут у них языки, не заболят челюсти», «æгъдæуттæн сæ сæрты ахизæн нæ уыди» — «осетинские обычаи нельзя было ни разбить, ни обойти».

Для создания комического эффекта автором произведения используются некоторые сравнения, при переводе которых переводчики не всегда находили адекватные решения: «йæ хæдзар уыди кæркъдонь хуызæн» — «изба, похожая на курятник» (В. Шкловский), «домик его был похож на курятник» (Д. Туаев), «ды та гæмæл силоткæйы хуызæн» — «ты сам, как сухая селедка» (В. Шкловский), «ты как сухая селедка» (Д. Туаев), «сауджыны цæсгом сырх-сырхид дæрдта хæрцæттæ помидоры хуызæн» — «лицо у священника покраснело» (В. Шкловский опускает сравниваемый образ) — «лицо у священника покраснело и напоминало переспелый помидор» (Д. Туаев). Нет в обоих переводах и следующего сравнения подлинника: «дзаг голлагау хъазахъхъ æрфæлдахти цуварсырдæм» (букв. с осет. «казак упал в сторуно как полный мешок»).

Итак, анализ стилистических приемов создания комического эффекта и установление способов его передачи при переводе повести А. Коцюева «Джанаспи» Д. Туаевым и В. Шкловским позволяет сделать ряд выводов. Переводчикам в основном удалось сохранить юмористическую направленность переводимого текста. Частичная потеря наблюдается у В. Шкловского и при переводе ненормированной лексики и фразеологизмов. Вместе с тем в русскоязычном тексте Шкловского можно найти и немало удачных переводческих решений, позволяющих в полной мере обеспечить эквивалентность коннотаций.

ГЛАВА 2. ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

2.1. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА

Творчество А. С. Пушкина неразрывно связано с осетинской литературой, являясь своеобразным ориентиром для многих писателей на протяжении творческого пути²⁴⁰. Благодаря Пушкину у них расширялся кругозор, шло обогащение жанровой системы произведений.

Плодотворно представлено творчество А. С. Пушкина на осетинском языке. Лирические, драматические произведения, проза писателя не раз становились предметом творческих изысканий осетинских переводчиков²⁴¹. Одними из первых переводчиков лирических произведений Пушкина были К. Л. Хетагуров («Ворон к ворону летит...») и Б. Гуржибеков. Об этом С. З. Габисова пишет следующее: «Коста содействовал сближению русской литературы с осетинской и перевел ряд поэтических произведений на родной язык. Среди переводов имеется и стихотворение Пушкина «Два ворона». Но перевод до того оригинален,

---

²⁴⁰ См.: К а н д и е в Б. И. Пушкин и Лермонтов в творчестве поэтов Северного Кавказа // НА СОИГСИ. Ф. 44 (лит). Оп. 1. Д. 33; Н и г е р Пушкин и осетинская литература // Социалистическая Осетия. 1949. 4 апреля; А р д а с е н т ы Х., Г у л т ы А. Пушкин æмæ ирон литературæ // Мах дуг. 1949. №6. — Ф. 13-17; Рæстдзинад. 1949. 5 июня; К а н д и е в Б. Пушкин æмæ ирон литературæ // Мах дуг. 1967. № 6. — Ф. 96-99.

²⁴¹ П у ш к и н А. С. Сборник стихов. На осет. яз. Сталинир, 1937. — 35 с.; П у ш к и н А. С. Произведения. Проза. На осет. яз. Дзауджикау, 1949. — 341 с.; П у ш к и н А. С. Произведения. Поэзия. Дзауджикау, 1949. — 251 с.; П у ш к и н А. С. Сказки. На осет. яз. Дзауджикау, 1949. — 79 с.; П у ш к и н А. С. Произведения/Сост. Н. Джусойты, Ш. Джикаев. Орджоникидзе: Ир, 1987. — 399 с.

что его можно считать совершенно независимым от пушкинского текста. Коста изменил последние две строки второй строфы и придал тем самым стихотворению национальный колорит»²⁴².

При подобном изменении текста-источника, на наш взгляд, речь уже идет о создании нового произведения в новой культурной среде. Эту мысль развивает И. Дзахов: «...это перевод, но скорее это самобытное, своеобразное стихотворение, сделанное на материале иноязычного оригинала. Самобытным его делает метод переводчика, метод национального освоения пушкинских стихов. Может быть, в наше время Коста перевел бы эти стихи по возможности ближе к оригиналу. Но тогда от него, поэта-борца, потребовался именно такой поворот. И не могла быть иначе. Ведь само по себе каждое произведение Коста — это публицистика»²⁴³.

Почти все хрестоматийные произведения великого русского поэта переведены на осетинский язык. Обращаясь к переводу произведений А. С. Пушкина, осетинские переводчики учились у него поэтическому мастерству, его неподражаемой творческой манере. «Чему я продолжаю учиться у Пушкина? Простоте и понятности языка, логической законченности произведений, широте диапазона, глубокой эмоциональности», — отмечал Нигер²⁴⁴.

Обращение осетинских переводчиков к произведениям А. С. Пушкина считает положительным фактом и Грис Плиев: «Нет ни одного осетинского поэта, который бы не переводил Пушкина на родной язык, и это не просто приобще-

---

²⁴² Г а б и с о в а С. З. А. С. Пушкин и К. Л. Хетагуров // ossethnos.ru/ philology... aspushman...klhetagurov.html (дата обращения 28.05.2014).

²⁴³ Д з а х о в И. Некоторые итоги опыта переводов «Осетинской лиры» К. Хетагурова на русский язык // НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп. 2. Д. 386. — Л. 35.

²⁴⁴ Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. — С. 91.

ние осетинского читателя к творчеству русского гения, но и обогащение осетинской культуры»²⁴⁵.

Обогатить осетинскую литературу художественными ценностями А.С. Пушкина посчитали своим долгом Ц. Амбалов, С. Бритаев, И.В. Джанаев (Нигер)²⁴⁶, А. Бригаев, С. Джанаев, Х. Плиев²⁴⁷, Д. Мамсуров, Т. Бесаев²⁴⁸, Д. Дарчиев, Х. Ардасенов, Г. Кайтуков, Я. Хозиев, Г. Мамиев, Г. Плиев, Г. Дзугаев, А. Царукаев и В. Царукаев, Т. Тетцоев, П. Урумов, С. Хугаев, Н. Джусойты²⁴⁹, М. Дзасохов, А. Кодзати, Г. Чеджемов, Г. Рамонов, Х. Савлаев, Е. Кочиева, Х. Джиоев, К. Ходов, Т. Кокаев, Т. Хаджеты, В. Наниев, К. Мамукаев, А. Кибиров, А. Тедеев, У. Годжиев, Ю. Тигиев, Тассо Гуру (Тамерлан Гуриев), Т. Хетагуров и др.

Об особенностях перевода произведений А. Пушкина на осетинский язык имеется ряд статей, в которых анализируется эквивалентная/неэквивалентная передача оригинального пушкинского стиха²⁵⁰. О стихотворениях русского поэ-

---

²⁴⁵ Т о л а с о в а Б. Поклон великому поэту // Соц. Осетия. 1990. 30 мая. Цит. по кн.: Г е т о е в а - М и н д з а е в а Л. К., К у с о в Г. И. А. С. Пушкин и Владикавказ. Владикавказ: Перо и Кисть, 2010. — С. 132.

²⁴⁶ И. В. Джанаев (Нигер). «Каменный гость» — «Дурын уазæг», «Памятник» — «Цырт», «Выстрел» — «Топпæхст», «Зимний вечер» — «Зымагон изæр», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» — «Белкины повесттæ», «Вновь я посетил...» — «Ноджы райгуырæн бæсты»; П у ш к и н А. С. Повести Белкина. На осетинском языке. Сталинир, 1937. — 92 с.; Произведения А. С. Пушкина в переводе И. В. Джанаева («Ноджы райгуырæн бæсты», «Топпæхст», «Цырт», «Дурын уазæг») // НА СОИГСИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 107-111.

²⁴⁷ Плиев Х. «Кавказ» — «Кæвказ», «Кирджали» — «Кирджали», «Путешествие в Арзрум (об Осетии)» — «Иры тыххæй. «Æрзрумæ балц»; П у ш к и н А. С. Путешествие в Арзрум. Перевод на осет. яз. Х.Плиева // НА СОИГСИ. Ф. 61 (Лит.). Оп. 1. Д. 26.

²⁴⁸ Бесаев Т. «Эхо» — «Æзæлд».

²⁴⁹ П у ш к и н А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. На осетинский язык перевел Н. Джусойты. Сталинир, 1959. — 215 с.

²⁵⁰ См.: П л и е в Г. Пушкин на осетинском языке // Рæстдзинад. 1937. 12 января; Х о з и е в Я. О переводах произведений Пушкина // Ёрыгон большевик. 1937. №9. 19 января. — С. 4; Г у л у т ы А. А. С. Пушкины æмдзæвгæты тæлмацы тыххæй // Ёрыгон коммунист. 1954. 29 августа; К у л а е в В. Пушкин в осетинской литературе // Социалистическая Осетия. 1959. № 128; Д ж у с о й т ы

та в переводе Нигера И. Дзахов пишет следующее: «Прежде всего, читая переводы Нигера, поражаешься удивительно точным лексическим соответствиям оригиналу. Каждому пушкинскому слову переводчик нашел точное или, если таковых в осетинском языке нет, предельно приближенное соответствие»²⁵¹. В конце своего исследования Дзахов пришел к выводу: «...Нигер тонко сочетал в своем методе перевода как принцип сохранения своеобразия оригинала, так и принцип его национального освоения и сумел указать путь становления осетинской переводческой школы и на практике, и в теории»²⁵².

Активным переводчиком лирических и драматических произведений А. С. Пушкина на осетинский язык был Грис Плиев. Переводческий талант осетинского писателя, проявленный при переводе произведений русского классика, не раз был по достоинству оценен в критике: «Запомнившиеся с детства наизусть стихи Пушкина «Зимний вечер», «Чаадаеву», «Утопленник» и др. на осетинском языке вступают в соперничество с оригиналами, и осетинскому читателю нет нужды обращаться к ним на русском языке, — так хорошо и блистательно переведены!»²⁵³. А. Гулуев,

---

Н. Г. Пушкин на осетинском языке (заметки переводчика) // П у ш к и н А. С. Исследования и материалы. М.-Л., 1953. — С. 459-463; Т о л с о в а Б. Искусство перевода (Пушкинские дни в Северной Осетии) // Социалистическая Осетия. 1980. 24 мая; Д з а т ц е в а Н. «И назовет меня всяк сущий в ней язык...»: [О переводах А. С. Пушкина на осетинский язык] // Социалистическая Осетия. 1990. 30 мая; Б о ц и е в а Ф. А. Стихотворение А. С. Пушкина «Я Вас любил» на осетинском языке (к вопросу воссоздания композиции и национально-специфических реалий подлинника) // rusnauka.com27_NNM_2011/Philologia...93646.doc.htm (дата обращения 28.05. 2014); Г у р е в Т. А. К проблеме перевода произведений А. С. Пушкина на осетинский язык // Пушкин и Кавказ: история и современность. Пятигорск, 1999. — С. 29-30.

²⁵¹ Д з а х о в И. М. К вопросу о художественных переводах в осетинской литературе (Нигер — переводчик Пушкина) // Вопросы осетинского литературоведения. Т. 33. Орджоникидзе, 1978. — С. 107.

²⁵² Там же. — С. 117.

²⁵³ Д з у ц ц а т ы Х.-М. А. Соавтор времени. Грис Плиев. Жизнь и

сам являясь профессиональным переводчиком, отмечал художественную особенность произведений, полученных Г. Плиевым в результате перевода: «Плиты Гришы тæлмацы Пушкины уацмыстæ бирæ æндæрхуызон нæ фæсты, сæ формæ, сæ аивдзинад хæлд не 'рцыд, уацмыстæн сæ тых нæ фæлаæмæгъдæр»²⁵⁴.

Одним из переводчиков прозаических произведений русского писателя был Арсен Коцоев. Ему принадлежат переводы на осетинский язык повестей «Станционный смотритель» и «Дубровский». Опубликованные к 100-летней годовщине со дня смерти писателя в 1937 году²⁵⁵ произведения Пушкина на осетинском языке не становились объектом исследования. Обратимся к переводу повести «Дубровский» и попытаемся проследить адекватную передачу А. Коцоевым особенностей пушкинского произведения.

«Дубровский» относится к незаконченным произведениям писателя, над которым А. С. Пушкин работал с октября 1832 по февраль 1833 г. Произведение было новаторским для своего времени. Остросоциальную проблематику автор вплеl в авантюрный сюжет, присущий западноевропейским произведениям конца XVIII века. Повесть Пушкина отличает и ее «документальность». Автор использовал судебные дела и реальную историю дворянина, потерявшего обманным путем имение и ставшего разбойником.

В повести «Дубровский» А. С. Пушкин с наибольшей полнотой отражает помещичий провинциальный быт и нравы начала XIX века. Осетинский переводчик со всей ответственностью подошел к переводу указанного произведе-

---

смерть. Стихи и поэмы на осетинском языке // Плиты Грис æмæ литературон процесс/Чиныгаразæг, разныхасы автор æмæ бæрнон редактор Хозиты Б. Дзæуджыхъæу: Ир, 2013. — С. 275.

²⁵⁴ Г у л т ы А. Уырыссаг æвзагæй иронмæ тæлмацгонд уацмыстæ // Мах дуг. 1954. №8. — Ф. 65-66.

²⁵⁵ П у ш к и н А. С. Равзæрст прозæ. Дзæуджыхъæу, 1937. — 210 ф.

ния. В осетиноязычном варианте вполне уловим индивидуальный пушкинский стиль.

С первых строк произведения автор вводит читателя в особую атмосферу той эпохи и знакомит его со своими героями: *«Несколько лет тому назад в одном из своих помещий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки поддочастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения...»*²⁵⁶. Так Пушкин начинает свое повествование. В осетинском переводе отрывок лишен смысловых ошибок. А. Коцоев избегает вольного обращения с фразами оригинала, все они находят свои эквиваленты в переводном тексте. Читаем: *«Иу кьорд азты размæ йæ бæстыхæйттæй иуы царди зæронд уырыссаг æлдар Кирилæ Петрович Троекуров. Йæ хъæздыгдзинад, зынгæ мыккаг æмæ йæ бастдзинадта йын лæвардтой стыр бынат, йæ бæстыхай кæм уыдис, уыцы губернийы. Сыхæгтæ сæхи хъардтой йæ цавæрдæриддæр æнæуаг домæнтæ æххæст кæныныл, губернийы чиновниктæ рызтысты йæ койæ. Кирилæ Петрович лæгъстæйы митæм касти, куыд, чи æмбалы, ахæм хæс æххæст кæнынмæ. Йæ хæдзар æдзух дзаг уыдис уазджытæй, уыдон æй хъæлдзæг кодтой, ирхæфстой йæ, йемæ æрвыстой йæ уынæрджын, хаттæй-хатт хъаугъаджын хъæлдзæгдзинæдтæ...»*²⁵⁷. Как видим, для того чтобы отразить облик барина Троекурова,

---

²⁵⁶ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 126.

²⁵⁷ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцойты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф.149.

А. Коцоев находит равнозначные единицы переводящего языка, нигде не идеализируя пушкинского героя. Феодальное столкновение Троекурова и Дубровского, прослеживающееся на протяжении всего повествования, находит место и в переводе.

Образ главного героя Владимира Дубровского появляется в повести не сразу, а раскрывается по мере рассказа. Вот перед нами молодой человек приятной наружности, жизненные обстоятельства которого вынуждают стать «благородным разбойником». О чертах внешности Дубровского мы узнаем следующее: «От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось»²⁵⁸. В переводе: «Цæуы йыл 22 азы, йæ ас рæстæмбис, цæсгом сыгъдаг, зачъе даст, йæ цæстытæ бурбын, сæрыхтæуынтæ мыдхуыз, йæ фындз раст. Хицæн нысæнттæ: ахæмтæ нæ разындис»²⁵⁹. Как видим, в переводе есть небольшие неточности. Переводчик А. Коцоев верен в описании внешности пушкинского героя, но по непонятной причине убавляет возраст Дубровского.

А. Коцоев при переводе не пытался адаптировать художественное произведение под «своего» читателя, вносить в произведение осетинские реалии или заменять русский национальный колорит своим. Сам Пушкин при переводе на русский язык поэзии иноязычных авторов первостепенную роль отводил национально-культурной специфике текста и ее отражению в переводе. «Обращаясь в период своего зрелого творчества к великим поэтам современности и прошлого (Мицкевич, Шенье, Гораций) и к фольклору («Песни

---

²⁵⁸ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 160.

²⁵⁹ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцойты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 197.

западных славян» — по обработке их Мериме), Пушкин всемерно сохранял, даже выделял элементы народного своеобразия и, в частности, черты местного и исторического колорита, иногда подчеркивая их и соблюдением стихотворной формы оригинала, непривычной для русской поэзии его времени («Будрыс и его сыновья»)»²⁶⁰. Национальная окраска переводимого произведения выражается, по мнению известного переводоведа А. В. Федорова, «чаще всего или в образах, наиболее непосредственно отражающих материальную обстановку и социальные условия жизни народа (в частности, в характере и поступках действующих лиц) или в насыщенности идиоматикой (в широком смысле слова)»²⁶¹.

Произведение Пушкина «Дубровский» изобилует словами-реалиями, обозначающими предметы или явления, связанные не только с русской историей или культурой, но и с культурой других народов. При передаче их в переводной текст А. Коцоев использует транскрипцию или транслитерацию. При этом значения большинства слов-реалий переводчиком поясняются в сносках, и поэтому читателю нет необходимости самому прибегать к помощи словаря. Приведем примеры: «*флигельтаэ — сэйраг хэдзар йеттаема ма карты цы агъуыстытаэ вэййы, уыдон хуыйныныц афтæ*», «*генерал-анишеф — инæлары бæрзонддæр цин, «æххæст инæлар»*», «*урядник — кæсдæр æфсаддон цин зæронд æфсады*», «*артиллерийы подпоручик — афицеры кæсдæр цин зæронд армийы*», «*корнет — бæхджын æфсады афицеры кæсдæр цин*», «*камердинер — лæккадгæнæг*», «*бельведер — мæсыгонд, хэдзары сæрыл, алы 'рдæм фæлгæсынæн*», «*клирос — аргъуаны зарджыты лæууæн бынат*», «*аргъуаны*

---

²⁶⁰ Ф е д о р о в А. В. Основы общей теории перевода: учебник для вузов. Изд. 5-е, перер. и дополн. М.: Изд. Дом «Филология три», СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2002. — С. 53.

²⁶¹ Там же. — С. 318.

причт — аргъуаны службагæнджыты иумæйаг ном», «исправник — уезды пæлицайы хицау», «мамзель — чызг», «алтар — аргъуаны мидæггаг хатæн». Как видим, в число поясняемых переводчиком лексем попали и иностранные слова, в значениях которых, как представляется, А. Коцоев легко ориентируется.

Переводчик отказался от пояснений осетиноязычному читателю семантики следующих слов: «губернийы чиновник», «приказчик», «тройка», «поручик», «къупец», «усадыбæ», «титулярон советник», «апелляци», «извозчик», «сенæ», «колпак», «мундиргонд сюртук», «картуз», «перила», «гарем», «гувернер», «мусье», «коляска», «канва», «вальс», «трюмо», «кулебяка», «кафтан» и т.д. С помощью транскрипции и транслитерации переводчик сохранил «лексическую краткость обозначения, соответствующего его привычности в языке подлинника»²⁶².

В некоторых случаях контекст сам помогал переводчику дать некоторое представление о предмете или понятии. И поэтому А. Коцоеву не составило труда находить эквиваленты словам исходного языка. Например: «горничная» — «кусæг чызг», «гончие» — «сурæг куыдз», «водка» — «арахъ», «нянька» — «дыджызæ», «кучер» — «бæхтæрæг», «барыни» — «æхсинтæ», «посаженная мать» — «кæнгæ мад», «пономарь» — «аргъуаны кусæг», «кум» — «æмдзуарджын» и т.д.

При переводе повести А.С. Пушкина А. Коцоев столкнулся с проблемой компенсации слов в уменьшительно-ласкательной форме: «бабушка», «папенька», «сестрица». Соответствующие стилистические коннотации достаточно трудно передать осетинским языком ввиду отсутствия в нем суффиксов, образующих подобные формы. Да и осетинский менталитет не позволял переводчику применять

---

²⁶² К о л о м е й ц е в а Е. М., М а к е е в а М. Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. — С. 32.

в тексте ласкательные формы обращения. Перевод деми-нутивов осуществляется нейтральными словами переводящего языка: «*на фыд*», «*баба*», «*ма хо*». Приведем такой пример из оригинала: «С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не достаивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища»²⁶³. В отрывке обращает на себя внимание перевод пейоратива «*домишко*». Автор не случайно употребил стилистически нейтральное существительное «*дом*» в уменьшительно-пренебрежительной форме. Он таким образом еще раз подчеркнул социальное неравенство старшего Дубровского и помещика Троекурова. Переводчик повести и здесь прибегает к замене слова со значением уничижительности нейтральным эквивалентом переводящего языка — «*хадзар*». В переводе: «*Уадэй фастама алы бон дэр уыдысты иума, амэ Кирилэ Петрович, йа царенбонты искама цауын йахицан чи на саккаг кодта, уый-иу йа зæронд амбалы хадзарма бауади аенауелдай гæды митæй*».

Перевод пушкинского произведения требовал от переводчика не только блестящего знания обоих языков (оригинала и перевода), теории и практики художественного перевода, но и познаний в зарубежной литературе. Так, в повести А. Пушкин часто употребляет имена зарубежных писателей и героев их произведений. При передаче соответствующих мест в тексте А. Коцоев также прибегает к пояснению в сноске, даже если сам автор отказывается от него. Можно привести следующие примеры: «*Радклиф (1764-1823) — англисаг фыссаг*»²⁶⁴, «*Ринальдо — немыцаг фыссаг Вульдюцы*

---

²⁶³ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 127.

²⁶⁴ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцойты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыста. Дзауджыхъæу: Цагат Ирыстоны АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 196.

(1762-1827) роман, кацы йæ рæстæджы уыдис тынг зындгонд, Ринальдо-Ринальдини — абырджыты фæтæг»²⁶⁵, «Конрад — номдзыд полякаг поэт Адам Мицкевичы (1798-1855) кадæг «Конрад Валленрод»-ы герой»²⁶⁶.

В тексте Пушкин употребляет имя персонажа древнегреческой мифологии Амфитриона. Благодаря одноименной пьесе Мольера имя героя, изображенного французским комедиографом радушным хозяином, стало нарицательным. Впоследствии Амфитрионами стали называть хлебосольных, гостеприимных хозяев. В повести «Дубровский» автор использует это имя именно в этом значении: «Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона и искусству его повара...»²⁶⁷. Как видим, сам Пушкин не дает никакого пояснения к указанному им герою. А. Коцоев понял намерение автора и поясняет в сноске: «Амфитрион — хорзæрдæджын, уазæгуарзаг фысым» (букв. с осет. «Амфитрион — добросердечный, гостеприимный хозяин») ²⁶⁸. Переводчик, как кажется, правильно отразил смысл, представляемый в указанном отрывке Пушкиным.

Но пояснения переводчика не всегда, как нам кажется, верны. Перевод, на наш взгляд, не совсем правильно доносит семантику русскоязычного слова «стремянной»: «æгдынцойгæс — куыдзгæс, кацыйæн дæрд иртæсыны бар нæ уыди æлдæры æгдынцойæ»²⁶⁹. На наш взгляд, было лишним в переводе упоминать собачника, если речь идет о придворном чине в Русском государстве. Стремянным называ-

---

²⁶⁵ Уый дæр уым. — Ф. 215

²⁶⁶ Уый дæр уым. — Ф. 218.

²⁶⁷ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 175.

²⁶⁸ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцойты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 217.

²⁶⁹ Уый дæр уым. — Ф. 152.

ли верховного конюха, который сопровождал царя верхом и подавал ему стремя.

У Пушкина в произведении тесно переплетаются язык художественной литературы и живая разговорная речь. Автор широко применяет народно-разговорную лексику, служащую средством социальной характеристики персонажей. В повести она встречается в речи крестьян, помещиков или в авторском повествовании.

Приведем примеры из оригинала и соответствующие единицы в переводе А. Коцюева: «...*дьявол тебѣ побери...*»²⁷⁰ — «...*хэйраг да фæхæссæд*»²⁷¹, «*собачьи сын*» — «*куыдзы фырт*», «*олухи*» — «*æдылытæ*». Или: «*Пошел вон, не до тебя*»²⁷² — «— *Афардаг у ардыгæй, даума ма не 'вдæлы*»²⁷³, «*Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник...*»²⁷⁴ — «*Чи бауæндыдис уым йæ дзых байгом кæнын?*»²⁷⁵. Переводчик, как видим, нигде не пренебрег указанными единицами переводимого текста. Рабски следуя за оригиналом, А. Коцюев применяет в переводе слова сниженного стиля.

Пушкин, воспитанный на французской культуре, использует в произведении французские слова и изречения.

---

²⁷⁰ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 164.

²⁷¹ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцюейты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыстæ. Дзауджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 202.

²⁷² П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 142.

²⁷³ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцюейты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыстæ. Дзауджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 171.

²⁷⁴ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 146.

²⁷⁵ П у ш к и н А. С. Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцюейты А. // П у ш к и н А. С. Уацмыстæ. Дзауджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 178.

Встречающиеся в речи учителя Дефоржа²⁷⁶ выражения французского языка даются в иноязычном написании. Например: «– *Que dū sire monsieur?* — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись»²⁷⁷. Или: «– *Monsieur, trus volontiers,* — отвечал Дефорж, — *veuillez donner des ordres en consūquence*»²⁷⁸. Отразить французские выражения в переводном тексте А. Коцюеву помог сам автор, так как А. Пушкин дает в сноске русский перевод. Переводчику необходимо было лишь передать их на своем языке, оставляя в самом тексте в первоначальном написании.

Немаловажную роль при передаче национальной специфики иноязычного текста играют фразеологизмы²⁷⁹, словицы и поговорки²⁸⁰. В повести А. С. Пушкина «Дубровский» мы встречаем немало устойчивых единиц языка. Фразеологизмы, в которых неярко отражены «следы» национальной культуры, А. Коцюев передает равнозначными эквивалентами. Например: «*мысль... терзала его сердце*» — «*уыцы хъуыды... зєрдє скъуыдтє кодтє*», «*сердце в нем забилось*» — «*йє зєрдє стєлфыдис*», «*попадешься ему в лапы*» — «*уый къухы бахауын*», «*две шкуры сдерет*» — «*дыуує цармы дєр бастигъдзєн*», «*проводив мальчика глазами*» — «*йє цєст лєпнуйы фєдыл ахєсгєйє*», «*он не в духе*» — «*йє чємы нєй*», «*его достояние могло отойти от него в чужие руки*» — «*йє мєгуыр ис-бонєн тєс уыди йє къухтєй ацєуынєй*».

---

²⁷⁶ Впоследствии читатель узнает, что под маской учителя Дефоржа в доме барина Троекурова скрывался сам Владимир Дубровский.

²⁷⁷ П у ш к и н А. С. Дубровский // П у ш к и н А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С.163.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ См.: Д з а п а р о в а Е. Б. Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). — С. 87-90.

²⁸⁰ См.: Д з а п а р о в а Е. Б. Способы достижения эквивалентности паремий в процессе художественного перевода // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Т. 10. — С. 256-265.

Местами А. Коцоев передает исходную единицу с заменой слова, входящего в состав фразеологизма: «мысль... пришла ему в голову» — «уыцы разнысан йæ зæрдыл æрбалæууыдис» (голова → сердце), «мысли... стеснились в душе его» — «хъуыдытæ зылдысты йæ сæры» (душа → голова).

Во фразеологических единицах с национально-культурной семантикой А. Коцоевым на осетинский язык передается лишь смысл: «и в грош не ставит» — «ницæмæ дары», «я все выведу на чистую воду» — «æз сбæрæг кæндзынæн хъуыддаг», «во весь дух пустился бежать» — «уыцы-иу згъорд акодта».

Паремии в переводимом тексте встречаются дважды. В одном случае переводчик А. Коцоев заменяет исходный образ паремии на свой: «да ведь на чужой рот пуговицы не нашьешь» — «фæлæ искæй дзыхыл гуыдыр нæ сæвæрдзынæ» (пуговица → замок). В другом — использует буквальный перевод, который, на наш взгляд, не оказывает на читателя художественно-эстетическое воздействие: «каков поп, таков и приход» (значение: соответствовать) — «сауджын цы хуызæн уа, йæ хъæу дæр уый хуызæн».

Особая роль в художественном произведении отводится образным единицам языка, которые «через определенное образно-оценочное представление ярко и отчетливо отражают этнокультурное своеобразие народа. По общепризнанному мнению, образный фонд языка — наиболее самобытное явление в плане выражения национальной специфики ЯКМ (языковой картины мира — Е. Д.)»²⁸¹. Первостепенную роль в создании образности художественной речи играет метафора. Подобные выражения с переносным значением встречаются и в повести А. Пушкина. При-

---

²⁸¹ Д у м н а з е в а В. А. Особенности репрезентации национального дискурсивного пространства русским образным словом: автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. — С. 3.

ведем примеры метафор из оригинала и в переводе А. Коцоева: «*расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале...*» — «*залы мидаг уæззау къахдзæфтæй дыууæрдæм цæугæйæ...*», «он ехал берегом широкого озера» — «*цыдысты фæтæн цады былтыл*», «Кирилла Петрович пустился рысью» — «*Кирилæ Петрович ауагъта йæ бæхы сæппæй*», «искры полетели огненной метелью» — «*цæхæртæ калдысты зынджы тымыгъау*», «пламя страсти» — «*уарзондзинады арт*». Как видим, все образные единицы исходного текста нашли свое место в переводе. Другие изобразительно-выразительные средства художественного текста — эпитеты — помогают читателю понять взаимоотношения героев, а также отношение к ним самого автора. И если данные оценочные единицы не слишком часто встречаются в повести А. С. Пушкина, свое адекватное отражение они находят в осетинском переводе: «*злобная улыбка*» — «*фыдæхы мидбылты худт*», «*соколик мой ясный*» — «*мæ ирд уари*», «*холодным видом*» — «*уазал уынд*», «*смертная бледность*» — «*мæрдон фæлурс*». Для передачи сравнений А. Коцоев в каждом случае находит эквивалентные единицы. Сравнимый образ, лежащий в основе оборота, в переводе отражен аналогом: «он гол **как сокол**» — «*уый уарийау бæгънæг у*», «*барышни стеснились между собой, как робкое стадо козочек...*» — «*чызджытæ къордаёй лæууыдысты тæппуд сæгъты дзугау...*», «*Марья Кириловна сидела как на иголках*» — «*Мария Кириловнæ судзинтыл бадæгау уыдис*», «*Марья Кириловна веселилась как дитя*» — «*Мария Кириловнæ хъæлдзæг уыди сывæллонау*», «*брак пугал ее, как плаха, как могила...*» — «*моймæцыд æй тæрсын кодта, куйд фæрæтæй мард, куйд ингæн*».

Таким образом, переводной текст А. Коцоева отвечает всем требованиям адекватного художественного перевода. В нем отражены этнокультурные особенности

русского народа. С помощью удачно подобранных эквивалентов передан национальный колорит, образность оригинала. Имеющиеся в переводе небольшие неточности нисколько не влияют на смысловую целостность всего произведения.

2.2. ГРИС ПЛИЕВ — ПЕРЕВОДЧИК ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

М. Ю. Лермонтов — один из любимейших писателей осетинского читателя. Тесная связь писателя с Кавказом, его любовь к народам, проживающим здесь, не могли не отразиться на его творчестве. Кавказская тематика была одной из основных в поэзии и прозе М. Ю. Лермонтова²⁸². Поэтому нас не удивляет тот живой интерес, который проявляли осетинские переводчики к произведениям русского писателя.

Осетинские переводы произведений М. Ю. Лермонтова появились в начале XX века. Первое произведение Лермонтова, переведенное на осетинский язык, — стихотворение «Тамара» (1902, пер. Б. Гуржибекова). Позднее на осетинском языке выходят «Ашик-Кериб» (1915, пер. Ц. Амбалова; 1938, пер. А. Маккаева), «Парус» (1935, пер. Г. Плиева), «Герой нашего времени» (1936, пер. Х. Цомаева), «Мцыри» (1939, пер. Д. Мамсурова), «Беглец» (1939, пер. Г. Кайтукова), «Каллы» (1939, пер. Х. Ардасенова), «Утес» (1945, пер. Д. Дарчиева), «Песни про... купца Калашникова» (1946, пер. В. Газзаева), «Демон» (1946, пер. Гафеза), «Вверху одна горит звезда» и «Горные вершины» (1951, пер. Я. Хозиева). В 1962 году на осетинском языке увидели свет стихотворения

---

²⁸² См.: Х а д а р ц е в а А. Лермонтов и осетинская литература // Социалистическая Осетия. 1964. 15 октября.

Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», «Кавказ», «Родина» (пер. Н. Г. Джусойты), «Бородино» (пер. Г. Плиева), поэма «Хаджи Абрек» (пер. Г. Кайтукова).

В 1964 году литературной общественностью широко отмечалось 150-летие русского писателя. К юбилею М. Ю. Лермонтова сделано много переводов из его лирики: «Есть речи — значенье», «Не смейся над моей пророческой тоскою» (пер. А. Гулуева), «Сон», «Тамара» (пер. Г. Баракова), «Пленный рыцарь» (пер. Х. Алборова), «Утес» (пер. Р. Тедеева), «Спор» (пер. И. Джанаева), «Узник» (пер. Г. Плиева) и др.

Заметно потрудился над переводами на осетинский язык произведений М. Ю. Лермонтова Грис Плиев²⁸³. Большое место в его творчестве занимают переводы стихотворений «Парус» («Наупæлæз») и «Бородино», поэмы «Хаджи Абрек» («Хаджи-абырæг»), драмы «Испанцы» («Испайнагтæ») ²⁸⁴. Драма «Испанцы» в переводе Г. Плиева в 1962 году ставилась на сцене Северо-Осетинского музыкального драматического театра ²⁸⁵.

Благодаря переводам Г. Плиева осетинский читатель познавал лермонтовские образы на родном языке. О мастерстве переводчика З. Тедтоева пишет следующее: «Уæлдай аив сты Грисы тæлмацтæ. Уыдоны æххæстæй зынынц Лер-

---

²⁸³ См.: Джыккайты Ш. Ф. Зæххыл ис иу Хуыцау — рæстдзинад (Плиты Грисы сфæлдыстад) // Джыккайты Ш. Ф. Ныхасы фарн: Зонадон уацтæ æмæ эссе. Дзæуджыхъæу: Ир, 1996. — Ф. 202-258; Мамева Н. К. Незапятнанным я передам младшим поколениям имя «горец» (О жизни и творчестве Г. Плиева) // Плиты Грис æмæ литературон процесс/Чиныгаразæг, разныхасы автор æмæ бæрнон редактор Хозиты Б. Дзæуджыхъæу: Ир, 2013. — С. 148-164.

²⁸⁴ Лермонто М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — 296 ф.

²⁸⁵ Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР // Лермонтовская энциклопедия/АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. М.: Сов. Энцикл., 1981. — С. 381.

монтовы поэзийы арф мидис æмæ стыр аивадон хъару»²⁸⁶. Насколько успешно удалось Г. Плиеву отобразить поэтичность лермонтовского языка, его красочность и образность, проследим на материале переведенных им лирических произведений русского писателя.

Грис Плиев один из первых в осетинской литературе обратил к переводам произведений М. Ю. Лермонтова. В 1935 году журнал «Мах дуг» опубликовал осетинский вариант лермонтовского стихотворения «Парус» — «Наупæлæз» в переводе Г. Плиева. Как известно, стихотворение Лермонтова насыщено яркими красками, отличается образностью, поэтической красотой. Небольшое по объему произведение вбирает в себя основные черты лермонтовской поэзии. В нем юный поэт выразил свое внутреннее душевное состояние, свои переживания, мысли и чувства. В стихотворении Лермонтова каждое слово значимо и несет определенную смысловую нагрузку. И этим особенно усложнялась задача переводчика.

Центральным образом стихотворения является парус. С первых строк перед нами предстает его одинокая фигура вдали: *Белеет парус одинокой/В тумане моря голубом!..* Поэт не случайно наделил центральный образ такой характеристикой. С ним он отождествляет себя и свою судьбу. В переводе Г. Плиева сохранен эпитет оригинала — «одинокой»: «*Хæрзиунаг наупæлæз урс дары/æгæрон денджызон цъæхы...*». Переводчик для усиления его значения употребил исходное прилагательное в превосходной степени, используя наречие «*хæрз*», усиливающее степень признака. В переводе Г. Плиевым опущено существительное «*туман*», оваянный в морской дали. Переводчик компенсировал его прилагательным «*æгæрон*» («бескрайний»). Оно, на наш

---

²⁸⁶ Т е д т о й т ы З. Разныхас // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 6.

взгляд, удачно вписывается в переводной текст и не искажает смысл оригинала.

В следующем двустишии переводчик сталкивается с переводом антитезы лермонтовского стихотворения. Как непрменный прием художественного изображения у Лермонтова, переводчик Г. Плиев не мог проигнорировать эту весьма существенную деталь. Правы составители лермонтовской энциклопедии А. М. Песков и В. Н. Турбин: «Антитеза интенсивно используется Лермонтовым на протяжении всего творческого пути; из локального художественного приема антитеза у Лермонтова перерастает в мировоззренческий гносеологический феномен и обретает новую жизнь, полную художественных неожиданностей»²⁸⁷. Так, встречающиеся в оригинале противопоставления «ищет» — «кинул», «далекой» — «родном» находят свое выражение и в переводе: «Цымае **дæрддаг** бæсты цы **сгары**?/Цы **уадзы райгуырæн зæххыл?**» («сгары» — «уадзы», «дæрддаг» — «райгуырæн»). Г. Плиев, как видим, сохранил контраст указанного отрывка, но не совсем, как нам кажется, справился с эквивалентной передачей слов исходного текста. Переводчик избегает прямого перевода исходных единиц на осетинский язык (букв. перевод отрывка: «Цы агуры уый дæрд бæсты,/Цы ныууагъта уый райгуырæн зæххы»). Так, «ищет» переводит как «сгары» (эквивалент — «агуры»), глагол прошедшего времени «кинул» переводит глаголом настоящего времени — «уадзы» (эквивалент — «ныууагъта»). В переводе проигнорировано переводчиком повторяемое в указанных строках местоимение «он». Не везде удалось сохранить Г. Плиеву и инверсию, встречающуюся у Лермонто-

---

²⁸⁷ П е с к о в А. М., Т у р б и н В. Н. Антитеза // Лермонтовская энциклопедия/АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. М.: Советская Энциклопедия, 1981. — С. 33-34.

ва в четверостишии: «Белеет парус одинокой/В тумане моря голубом!./Что ищет он в стране далекой?/Что кинул он в краю родном?» («парус одинокой», в «тумане моря голубом»; обычный порядок: «одинокой парус», в «голубом тумане моря»). Но, как представляется нам, при сохранении в осетинском переводе нарушенного порядка слов, получилась бы бессмыслица: «урс дары наупæлæз хæрзиунæг/цъæхы æгæрон денджызы». Видимо, Плиеву в поэтическом переводе важно было сохранить интонационную структуру стиха, что ему, на наш взгляд, и удалось.

Звуковая гамма исходного стиха сохранена Г. Плиевым и в следующей строфе:

*Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*²⁸⁸

*Фæйлауæн хъазы, дымгæ схъырны,
Æртасы наудзæджындз, хъæрзы...
Нæ, нæ, уый амондгур нæ тырны,
Нæдæр йæ амондæй тæрсы*²⁸⁹.

Свист ветра и шум моря передают смутную тревогу и душевное состояние лирического героя. Переводчик Г. Плиев уловил намерения автора. В переводе отражено ритмическое звучание стиха. Для усиления экспрессии и для придания строкам нужного акцента Г. Плиев употребляет слова с фонемой «хъ»: «хъазы», «схъырны», «хъæрзы». Но переводчик не совсем, как представляется, сохранил семантику переводимых слов. Г. Плиев находит в осетинском языке исходным единицам близкие по смыслу слова, но не совсем,

---

²⁸⁸ Л е р м о н т о в М. Ю. Парус // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 143.

²⁸⁹ Л е р м о н т о в М. Ю. Наупæлæз. Плиты Г. тæлмац // Л е р м о н т о в М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникдзе: Ир, 1981. — Ф. 11.

на наш взгляд, эквивалентные. Например: у Лермонтова — «свищет» (эквиваленты — «æхситт кæны», «къуыззитт кæны»²⁹⁰), у Плиева — «схъырны»; «скрыпит» («хъинцъ кæны»²⁹¹) — «хъæрзы»; «ищет» («агуры», «сгары»²⁹²) — «тырны»; «бежит» («згъоры», «уайы», «лидзы»²⁹³) — «тæрсы». Главная мысль, заключенная в последних строчках строфы, Г. Плиевым сохранена.

Глаголы второго четверостишия придают картинам природы динамику, движение, а парусу — дополнительное напряжение. Чего мы не наблюдаем в последней строфе стихотворения. Здесь напряжение лермонтовского стиха стихает:

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

*Йæ быны — дон æрвирд, æхсиды,
Йæ сæрмаæ — хурзæрин, æнцад, —
Æнæнцой, уый та уадмæ сиды,
Цыма æрæнцой ратдзæн уад!*

Спокойствие, умиротворение и гармония паруса в первых двух строчках затем переходит к смене его состояния, требующего вечной бури. Не случайно и наделен он автором характерным эпитетом — «мятежный». В переводе Г. Плиева неутомность и бесстрашие центрального образа удачно передается с помощью прилагательного «æнæнцой» (в переводе с осетинского — «беспокойный»,

---

²⁹⁰ Большой русско-осетинский словарь: около 60000 слов и выражений. Авторы Л.Б. Гацалова и Л.К. Парсиева/Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. — С. 521.

²⁹¹ Там же. — С. 536.

²⁹² Там же. — С. 240.

²⁹³ Там же. — С. 29.

«неугомонный», «лишенный покоя»²⁹⁴). В переводе местами сохранена и палитра ярких красок: светлых, лазурных, золотых — «*арвирд*» (с осет. «ирд» — «светлый», «ясный», «блестящий»), «*хурзæрин*» («зæрин» — «золотой»). Но неправомерно, на наш взгляд, употребляет переводчик прилагательное «*æнцад*» в строке «*йæ сæрмаæ — хурзæрин, æнцад*». В оригинале автором ничего не говорится о спокойствии. В последних строках стихотворения, наоборот, парус бросает вызов всякому спокойствию и требует бури. Зато вполне приемлемо использование осетинской лексемы «*сиды*» («призывает») при переводе слова оригинала «*просит*» (с осет. «куры»). Г. Плиев тем самым подчеркивает неугомонность и бесстрашие центрального образа.

Если сравнивать формальные признаки разноязычных текстов, то в переводе Г. Плиеву удалось сохранить вид строфы, рифму лермонтовского стиха. Подобно Лермонтову, в переводном стихотворении Г. Плиев применил четверостишия (катрены) с перекрестной рифмой (абаб). Перевод Г. Плиева сохранил и метрическую организованность лермонтовского стихотворения — четырехстопный ямб.

Небольшое по объему стихотворение «Парус» занимает большое место в творчестве М. Лермонтова. Г. Плиев сохранил в переводе идейную основу лермонтовского произведения, в полной мере отразил душевные метания молодого поэта. В переводе отражены резкие переходы и контрастность морского пейзажа. И если переводчику местами не удалось передать семантику некоторых слов оригинала, то в переводе он избежал потерь, связанных с образной системой стихотворения.

Стихотворение «Бородино» написано М.Ю. Лермонтовым как отклик на 25-летнюю годовщину Бородинского

---

²⁹⁴ Осетинско-русский словарь. 2-ое дополненное издание. Около 27000 слов. Сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книжное издательство, 1962. — С. 92.

сражения. В произведении поэт показал патриотизм и героизм, проявленный русскими солдатами в ключевом событии Отечественной войны 1812 года. В переводе на осетинский язык стихотворение Лермонтова было опубликовано в 1962 году. Перевод этого произведения требовал от Г. Плиева, безусловно, ответственной и плодотворной работы.

Произведение Лермонтова имеет необычную композицию. О подвиге русского народа, проявленном на Бородинском поле, читателю повествует старый солдат — непосредственный участник этих событий. Диалог молодого собеседника и старого солдата отражен и у Г. Плиева в переводе. Приведем пример первой строфы лермонтовского стихотворения:

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!²⁹⁵

В переводе:

— Зæгъ-ма, зæронд салдат, хæрзсыгъдæгæй
Мæскуыйы бацахсын сæ тыхтæй
Куыд бацы францы бон?
Куынаг хæстытæ дзы куы нæ уыд?
Сæрыхъуын арц сæ коймæ слæууы!
Уæрæсейы зæрдыл куы лæууы
Бородинойы бон!²⁹⁶.

В переводе, как видим, сохранено обращение предста-

---

²⁹⁵ Лермонтов М. Ю. Бородино // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 154.

²⁹⁶ Лермонтов М. Ю. Бородино. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 13.

вителя молодого поколения к очевидцу событий 1812 года. Обратим внимание на то, что осетиноязычные варианты лексемы «дядя» указывают на определенные родственные связи со стороны матери или отца («мадыфсымæр», «фыдыфсымæр»). Эквивалентная передача русскоязычного слова в данном случае, как представляется, была бы неуместна и не совсем верно отражала бы намерения автора оригинального произведения. Переводчик нашел адекватное решение: «дядя» → «*зæронд салдат*» (с осет. «старый солдат»). В переводе, как видим, Плиевым сохранена семистроочная строфа лермонтовского стиха. Местами в строфе переводчик опускает некоторые детали подлинника («Москва, спаленная пожаром») или, наоборот, вносит собственные («*Сæрыхъуын арц сæ коймæ слаууы*»), но основная мысль переводимого отрывка Плиевым передана верно.

Композиционно стихотворение можно разделить на 3 части: вступление, изображение боя, описание его последствий. Первые две строфы представляют собой вступительную часть лермонтовского стихотворения. Они и задают тон дальнейшему повествованию. Вопрос, поставленный в начале стихотворения, находит ответ в последующих строфах. В переводе Г. Плиевым сохранен заданный Лермонтовым тон повествования. Для этого он находит в осетинском языке соответствующие лексемы: «племя» — «*сахъ хæстонтæ*», «богатыри» — «*бæгъатыртæ*».

Произведение Лермонтова труднопереводимо. При переводе стихотворения переводчик столкнулся с необходимостью верно отобразить дух оригинала, его эмоциональную сторону. Произведение изобилует военной лексикой, с переводом которой Плиев, на наш взгляд, успешно справился. Приведем некоторые примеры: «схватки боевые» — «*куынаг хæстытæ дзы куы на уыд*», «бой» — «*хæцын*», «русские штыки» — «*уырыссаг джебогъ*», «пушки» — «*хотых*» (с

осет. «оружие», эквив. — «сармадзан»), «забить заряд» — «намыг ныннадтон», «поле грозной сечи» — «тæссаг хæцаен æрдузы», «сражен булатом» — «фæмард булатæй», «улань» — «бæхджын æфсад», «драгуны» — «фистæг æфсад», «сражения» — «бырст», «знамена» — «тырысатæ», «рукопашный бой» — «æрми-æрмхæст», «залпы тысячи орудий» — «хотыхты гæрæхтæй». Своеобразие поэтического языка лермонтовского произведения подчеркивал В. Г. Белинский: «...в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии»²⁹⁷. В переводе язык оригинального произведения детально уловим Г. Плиевым: «разгуляться» — «байвазæн, æрхъазæн», «ушки на макушке» — «хъусæм мах къæрихъусæй», «чуть утро осветило пушки» — «куы фæирд бон сæумæйы рухсæй», «уж мы пойдем ломить стеною» — «уæхски-уæхск цомут тохы карзмæ!».

Адекватное описание в осетинском переводе получает и следующий фрагмент:

*Полковник наш рожден был хватом
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой*²⁹⁸.

Осетинский вариант русскоязычного отрывка:

*Нæ булкъон саггуырды уыд йæ мадæн,
Ныфс — паддзахæн, фыд та — салдатæн,
Фæлæ — хъыгаг; фæмард булатæй,
Уый саумæры ис ныр!*²⁹⁹

Чувства, вызываемые осетинским вариантом отрывка,

²⁹⁷ Б е л и н с к и й В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Б е л и н с к и й В. Г. Избранные статьи. М.: Детская литература, 1971. — С. 67-68.

²⁹⁸ Л е р м о н т о в М. Ю. Бородино // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 155.

²⁹⁹ Л е р м о н т о в М. Ю. Бородино. Плиты Г. тæлмац // Л е р м о н т о в М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 14.

вполне, как нам кажется, соотносимы с впечатлениями, производимыми на читателя лермонтовским оригиналом. В следующем отрывке сохранена эмоциональная тональность стиха:

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой»³⁰⁰.*

В переводе:

*Цахæртæкалгæ загъта махæн:
«Лæппутæ! Нæй Мæскуыйæн раттæн!
Мæлгæ нын ам у 'рмæст
Нæ сæфт æфсымæртæн сæ фæстæ!»
Ард иумæ бахордтам æд гæрзтæ...
Бородинойы судзаг хæсты
Æрцыд нæ дзырд æххæст»³⁰¹.*

Как очевидно, в переводе Г. Плиеву удалось сохранить восклицательную интонацию. Осетиноязычный отрывок передает напряженность описываемого Лермонтовым момента битвы. С помощью удачно подобранных эквивалентов («цахæртæкалгæ», «ард бахордтам», «судзаг хæст») переводчиком достигается торжественность, патетика переводимого стиха.

Далее в стихотворении автор постепенно подводит читателя к кульминации — битве на Бородинском поле. При описании боя Лермонтов также использует восклицательную интонацию:

---

³⁰⁰ Лермонтов М. Ю. Бородино // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 154.

³⁰¹ Лермонтов М. Ю. Бородино. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 14.

*Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут³⁰².*

И в переводе:

*Цы бон уыд! Фæздæджы гуылфæнты
Æгæнон францаг размæ ссæнды
Нæ хæцæнтæм æваст.
Сæ бæхджын æфсад зæхх æнкъуыста,
Йæ фæстæ фистæг æфсад сыстад,
Хæстыхъæр æмæ богъ-богъ хъуыстам,
Бон тартæ кодта раст³⁰³.*

Для передачи определенных звуков в стихотворении автор использует характерные слова, благодаря которым читатель представляет себе истинную картину боя: «звучал булат, картечь визжала», «земля тряслась — как наши груди», «и залпы тысячи орудий/слились в протяжный вой...». Смотрим параллели приведенных примеров оригинала в осетинском тексте: «цъыкк кодта кард, сырх нæмыг тади», «зæхх рызт нæ риутау», «рызтысты хотыхты гæрæхтæй, æмбу ма хъуыст æрмаæст». Плиев сумел отразить в переводе темп речи лермонтовского стиха. Живость и патетика оригинала передается им с помощью удачно подобранных эквивалентов.

Эмоциональный тон в произведении постепенно меняется. Бой закончен. В последних строфах стихотворения ав-

---

³⁰² Лермонтов М. Ю. Бородино // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 155-156.

³⁰³ Лермонтов М. Ю. Бородино. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 14.

тор выражает чувство гордости за русский народ, проявивший свой героизм:

*Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...*

И в то же время скорбит о погибших:

*Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать³⁰⁴.*

Перевод:

*Æрталынг. Мах цæттæ уыдыстæм
Сæумæйыл ног хæстон бырстытæм, —
Фæндыди мах хæцын...
Фæлæ куы сцагътам барабантæ,
Уæд лидзæг фесты бусурмантæ.
Хынцын уæд систем не стыр зиантæ,
Æфсымæрты хынцын³⁰⁵.*

Как видим, в переводе Плиевым сохранен эмоциональный тон семистихия (септима). При передаче некоторых слов отрывка переводчик прибегает к транскрипции: «бусурмантæ», «барабантæ».

В осетинском переводе сохранена кольцевая композиция переводимого произведения. Своеобразный итог повествования, заключенный в последней строфе стихотворения, Г. Плиевым подводится следующим образом:

*Ай-гъай, уыд сахъ лæгтæ нæ бонты,
Ныфсхаст, зардæвидар хæстонтæ,
Бæгъатыртæ — бæгуы!
Хæрзамонд сæ нæ фæци царды:*

---

³⁰⁴ Лермонтов М. Ю. Бородино // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 156.

³⁰⁵ Лермонтов М. Ю. Бородино. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 15.

*Сæ фылдæр карз хæсты фæмарди.
Фыдгулаен иу хуыцауы ардæй
Лæвард æрцыд Мæскуы!*³⁰⁶

Итак, Г. Плиев при переводе стихотворения «Бородино» выдержал сюжетные и формальные особенности лермонтовского произведения. Удалась переводчику передача особенностей поэтического языка стихотворения. Для отражения общего тона повествования Плиевым удачно подобраны семантические и эмоционально-экспрессивные единицы переводящего языка.

Заметно потрудился Грис Плиев и над переводом произведения более крупного лирического жанра — поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек». Великий русский литературный критик В. Г. Белинский относил поэму М. Лермонтова к числу тех произведений, которые «...драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта»³⁰⁷. При переводе произведения русского поэта со всей очевидностью проявился переводческий дар Г. Плиева. Кавказская тематика произведения была близка переводчику. Осетиноязычный вариант лермонтовского произведения отражает художественные особенности оригинала: формальные и содержательные признаки переводимого текста.

Особенно удались переводчику так красочно изображенные Лермонтовым пейзажные зарисовки. В поэме природа показана как один из действующих персонажей. Природа Кавказа Лермонтовым представлена особой палитрой красок:

---

³⁰⁶ Уый дæр уым.

³⁰⁷ Н а з а р о в Л. Н. «Хаджи Абрек» // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет. изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. М.: Советская Энциклопедия, 1981. — С. 601.

*По небу знойный день катится,
От скал горячий пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены:
В ауле нет лишь тишины³⁰⁸.*

Читаем соответствующий отрывок в переводе:

*Хур арвыл тулы, бон — аѣнтѣф,
Ѣнциѣд къѣдзѣхтѣй хъары тѣвд,
Гѣзѣмѣ зынгѣ џѣргѣс мигъы
Йѣ базырѣтѣ уѣззаугай уигъы;
Сты кѣмттѣ сабыр фынѣй; нѣу
Ѣрмѣст ѣнциой, ѣнѣзмѣлд хъѣу³⁰⁹.*

Красочное описание природы, как представляется, передается Плиевым характерными образными средствами переводящего языка. Небольшие упущения и дополнения, вносимые в переводной текст, не повлияли на общий смысл переводимого отрывка. Плиеву удалось передать и рифмованный стих оригинала (парная рифма — аа,бб,вв).

Приведем пример следующего отрывка оригинала:

*Взошла заря. Из-за туманов
На небосклоне голубом
Главы гранитных великанов
Встают, увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось
И понеслось по вышине.
Все дышит утром. За оврагом,
По кособору едет шагом
Черкес на борзом скакуне³¹⁰.*

³⁰⁸ Л е р м о н т о в М. Ю. Хаджи Абрек. Поэма // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 418.

³⁰⁹ Л е р м о н т о в М. Ю. Хаджи-абыраг. Кадѣг. Плиты Г. Тѣлмац // Л е р м о н т о в М. Ю. Равзѣрст уѣцмыстѣ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 30.

³¹⁰ Л е р м о н т о в М. Ю. Хаджи Абрек. Поэма // Л е р м о н т о в М. Ю. Со-

Приведенного отрывка лермонтовского произведения нет в переводе. Плиев обошелся без столь подробного описания рассвета, красочного утреннего пейзажа. Повествование в рассматриваемом отрывке поэмы плавно переходит из одного действия в другое, без отвлечения читателя в переводе на описания природы.

В переводном тексте, что немаловажно, нет подмены национального колорита своим. Переводчик трепетно относился к передаче слов, выражающих культуру другого народа. Сведения о быте и нравах горцев переданы Плиевым адекватно.

Портретное описание лермонтовской героини Леилы одно из самых ярких мест поэмы. Ее чувственная натура в полной мере отражена во внешности. При описании облика Леилы Плиев вводит в текст сравниваемые образы, отсутствующие в оригинале. Сравним:

*В твоих щеках как метеор
Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.*

*Сырх фаткъуытау — да уадултæ,
Ныр дын сæ хуссайраг туг хъазы;
Да тæнаг дидинаг-былтæ
Сæхимæ мондаг пæмæ ласыни.*

С особым мастерством переводчик передает танец Леилы, подчеркивает плавность и грациозность ее движений. В переводе читатель улавливает характерные детали внешности героини. Эта часть лермонтовского текста вызывает у читателя чувства восторга и очарования. Для создания романтического образа своей героини Лермонтов использовал особые художественные средства: сравнения («глаза как звезды блещут», «кружится..., как мотылек в лучах

чинения в двух томах. Том первый/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 420.

заката»), эпитеты («невинная душа», «черные очи», «белые руки»). Приведем пример отрывка в русском и осетинском вариантах.

В оригинале:

*Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой
И тихо черными очами
Поводит, — и, без слов уста
Хотят сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе — все мечта!»³¹¹.*

В переводе Г. Плиева:

*Йæ бахъæлдзæг кæнынмæ хъавы
Леила; гуымсæг райсы, рог
Лезгинаг кафт уæздан æркафы,
Цæгъды æмæ ныззары ног.
Æрттивыныц йе стъалы-цæстытæ,
Йæ къуыппи риутæ кæныныц зыр-зыр;
Æрыгон цардуарзаг хъæзтытæй
Йæ сыгъдæг зæрдæ дзаг у ныр:
Ныгуылæг хуры тынты хъазæг
Гæлæбуйау æрзилы, уазæг
Цæмæй фæхъæлдзæг уа. Æваст*

---

³¹¹ Там же. — С. 423-424.

Нызылы тар бæлицоны раз,
 Йæ сæрма зæлаг гуымсæг сисы,
 Йæ тæлфаг урс уырзтæй дзы сисы
 Нæргæ, къæри-къæрицæнгæ йæ хъазт,
 Йæ сабыр сау цæстыты каст
 Æмæ йæ былтæ 'нæсныхасæй
 Фæлмæн зæггынмæ сты цæттæ:
 «Фæхъæлдзæг у, мæ тардзæст уазæг,
 Хъысмæт уа, маст уа — сты сæнттæ!»³¹².

Сцена танца Леилы, предшествующая ее убийству, в переводе нашла свое адекватное описание. Плиеву удалось избежать переводческих потерь, связанных с детальным описанием движений и грациозности лермонтовской героини. Переводчик находит адекватные языковые средства, чтобы отразить звуки, краски, сравниваемые образы лермонтовского оригинала. Для выражения статности и внешней привлекательности Леилы Грис Плиев находит равноценные образные средства языка: «*æрттивынц йе стъалы-цæстытæ*», «*йæ сыгъдæг зæрдæ*», «*гæлæбуйау æрзилы*», «*урс уырзтæ*», «*йæ сабыр сау цæстыты каст*».

Поэма М. Ю. Лермонтова насыщена изобразительными средствами языка, в особенности сравнениями, придающими тексту яркость, образность, а языку произведения — оригинальность. Чтобы сохранить образность переводимого текста, Г. Плиев находит соотносимые единицы, позволившие ему достичь желаемого результата. Образы в переводном тексте такие же яркие и насыщенные, как и у Лермонтова в оригинале. Приведем примеры: «*И, как орел, с вершины гор/Вперит на крышу светлый взор*» — «*Æмæ дын уарийау йæ цæст/Ныццафта агъуысты уæлдзарыл*» (подмена сравниваемого образа: «орел» («цæргæс») → «уари» («сокол»)); «*Ее глаза как звезды блещут*» —

³¹² Лермонтов М. Ю. Хаджи-абыраг. Кадæг. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 35-36.

«*Æрттивыиц ие стъалы-цастытæ*»; «Она кружится перед ним,*/Как мотылек в лучах заката*» — «*Ныгуылæг хуры тынты хъазæг/Гæлæбуйау æрзилы...*»; «*Как птичка* вырвется, умчится...» — «...*маргъау/Уый атæхы...*»; «Погиб без славы, не в бою,*/Как зверь лесной*, — врага не зная» — «*Хæцгæйæ нæ, фæлæ æгадæй,/Сырдау* ын аскъуыдта йæ цард»; «*Как зимний снег в горах*, бледна» — «*Хæхбæстаг урс митау...*»; «По мне текут холодным ядом/*Слова твои...*» — «*Дæ дзырдтæ узал маргау сты*»; «*Ползут, как змеи*, облака» — «*Кæлмытау æврæгътæ тыхсыиц*»; «В нем сердце бедное терзали!*/Как нить, истлевшая давно*,*/Разорвалось вдруг оно*» — «*Æгъгъæд йæ магуыр зæрдæ састой!/Æмбыд тæбыны халау раст/Йæ рыст уд аскъуыдис æваст*» и т.д.

Перевод поэмы «Хаджи Абрек» является яркой демонстрацией адекватного поэтического перевода. Плиеву удалось выдержать все тонкости оригинала, донести до читателя художественную мысль автора. Используя иные языковые средства, Плиев создал новый поэтический текст, равный оригиналу по содержанию и стилистическим особенностям.

Лирические произведения М. Ю. Лермонтова в осетинских переводах сохранили дух оригинальных произведений, их живость и поэтичность, художественные и стилевые особенности. В переводах произведений Лермонтова со всей яркостью проявилась поэтическая индивидуальность Гриса Плиева.

2.3. ПЕРЕВОД РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, СТИЛЬ

Большую роль в знакомстве осетиноязычного читателя с творчеством М. Ю. Лермонтова сыграл Х. Д. Цомаев³¹³. Ему принадлежит перевод на осетинский язык романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» — «Мах рæстæджы сгуйхт лæг». Перевод Цомаева, требующий настоящей ответственной, кропотливой, осмысленной творческой работы, впервые вышел в 1936 году. Однако в последующие десятилетия (после 1937 года)³¹⁴ выходил без указания автора перевода. В издании 1951 года указаны все выходные данные и имена: ответственный за выпуск, техредактор, корректор. Нет только имени переводчика. Об этом пишет Сергей Марзоев в статье «Номенклатурные этюды»: «В послевоенном издании романа М. Ю. Лермонтова не указан репрессированный переводчик книги, как и художник-оформитель Георгий Едзиев, оказавшийся также в тюрьме.

Шутники злословили: «Ай, да Лермонтов. Он великолепно владел осетинским языком, и свой роман написал на нашем языке. И новое издание своего сочинения оформил сам».

Недобрые были времена и шутники невеселые. Но мы радовались тому, что книга увидела свет. А этого могло и не случиться»³¹⁵.

---

³¹³ См.: Д з а п р о в а Е. Б. Харлампий Цомаев и православная культура Осетии. Монография. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ, 2010. — 171 с.

³¹⁴ В 1937 году Х. Д. Цомаев был необоснованно репрессирован и расстрелян.

³¹⁵ М а р з о е в С. Номенклатурные этюды. Храм и пантеон // Дарьял. 2000. № 2. — С. 216.

После 1955 года (в этот год Цомаев был реабилитирован) роман выходил с указанием автора перевода. В общем, роман на осетинском языке переиздавался 5 раз. Последнее его издание вышло в 1981 году.

Перевод классических произведений всегда сопровождается повышенным интересом. Краткому анализу перевода Цомаевым одного из частей романа — «Бэла» посвящена статья Н. Дзатцеевой «Время возвращает имена»³¹⁶. В ней она пишет: «Х. Д. Цомаев в совершенстве знал русский язык, с которого ему предстояло переводить, поэтому ему не нужен был подстрочник. А язык перевода был родным для переводчика. Прекрасное знание обоих языков, умение переключаться из одной языковой стихии в другую и, что немаловажно, чувство слова, верное представление об основных требованиях к художественному переводу и обеспечило, как представляется, хорошее качество перевода романа М. Ю. Лермонтова»³¹⁷.

Прежде чем приступить к анализу перевода, отметим, что Лермонтов у нас на Кавказе трудно воспринимается как только русский писатель. Мы вполне можем согласиться со следующими словами: «Лермонтов не только русский поэт: он, кроме того, поэт кавказский. Он так много воспевал Кавказ, так часто жил здесь, что трудно говорить о творце «Героя нашего времени», «Демона», «Мцыри», не упоминая его отношения к нашему краю»³¹⁸, — писал известный грузинский публицист Г. Туманишвили.

В переводе «Героя нашего времени» Х. Цомаев придер-

---

³¹⁶ Д з а т ц е в а Н. А. Время возвращает имена: Харлампий Цомаев — прсветитель, деятель культуры // Вопросы осетинской литературы и фольклора: сб. статей. Владикавказ, 1993. — С. 177-189.

³¹⁷ Там же. — С. 183-184.

³¹⁸ Т у м а н и ш в и л и Г. М. (Туманов). Характеристики и воспоминания. Тифлис, 1900. Кн. 1. Цит. по кн.: Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. — С. 300.

живался адекватного перевода. «В применении к художественному переводу понятие адекватности означает соответствие подлиннику по эстетической функции; другими словами, оно означает, что перевод сам по себе, как произведение слова, должен представлять художественную ценность — ибо и подлинник обладает ею...»³¹⁹. При этом перевод должен производить на читателя прагматический эффект, такое же художественное впечатление, какое оказывает подлинник.

Перевод Харлампия Цомаева очень близок к оригиналу по образности, словесному богатству, меткости и остроте выражений. С первых же строк бросаются в глаза ясность, удивительная прозаичность языка и естественность рассказа.

Особенно ярко эта легкость перевода выражена в главе «Бэла» («Белæ»).

«Я ехал на перекладных из Тифлиса». Именно так подчеркнуто просто начинается роман. «*Посты ивгæ бæхтыл æз цыдтæн Калакæй*». Автор перевода выносит на первое место не совсем обычное в осетинской речи слово «перекладных». Именно «перекладные» (казенные почтовые лошади, которые перепрягались, сменялись на почтовых станциях) стали причиной и поводом встречи с героем-рассказчиком Максимом Максимычем, а также расставания с ним после трогательно-трагического рассказа о любви Печорина и Бэлы.

Бывают случаи, когда переводчику свойственны совершенно иные позиции, чем у автора. В этом случае переводчик обязан объективно отражать точку зрения автора, не нарушать целостность оригинала. Искажение или смягчение позиций автора следует считать существенным недостатком перевода.

---

³¹⁹ Ф е д о р о в А. В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). Изд. 2-ое, перераб. М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958. — С. 118.

В этой главе есть неприятная для осетин позиция: негативное отношение Максима Максимыча к осетинскому народу:

«– Хæрз æдылы адаем! — дзуапп радта уый. — Уырны уæ? Мур ницæмæ арххсынц, ничердыгон ахуырдынадмæ рæвдздæр сты! Уый æмæ дын нæ кæсæг, кæнæ цæцæн, кæд цыфæнды абырджитæ æмæ цыфæнды магуыр сты, уæддæр, сæ мад амæла, сахъ адаем сты; адон та — хæцæнгарзтæм дæр разæнгард не сты: адæмы хуызæн хъама дзы цу лæгыл нæ фендзынæ. Иу дзырдæй — æцæг ирæттæ!»³²⁰.

В переводе вмешательство Цомаева при передаче оригинала очень тактично, настолько осторожно, что ни в коей мере не нарушает его специфику и целостность. Переводчик, представляющий эту осуждаемую героем позицию, совершенно не смягчает краски, удерживается от каких-либо собственных комментариев, но в то же время, несмотря на точность перевода, указанные фрагменты читаются и воспринимаются менее раздражающе. Это не означает, что Лермонтов испытывал негативное отношение к осетинам. Оно в романе выражено не прямо, а через оценку отдельных персонажей (Максима Максимыча, Печорина, повествователя). В то же время при чтении романа не раз встречаются места, в которых повествователь, видя нищету, тяжелые условия жизни горцев, искренне сочувствует им.

Язык переведенных произведений прошлого неизбежно устаревает. В словаре перевода изредка встречаются малоиспользуемые в современной осетинской речи слова, например, «æнæ фехъурæй уайтагъд», то есть «æнæ фæкъуылымпыйæ» («без промежутка»), «æз дуар махиуыл бассыдтон» — «сыхгæдтон» («я затворил за собою дверь»).

---

³²⁰ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 9-10.

Интересно, что в указанном издании Харламбий Цомаев проигнорировал предисловие романа «Герой нашего времени». Хотя автор именно в предисловии объясняет, что *«Герой нашего времени... точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»*, переводчик не посчитал необходимым введение этой пояснительной части в книгу перевода. Возможно, перевод не нуждался в объяснительном тексте, так как играл в культурной жизни осетинской интеллигенции роль совершенно иную, нежели в российской среде — задолго до того, как произведение стало частью осетинской литературы.

Зато интересен перевод старинной народной песни, вполголоса исполняемой Казбичем. Песня, переложённая Лермонтовым стихами, прекрасна и в оригинале, и в переводе Х. Цомаева.

*Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет³²¹.*

Перевод:

*Бира рæсугъдтæ нæ хъæуы цæры,
Стъалытæ хъазыны сæ цæсты тары.
Уыдон уарзын у — хæлæггаг хъуыддаг;
Фæлæ уымæй зынаргъдæр у сæрибардзинад.
Сыгъзæрин балхæндзæн цыппар усы дæр,
Хорз бæхæн та æппындæр аргъ нæй:*

---

³²¹ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 466.

*Уадагй дæр быдыры фæстейы нæ баззайдзæн
Зæрдæ не сивдзæн, лæджы нæ фæсайдзæн*³²².

В целом перевод отрывка очень точен в образном отношении, а местами и в отношении передачи прямого смысла слов. Образы подлинника и перевода одинаково яркие и идентичны. Звезды, мрак глаз, степной ветер, обгоняемый конем... Эти поэтические образы, свойственные песенной культуре горцев, оказались близки лермонтовской поэзии, поэтому великий русский писатель и поэт не просто пересказывает прозой песню, а излагает ее в ритмах услышанной им на Кавказе народной песни.

Анализу переводного Х. Цомаевым текста Лермонтова, как было отмечено, посвящена статья Н. Дзатцеевой «Время возвращает имена...». И не случайно это именно «Бэла» — наиболее интересная, живая, талантливая переводческая работа — по причине близости тематики, сюжета, места действия произведения. В статье тщательно прослеживается умение переводчика находить фразеологические обороты, выражения осетинского языка, высоко оценивается литературный талант Цомаева: «Сопоставления оригинала и перевода свидетельствуют о понимании Цомаевым того, что детально точный перевод отдельных слов в художественном переводе не означает полноценной и тождественной передачи целого. Именно контекст играл для переводчика важную роль при выборе слов, подборе соответствий из родного языка. Контекст подсказывал переводчику и замену слова в переводе другим, не заданным оригиналом:

«Я умру, Казбич!» — «Зæрдæдзавд кæндзынæн, Казбич!».

Прямой эквивалент слову «умру» — «амæлдзынæн». Но, заменив его словом «зæрдæдзавд» (с осет. «разорвется сердце»), переводчик исходил, как представляется, из стремле-

---

³²² Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 19.

ния передать смятение чувств Азамата, его страстное, неодолимое желание владеть конем Казбича.

Х. Д. Цомаев стремился охватить не только смысловую сторону переводимого текста, но и эмоциональную способность воздействовать на чувства читателя...

В переводе романа часто встречаются словосочетания и фразы, очень близкие и адекватные целым конструкциям оригинала по стилистическому и смысловому значению:

- «Надо вам сказать, что Казбич вообразил...» — «Цæвиттон хъуыддагæй, Казбич афтæ æнхъæл уыдис...».

- «Я и в этом согласился» — «Æз ын ууыл дæр уæлдай нæ загътон».

- «Напоминали мне довольно живо» — «Тынг бæлвырдæй мын лæууын кодтой мæ зæрдыл».

- «Едва-едва заметная дорога» — «Зына-нæзына бæрæг чи уыдис, ахæм фæндаг»³²³.

Думается, что научное исследование языка перевода Харлампия Цомаева еще будет иметь достойное продолжение. И другие главы «Героя нашего времени» заслуживают внимания, так как и по сегодняшний день соответствуют нормам нашего современного языка, легко читаются, образны и ярки.

Для осетинского читателя не менее интересна, чем «Бэла», глава «Максим Максимыч», так как события, изложенные Лермонтовым, происходили во Владикавказе. Указывается ряд и других географически близких осетинскому миру топонимов: Терк, Дайраны ком, Ларс... Близки и понятны картины вечерней зари в горах: «Хур байдыдта йæхи æмбæхсын узал хæхты цъуппытты фæстæ æмæ урсбын мигъ райдыдта пырх кæнын астымты фæйнардæм...»³²⁴.

---

³²³ Д з а т ц е в а Н. А. Время возвращает имена: Харлампий Цомаев — прсветитель, деятель культуры // Вопросы осетинской литературы и фольклора: сб. статей. Владикавказ, 1993. — С. 185-186.

³²⁴ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 105.

В этой части романа автор-рассказчик впервые видит своего героя Печорина, и надо сказать, портрет, созданный переводчиком, идентичен психологическому портрету Печорина лермонтовской словесной кисти, в котором описание внешности персонажа сопровождается описанием черт характера, манеры поведения, поступков:

«Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными»³²⁵ — «Уый асæй уыдис рæстæмбис; йæ хæрзконд наæг гуыр æмæ йæ фæтæн, базыхъ уæхсчытæй бæрæг уыдис, йæ уæнгты 'вæрд фидар кæй уыдис, йæ хæтгæ царды зындзинагдтæн се 'ппæтæн дæр æмæ бæстыхъæдты раив-баивæн дæр уымæ гæсгæ кæй быхсыд, стыр горæты æнæуаг цард æмæ зæрдæнизы уылаентæ йæ уымæ гæсгæ кæй нæ бадомдтой, уый»³²⁶.

«В художественном произведении портрет — понятие широкое. Оно не исчерпывается воспроизведением внешности как таковой; портрет — это не только лицо героя, но и фигура его, походка, жест, поза, его привычки, манера вести себя, говорить, это и особенности его голоса, интонации, т.к. голос и жест, и мимика в своей совокупности выражают непосредственную реакцию героя на происходящие вокруг события, раскрывают сложность и многогранность человеческого характера»³²⁷. Поэтому для Лермонтова, прежде всего, важно не живописное описание

---

³²⁵ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 493.

³²⁶ Лермонтов М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 57-58.

³²⁷ Круглик Л. Я. Портрет в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Ученые записки Московского областного пединститута. Т. 122, 1963. Вып. 8. — С. 49.

внешности Печорина, а особенности его образа, которые помогают понять его характер и психологию. Читаем далее: «...пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, избличавшее привычки порядочного человека... Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера...»³²⁸ — «...рыгæйдзæ хъæдабæ сюртукаен æрмæст йæ бинаг дыууæ цæппæры кæй уыдысты æвæрд, уыма гæсгæ уынаен уыд, мидæгæй йыл, фыдирдæй цæст кæмæ нæ лаууыд æмæ æгъдауджын лæджы бæрæггæнæн чи у, ахæм сыгъдæг дзауматæ кæй уыдис, уый... Кодта æнасæрæн, уæзбын цыд, фæлæ йæ æз бафиппайдтон, цæугæ-цæуын йæ цæнгтæ змæлын кæй нæ кодта — æхгæдзæрдæ адаймаджы æргом бæрæггæнæн...»³²⁹. В этом описании Печорина Лермонтов подчеркивает принадлежность своего героя к аристократии.

Далее Лермонтов отмечает во внешности Печорина странную, необычайную противоречивость в его лице: «С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак по-

---

³²⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 493.

³²⁹ Лермонтов М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 58.

роды в человеке, так как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтoб докончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза...»³³⁰. Объективное истолкование этого отрывка видим в переводе Цомаева: «*Йæ цæсгомы фыццаг бакастæй йын нæ загътаин, дыууын æртæ азæй фылдæр ыл цæуы, зæгъгæ, кæд мæм, уый фæстæ æртын азы зæгъын дæр чысыл нæ фæкастаид, уæддæр. Йæ мидбылхудты уыдис сывæллоны ахастæй цыдæр. Йæ царм уыдис сылгоймаджы цармы хуызæн, куыддæр фæлмæн; йæ фæлурс бур сæры хъуынтæ, æрдзæй къæбæлдзыг чи уыдис, уыдон тынг рæсугъд æрзылдтой уымаен йæ фæлурс уæздан ных, кæцыйыл, бирæ йæм куы фæкастаис, æрмæст уæд уыд бафиннайæн, кæрæдзийы сæрты чи хызтис, уыцы æнхъырды фæд, мæсты кæнæ мæты сахат, æвæццæгæн, бирæ æргомдæр чи зындис, уыдоны фæд. Йæ сæрыхъуынтæ ирд кæд уыдысты, уæддæр йæ рихитæ æмæ йе 'рфгуйтæ уыдысты сау — адæймагæн йæ хæрзмыггаг туджы нысан, уый тыххæй æмæ сау бари æмæ сау дымаг ваййы урс бæхæн. Цæмæй уын йæ сурæт æххæстæй фæуон, уый тыххæй ма уын хъуама зæгъон уый, æмæ йæ фындз уыдис иу чысыл схъæл, йæ дæндæгтæ митау сæнт-урс, йæ цæстытæ — тарбын...*»³³¹.

Как видно в разноязычных текстах, особенности телосложения, выражения лица, натуры в осетинском и русском портретах идентичны. Цомаев воспроизводит смысл почти каждого слова. В осетинском портрете лишь отсутствуют слова-образы, которых в языке нет ввиду нетипичности для осетинского образа жизни самих понятий, например, «светская женщина», «аристократические руки». Незна-

³³⁰ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 493-494.

³³¹ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 57-59.

кому-то осетинскому реципиенту лакуну «*пуховые кресла*» Цомаев переводит дословно — «*бумбули бандон*». Здесь читатель, во-первых, не вполне может представить себе, как выглядит этот предмет, во-вторых, осознать, что данной этнографической деталью автор характеризует аристократию... Эпитет «*порядочный*» у Цомаева — «*æгъдауджын*», «*ослепительно чистое белье*» — «*фыр-ирдæй цæст кæмæ нæ лæууыд...*», «*нервическая слабость*» — «*цыдæр хуызæн нуарон лæмæгъ...*».

Несколько иное восприятие дает чтение «журнала Печорина», в котором сюжеты отдалены от осетинской обстановки. В главах «Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист» действие происходит несколько севернее Осетии в непривычных для осетинского читателя 1930-х гг. ситуациях.

Так, таинственная встреча Печорина с контрабандистами, происшедшая в приморском городке, интересна для осетиноязычного читателя, но здесь в переводе гораздо больше интерпретации, чем в вышеуказанных частях произведения. Однако и здесь перевод песни девушки-контрабандистки блистателен по точности перевода сюжета, сохранению ритма, содержательной стороны.

*Как по вольной волюшке —
По зелену морю,
Ходят все кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодка неснащенная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподнимут крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться*

Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темную ночь
Буйная головушка»³³².

Перевод Цомаева:

Уæгъд, сæрибарæй —
Цъæх денджызыл
Наутæ 'дзых цæуыныц —
Урс кæттагджынтæ.
Уыцы науты 'хсæн
Мæ чысыл бæлæгъ,
Бæлæгъ æнæнывæзт,
Дыууæ фыййагон.
Уад куы рахъаза —
Зæронд наутæ уæд
Сисдзысты сæ базыртæ,
Денджызыл фæлидздзысты.
Денджызæн кувдзынæн
Æз ныллæггомау:
«Уæ, мæсты денджыз,
Хъыг-иу ма бадар,
Ды мæ бæлæгъы:
Ласы мæ чысыл бæлæгъ
Бирæ зынаргъ дзаума,
Тæры мæйдар æхсæв
Уый хъазуат сау лæппу»³³³.

Эта песня — откровение, вызов Печорину, случайно напавшему на след «честных контрабандистов». Ее испол-

---

³³² Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 504.

³³³ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 74.

няет девушка, понравившаяся герою своей непохожестью на встреченных им ранее. Оригинальность ее облика характеризуется им словом «порода». Цомаев переводит это понятие как «мыггаг». Так же приблизителен перевод выражения: *«те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни»*, — который звучит так: *«нæртон фыдæнцойæ æваст бынтон æнæзмæлгæ абадынаей зæгъай, сæрæмбæрст ныхæстæй, гæппытæй, æнахуыр зарджытæй зæгъай...»*, «певунья» в переводе «буламаргъ». И все же, несмотря на то, что конкретный смысл характеристик-определений не совпадает, в целом образ девушки у Харлампия Цомаева таков же, как у Лермонтова: загадочный, своеобразный, живой, музыкальный, влекущий. Таким образом, в «журнале Печорина» Цомаевым сохранен первоизданный дух, дух лермонтовского таланта.

Во второй части (окончание журнала Печорина) — сложный психологический рассказ о жизненных перипетиях, совершенно не свойственных осетинской жизни: дуэли, игры в любовь, дуализм, полусветские интриги... Как же в этом случае переводчик справился с ситуацией? Да он просто доверяет читателю души своих героев, и этот доверительный тон, пожалуй, еще более уважителен, чем у автора, который объясняет некоторую нарочитую небрежность тона Печорина сложностью его натуры, по его собственному признанию, испорченной средой.

Что он (Печорин) не одинок в своих поисках истины, сомнениях и постоянных испытаниях души, об этом свидетельствует последнее повествование романа — «Фаталист». В заключительной, философской главе Лермонтова главное место отведено теме «судьбы», «рока». Необходимо отметить, что эта тема находит свое выражение в каждой части романа. В каждой главе поставлен вопрос:

действовать или подчиняться? В «Фаталисте» же все происходящее вращается вокруг темы судьбы, предопределения.

По сути, фатализм присущ и осетинам: «дæ ныхыл цы фыст уа, уымæн æнæ 'рцæугæ нæй» — говорят у нашего народа. Поэтому, в отличие от Максима Максимыча, рассудившего по-своему, материалистически, случай, рассказанный ему Печориным, осетинский читатель вполне согласен с тем, *«что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников»*³³⁴. По словам перевода Харлампия Цомаева: *«Ныхас кодтам, пысылмон адамы куыд уырны, ома, адаймагæн йæ хъысмæт — уæлауон царды йыл цы 'рцæуинаг у, уый кæй уырны, ахæмтæ мах æхсæн дæр бирæ ис»*³³⁵, причем переводчик не уточняет, у кого «у нас», полагая, что такова позиция любого его осетиноязычного читателя.

Интерес представляет более всего умение Печорина читать на лице человека печать скорой смерти.

*«Вулич рацыдис иннæ уатмæ æмæ стъолы раз æрбадтис, иууылдæр йæ фæдыл рацыдыстæм. Уый нын ацамыдта, стъолы алы фарс æрбадут, зæгъгæ. Мах, æнæ дзургæйæ, йæ коммæ бакастыстæм: уыцы минут æм уыдис лæвæрд, махыл цавæрдæр æнæмбаргæ, сусæг бардзинад. Æз ын йæ цæстытæм æдзынæг бакастæн; фæлæ уый æнцад æмæ æнæзмæлгæйæ касти мæ къахæн цæстæнгасмæ, æмæ йæ фæлурс былтæ рог худт бакодтой; фæлæ, кæд йæхи фидар дардта, уæддæр мæм афтæ касти, цыма йын адзалы мыхуыр йæ фæлурс цæсгомыл уыдтон, уыйау...»*³³⁶.

---

³³⁴ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 580.

³³⁵ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 138.

³³⁶ Уый дæр уым. — Ф. 186-187.

Оригинал:

«Вулич вошел в другую комнату и сел у стола, все последовали за ним: он зна́ком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза, но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его...»³³⁷.

«Печать смерти» у переводчика — «адзалы мыхуыр», хотя «смерть» в прямом переводе — «мәләет», а «адзал» — синоним, но более широкое понятие — завершение земной жизни и переход в иную ипостась. Благодаря выбору слова фраза получилась в переводе более философичной.

Говоря о «Фаталисте», невозможно не отметить бóльшую, чем в других главах, сложность слога и потаенной мысли, что целиком соответствует оригиналу.

Мастерство переводчика предполагает знания языков (ИЯ и ПЯ) настолько хорошо, что поиски языковых соответствий не должны представлять для него трудности. Для создания адекватного подлиннику художественного произведения Цомаев пытается найти лучшие формы с целью передачи смысла подлинника с соответствующей силой и качественностью, так как знание языковых средств родного языка так же «обязательно и естественно для переводчика, как и для автора оригинального произведения. Более того: для переводчика крайне необходимо знание языковых соответствий и способность их применения, но не посредством анализирования, а также естественно, как и создателю подлинника в процессе творчества»³³⁸. Цомаев

---

³³⁷ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 583.

³³⁸ Г а ч е ч и л а д з е Г.Р. Введение в теорию художественного перевода.

при переводе ставил своей целью точно переложить смысл отдельных слов, находить в родном языке однозначные лексические соответствия: «во все горло распевал песни» — «хъæлæс цас амьдта, уымæй зарыдис», «благоговением» — «кадæнгæсæй», «притащил за рога» — «æрцау-цау кодта», «к подошве горы» — «хохы рабынмæ», «головорезы» — «сæрлыггæнджытæ», «исподлобья» — «йе 'рфгуыты бынæй».

Отдельного внимания заслуживает перевод пейзажа, так красочно представленного М. Лермонтовым в романе. Непревзойденный мастер художественного пейзажа видит природу не только как поэт, но и как художник. Глубокое и тонкое чувство природы проявляется в его необыкновенных живописных пейзажных зарисовках. Лермонтов описывает природу, которую знал не понаслышке, а которую мог созерцать воочию во время путешествия по Кавказу. «В «Герое нашего времени» есть все же немало пейзажных описаний (особенно в «Бэле» и «Княжне Мэри»): изображаются горы, ущелья, облака, виды, открывающиеся с вершин. Лермонтовские описания предметно насыщены, они красочно точны, хотя местами и метафоричны, они сдержанны, хотя не лишены лиризма, и всегда естественны, как речь внимательного наблюдателя; они не составляют отдельных нарочито эффектных пассажей, а тесно слиты с общим потоком повествования»³³⁹. Детальное соответствие оригиналу требовало от переводчика ответственной работы над этой немаловажной частью текста. Но Цомаеву удалось сохранить характерные признаки пейзажа Лермонтова. Пример адекватной передачи — описание Койшаурской долины. У Лермонтова: «Под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние

Тбилиси, 1970. — С. 149.

³³⁹ Федоров А. В. М. Ю. Лермонтов и литература его времени. Л.: Художественная литература, 1967. — С. 211.

теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекали, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую, — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание»³⁴⁰.

У Цомаева долина изображена так: «Нæ бынмæ уыди Къайсауырты астым, кæцыйыл дыууæ æвзист хæрдгæ тагау згъордта цæхгæрмае Арагви æмæ ноджыдæр иу къанæг цæугæдон; цъæхбын мигъ бырыд астымыл, æмæ райсомы хъарм хуры тынтæй лыгъдис æмæ æмбæхста йæхи æввахсдæр кæмттты нарджыты; рахизырдыгæй æмæ галиуырдыгæй, мит æмæ къудзитæй æмбæрзт хæхты къахыр цъуппытæ ныддаргъ сты, уæлдæр-дæлдæртæй, кæрæдзийы цæхгæрмае лыг кæнгæ; дæррдзæф дæр гъе уыцы хæхтæ, фæлæ дзы, марадз-зæгъай æмæ дыууæ къæдзæхы æмхуызон уой; æмæ утаппæт миттæ æгасæй дæр сыгъдысты сырхбын æрттывдæй афтæ хъæлдзæг, афтæ ирд, æмæ загътаис, тæхуды æмæ мыггагмæ дæр ам цæргæйæ баззай; хур йæ был цъус сдæрдта тарбын-цъæх хохы чъылдымæй; æрмæст дæсны, фæлтæрд цæст раиртæстаид уыцы хохы саха уарыны мигъæй, фæлæ хуры сæрмае лæууыди тугдæлм, æмæ ме 'мбал йæ каст æгасæй дæр скодта гъе уымæ»³⁴¹.

Пейзаж, описанный Лермонтовым и переведенный Цомаевым, видишь и представляешь себе совершенно точно. В знаменитом описании восхождения на Гуд-гору поража-

---

³⁴⁰ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 476.

³⁴¹ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 32-33.

ет красочность изображенной природы. Насколько верно и правдоподобно удалось переводчику воссоздать описываемую Лермонтовым действительность, мы убедимся из следующего отрывка. Перед нами открывается широкая горная панорама: «...хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другой гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня»³⁴² — «...стъалыты чыртæ диссаджы рæсугъд нывгондæй кæрæдзиуыл тыхстысты дард кæмдæр арвы дæлбазыр æмæ иу иннæйы фæстæ хуыссыдысты, хурыскæсæны фæлурсбын ферттывд, æнусон митæй æмбæрзт хæхты фахсытæ, куыд фæстæмæ ирдгæнгæ, арвы тарбын-цъæх къуырфыл куыд пырх кодта, афтæ. Рахизырдыгæй æмæ галиуырдыгæй сау дардтой тар æнæбын æрхытæ, æмæ мигътæ, къуыбылаейттæ æмæ хæлбурицъытæ гæнгæ, калмыты хуызæн, æввахс къæдзæхты æнхъырдыл бырыдысты бынмæ, рæхджы кæй æрбабон уызæн, цыма уый æнкъардтой æмæ уымæй тарстысты, уыйау»³⁴³.

Сравнение двух отрывков показывает, насколько точно удалось переводчику изложить впечатление от увиденного очевидцем. В процессе перевода Х. Цомаев руководствуется не простым подбором языковых соответствий, а наилучших средств для воспроизведения художественных элементов исходного текста. При этом в переводе сохранена есте-

³⁴² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 474.

³⁴³ Лермонтов М. Ю. Мах рæстæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 31.

ственность, большая детализация, а также метафоричность описываемой природы. Переводчик передает свое восхищение живым, красочным языком.

Пейзаж у Лермонтова наделен «человеческой душой», чувствами, страстями: «ветер пахнет», «море стонет, шумит», «ночь ложилась на горы», «туман начинал бредить». Цомаев и здесь точен в описании волшебных картин природы: «дымгайы уддзæф», «денджызы уынаргъын», «æхсæв хæхтыл æруагъта йæхи», «мигъ кæмтты рахил-бахил кæны».

Природа в романе несет, на наш взгляд, еще одну функцию: она является фоном для человеческих переживаний, проясняет психологическое состояние героя. Описание пейзажа при первой встрече Печорина с Верой: «Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загоревший факел; кругом его вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно»³⁴⁴. Читаем в переводе Цомаева: «Райдыдта æнтæф кæнын; урс хъуынджын мигъта лыгъдысты митджын хæхтæй, тæрккъæвдайæ зæрдæвæргæ; Машуцы сæр фæздæг калдта, хуыст писи-цырагъы хуызæн; йæ алфæмблай зилдух кодтой æмæ йыл кæлмытау уалæмæ хылдысты донгъуыз æврагъы цъуппытæ, сæ тагъд уадæй урæдчи 'рцыдис æмæ цыма хохæн йæ хæцæг пыхсыл ацауындзæгсты, уыйау чи зындис, уыдон. Уæлдæф дзаг уыдис электрон рухсæй. Æз арф бацыдтæн, гроты 'рдæм цы сæнæфсиры астæуæндаг цыдис, ууыл; уыдтæн æрхæндаг»³⁴⁵. Как ви-

---

³⁴⁴ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 525.

³⁴⁵ Лермонтов М. Ю. Мах растæджы сгуйхт лаг. Пер. на осет. яз. Х. Цо-

дим, перевод почти вплотную следует за оригиналом. Переводчиком сохранен тон повествования.

Но совсем другой пейзаж видим мы перед дуэлью Печорина с Грушницким: «Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление; в ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем»³⁴⁶. Осетиноязычный текст: «Æз нæ хъуыды кæнын уымæй арвхуыцигæхдæр æмæ сыгъдæгдæр райсом! Хур йæ был чысыл сдæрдта хæхты цгæх цзуппытты чгылдымæй æмæ йæ тынты фыццаг хъарм æхсæвы мæлæг уазалимæ кæй иу кодта, уый æфтыдта æнкъарæнтæн се 'ппæтыл дæр цæвæрдæр адджын æхсызгон фæлмæстдзинад; коммæ нæма хæццæ кодта лæппын боны зæрдæрух тын; уый сыгъзæрин фæлыста, дыууæрдыгæй нæ сæрма ауыгъдæй цы айнаг къæдзæхтæ лæууыдис, æрмæст уыдон цзуппытæ, уыдон арф скъуыды цы бæзсыф къудзитæ задис, уыдон-иу дымгæйы гæзæмæ баулафтæй дæр мах фæкодтой æвзист къæвдайы бын»³⁴⁷. Цомаев точно передает противоречивое состояние Печорина, характеризующееся двойственностью образов и красок утреннего пейзажа Кисловодска. А вот как изображает природу Лермонтов после дуэли: «Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели»³⁴⁸ — «Хур мæм зындис тарæй, йæ тынтæ

маева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 106.

³⁴⁶ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 566-567.

³⁴⁷ Лермонтов М. Ю. Мах рæстæджы сгухт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 164.

³⁴⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения

мае на тавтой»³⁴⁹. Краткое, выразительное описание природы и в осетинском тексте подробно раскрывает читателю тяжелое состояние Печорина.

Далее в работе нами будут рассмотрены способы передачи Цомаевым слов-реалий, образных выражений, фигур речи, то есть все те элементы, которые плохо поддаются переводу. Р. К. Миньяр-Белоручев образные выражения, тропы относит к языковым средствам с временными семасиологическими связями (употребление слов, словосочетаний в переносном значении), представляющими собой форму художественного познания действительности. Они, — как пишет переводовед, — условны, индивидуальны и составляют главную особенность художественных текстов³⁵⁰.

Как известно, большого творческого таланта требует перевод слов, обозначающих специфические для носителя определенного языка реалии. К ним относят особую категорию слов, которые называют объектами, характеризующие быт, культуру, социально-исторические объекты одного народа и чуждые другому. Они нередко могут представлять трудность для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими, морфологическими особенностями, а также сочетаемостью. Перевод может утратить некоторые особенности оригинала и порой переводчик вынужден отказать от перевода реалий, так как сталкивается с двумя основными трудностями:

1. Отсутствием в ПЯ (в переводящем языке — Е. Д.) соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта).

нения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 574.

³⁴⁹ Д е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгухт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 173.

³⁵⁰ М и н ъ я р - Б е л о р у ч е в Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. — С. 138.

2. Необходимостью, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску³⁵¹.

Способы перевода реалий сводятся к следующим приемам:

1. Транслитерация (транскрипция) — частичная или полная передача графических форм иноязычной реалии в переводящем языке.

2. Описательный, перифрастический — передача содержания слова (реалии) в другой форме, уже реально существующей в языке. Этот прием используют, если в языке перевода нет соответствующей номинации слову (реалии) или она неизвестна переводчику.

3. Уподобляющий — замена более близким по функциям к иноязычной реалии, чревата полной потерей национальной специфичности слова.

4. Гипонимический — перевод обобщенно-приближающий, при котором слова исходного текста, обозначающие видовое понятие, передаются словом, называющим в переводном тексте родовое понятие.

Ввиду этого, прежде чем приступить к переводу национально-специфических реалий, переводчик должен понять смысл незнакомой ему реалии, место, занимаемое ею в контексте, смысловую нагрузку, которую она несет. Также ему необходимы «фоновые знания», «фоновая информация» о той действительности, которая стоит за словами иной культуры. При этом он должен избегать искусственных конструкций, тяжеловесных и непривычных для языка перевода. В этом случае теоретики перевода предлагают использовать описательный перевод. Если в языке перевода не существует соответствующего понятия социального,

---

³⁵¹ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — С. 89.

географического или национального характера, то переводчик вынужден описывать обозначаемый ими смысл. Но, как пишет Р.К. Миньяр-Белоручев: «Этот прием имеет и недостатки, главный из которых заключается в том, что некоторые описания получаются громоздкими и выглядят инородным телом в тексте перевода»³⁵².

В романе Лермонтова «Герой нашего времени» мы находим немало слов-реалий, выражений, обозначающих так называемые реалии: «абреки», «секундант», «урядник», «десятник», «гяуры», «ром», «балалайка», «Каратегез», «брыжи», «аул», «пери», «пари», «лакей», «извозчик», «бурка», «черво-нец», «ставни», «водка». В состав слов-реалий попали чужие для языка автора «иноязычные вкрапления», которые переводчик, в свою очередь, переносит так же, в иноязычном написании, послушно исполняя поставленные автором стилистические задачи. Цомаев не переводит данные слова, употребленные автором для определенного колорита, для выделения оттенка специфичности.

В других же случаях Цомаев, хорошо зная значение этих слов, нередко дает им объяснение, комментирующее пояснение (если его нет даже в оригинале) и соответствующий контекст для ясного понимания смысла, представления о предмете: «духан» — «хæрæндон», «буза» — «махсымæ», «кольчуга» — «згъæр хæдон», «бешимет» — «куырæт», «якиши тхе, чок якиши» — «хорз бæх, тынг хорз бæх», «гурда» — «кæрдтæн сæ тæккæ хуыздæр мыггаг», «йок» — «нæ (тæтæйрæгау)», «кунак» — «хæлар», «чадра» — «æмбæрзæн», «лезгинка» — «тымбыл кафт», «джигит» — «къæнт барæг», «франт» — «хъал», «яман» — «фыд баййафдзæн дæ сæр», «веер» — «дымгæгæнæг», «бал» — «кафтизæр», «флер» — «тæнæг дари хъуымац», «лорнет» — «хæцæнджын кæсæнциæст», «пикник» — «цæл», «бо-

---

³⁵² Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. — С. 95.

стон» — «къамæй хъазт», «шитос» — «сонт хъазт къамæй», «чихир» — «ног дыгъд сæн», «дама» — «æхсин», «архалук» — «куырает». Эти примеры еще раз доказывают, что выбранный Цомаевым способ перевода слов-реалий полностью передает национально-специфические особенности, характеризующие ими. Переводчик прибегает к этому способу выразить реалию, чтобы подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, носителем которой является определенный народ. Цомаев переводил, исходя из контекста, так как «именно контекст — более узкий (т.е. одно определенное предложение, в котором найдут свое место слова, отражающие те или иные слова оригинала), и контекст более широкий (т.е. ближайшее соседние предложения, целый абзац, глава и т.д.) — играет решающую роль при передаче значения иноязычных слов, т.е. при выборе нужных слов родного языка, из которых сложится фраза»³⁵³.

Есть в тексте реалии, требующие от переводчика пояснений. Но, к сожалению, переводчик не поясняет значение этих слов. В первой половине XX века осетинскому читателю (имеется в виду широкий круг рядовых читателей) мало о чем говорили слова: «денди», «сена», «бастион», «вальс», «мазурка», «кадриль», «гренадер», «ресторация», «дуэль», «эндимионы», «тройка (упряжка лошадей)».

Для изображения фона действия романа важную роль играют вещественные детали материального и общественного быта, верное представление о них. Чем лучше переводчик будет разбираться в словах, явлениях, выражающих реалии (как убедились на примерах), тем легче он избегает неточностей и неверного толкования.

В романе употреблены выражения и обороты из военно-профессиональной терминологии: «*третий линейный*

---

³⁵³ Федоров А. В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). Изд. 2-ое, перераб. М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958. — С. 139.

батальон» — «артыккаг фистæг батальон», «фланг», «армейские эполеты» — «æфсæддон пълеттæ», «мундир», «действующий отряд» — «хæцæг бал», «фалды мундира» — «мундиры фаринтæ», «поединок» — «лæггæй-лæггæ хæст», «канвой», «есаул», «майор».

Имеются в тексте случаи неверного пояснения значения слов, а отсюда описания получаются громоздкими, местами лишёнными определенной естественности: «лачужка», — «кæркдоны хуызæн æвзæр, чысыл къуым», «Соловей-Разбойник» — «Булæмаргъ-Абыраг». При соединении этих слов в предложении утеряна, на наш взгляд, выразительность сочетаний, изящество фразы, художественность.

Вследствие, видимо, недостаточно верного понимания Цомаевым следующих слов, их значения на родном языке оказались неправильно истолкованы: «мирной» — «сабыртæй нæ уыд», «комплимент» — «цурон («льстивый») ныхас», «чутье» — «смаг», «каламбур» — «æвзæр дзырд», «очерстветь» — «ныхъхъæбатыр уæвын», «злая ирония» — «хынджылаг скъæрын», «скромный» — «мæгуырау («бедный»)», «пышные фразы» — «хæмпус ныхæстæ», «драматическая поза» — «драмон лæуд», «остряк» — «æмбисæндтæм хъусаг». В осетинском звучании эти слова лишены нужного значения.

При переводе художественного произведения, а прозы особенно, возникает одна общая трудность — передача на другой язык образных средств языка, фигуральных выражений: пословиц, поговорок, фразеологизмов, сравнений, метафор, олицетворений, эпитетов, афоризмов. Несомненно, каждый язык имеет свои особенности: обороты, устойчивые риторические фигуры, выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. И здесь должен проявиться талант переводчика, талант находить в своем родном языке эквиваленты таким

образом, чтобы перевод представлял собой полноценный художественный факт родной переводчику литературы. «Именно здесь с особенной силой и отчетливостью является его творческая природа. Он не буквально заменяет слова одного языка семантическим эквивалентом другого, а перевыражает текст, все элементы, стороны и пласты оригинального произведения средствами другого языка»³⁵⁴.

Едва ли не первое место среди труднопереводимых единиц занимают фразеологизмы. И в этом случае «...переводчик должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять фразеологические единицы, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в переводе»³⁵⁵.

Фразеологический эквивалент независимо от контекста должен обладать той же экспрессивно-стилистической и коннотативной окрашенностью, что и в переводимом тексте. Здесь, как и в других случаях, в переводе важно сохранить общую направленность художественного произведения и, если родной для переводчика язык не содержит эквивалента соответствующему явлению, обыгранному в оригинале, он вправе выбирать другое слово, на основе которого можно показать характерную особенность.

Переводчик романа «Герой нашего времени» Цомаев хорошо знал фразеологию родного языка и проявлял истинное мастерство в подборе соответствий переводимым единицам, опираясь не только на словарный запас, но и широко привлекая средства родного языка: «*не сносить головы*» — «*сар бира да уаля на фæхæсдзынаæ*», «*поймать за руку*» — «*къух ацахсын*», «*между ними черная кошка проскочила*»

---

³⁵⁴ Д и л о в а А. Введение в общую теорию перевода; под общ. ред. П. М. Топера. М.: Высшая школа, 1985. — С. 26.

³⁵⁵ Р е ц е р Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М., 1974. — С. 145.

— «сыгъдæгæй дæр сæ мыды къæм бахаудис», «пустили лошадей во весь дух» — «бæхты сæ тых сæ бонæй ауагътам», «скрылся бог знает куда» — «цы 'рбацис Хуыцау йæ зоны», «не видать тебе ее как своего затылка» — «кад дæ къæбут фендзынæ, уæд уый дæр дæ къухы бафтдзæнис», «животинки надорвешь со смеха» — «адæмы артæн хæлттæ кодта фырхудæгæй».

Не находя в переводящем языке полного соответствия, Цомаев вынужден прибегать к словотворчеству, заменяя то или иное слово в тексте родным для языка фразеологизмом (индивидуальным эквивалентом), подходящим для данного контекста. Такой подход, по мнению Крупнова³⁵⁶, позволяет переводчику добиваться максимальной выразительности и сохранять в то же время образность оригинала: «пропал» — «зæххы скъуыды ныххайд», «мгновенно» — «цæсты ныкъуылдмæ», «бредил» — «йæ сæр арт уагъта», «опустить глаза» — «цæстытæ зæххмæ ныццавын», «презирать» — «сæрма нæ хæссын», «ожидать» — «нæ цæстытæ ныуурс сты».

Прежде чем приступить к переводу того или иного фразеологизма, переводчик должен понять, какая мысль передается с помощью данного устойчивого оборота. Затем подбирается соответствующее аналогичное фразеологическое выражение в переводящем языке, либо передается только семантическое ядро.

В осетинском тексте имеет место неумелое использование Цомаевым фразеологизмов. Например, «велю наделать патронов» (употребляется в значении: уничтожить). Переводчик, желая точно воспроизвести оригинал, механически заменяет слова текста словами родного языка: «гилдзытæ сæ фæкæнын кæндзынæн», «умыть руки («отстраниться», «снять с себя ответственность за что-либо»)» — «сæ къухтæ

---

³⁵⁶ Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика: очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения, 1976. — С. 67.

цаххсыни». Вследствие этого, утрачен стилистический эффект, обыгранный в подлиннике.

Нигде не проявляется так ярко интернациональное значение мысли и национальный характер формы ее выражения, как в речевых образах, особенно в пословицах, поговорках, афоризмах. В основе любой пословицы и поговорки лежит конкретная историческая действительность, благодаря которой пословица и поговорка хранит национальный колорит. Для перевода этих образных средств языка в переводе существуют следующие приемы:

1. Пересказать мораль, философское содержание «своими словами».
2. Переводить как устойчивый словесный комплекс, по правилам фразеологического.
3. Художественный перевод.
4. Использовать в переводе действительно существующие поговорки, пословицы в ПЯ.

При переводе пословиц, поговорок, афоризмов следует учитывать такие черты аналога: лаконичность, частотность, эмоциональность, стилистическая принадлежность и совместимость с контекстом³⁵⁷.

В романе встречается ряд поговорок, пословиц. Для их перевода Х. Цомаев прибегает к экспрессивно-стилистической адаптации, то есть изменяет образ, лежащий в основе одного из компонентов. Переводоведами приемлем и такой способ перевода: «Для точной передачи мысли переводчик должен оторваться от буквы подлинника, от словарных и фразовых соответствий, исходя из целого: из содержания, идейной направленности и стиля подлинника»³⁵⁸. Ввиду отсутствия подходящих аналогов или эквивалентов пословиц и поговорок в переводящем языке переводчик Х. Цомаев

---

³⁵⁷ Вопросы теории и методики учебного перевода: сб. статей под ред. К. А. Ганшиной и И. В. Карпова. М., 1950. — С. 254-255.

³⁵⁸ Там же. — С. 158.

передает их значения, исходя из контекста произведения: *«Дело сделано, не надо только охотой портить»* — *«Хъуыддаг конд кæм фæцис, уым æй барæй халын нæ хъæуы»*, *«Плохое дело в чужом пиру похмелье»* — *«Æвзæр хъуыддаг у искæй фыдбылызæй басудзын»*.

При переводе указанных единиц Цомаев прибегает к видоизменению вещественного смысла отдельных слов подлинника, не утрачивая впечатления, которыми обладают существующие речения в исходном языке.

Как показывает практика перевода, некоторые сложности в истолковании пословиц значительно затрудняют работу переводчика, но не делают ее невозможной. Цомаев выбирает из словаря родного языка именно ту пословицу и поговорку для передачи мысли оригинала, которая, по его мнению, наиболее удачно вписывается в контекст: *«Осторожность никогда не помешает»* — *«Фидары мад нæ кæуы»*, *«Сложил буйную голову»* — *«Чи цы агурæ, уый ссары»*.

Когда же нужно передать сложное душевное состояние Печорина, Лермонтов прибегает к афористичности. Выбор приема для перевода тот же, что и для перевода фразеологизмов:

- *«Нет проку в том, кто старых друзей забывает»* — *«Йæ зæронд лымагнты рох чи кæны, уыма хорздзинадмæ æнхъæлмæ ма кæс»*.

- *«Из двух друзей всегда один раб другого»* — *«Дыууæ хæларæй кæддæриддæр иу ваййы иннаейы цагъар»* — звучит, как мудрейший афоризм, как неоспоримая истина.

- *«Женщины любят только тех, которых не знают»* — *«Сылгоймагтæ уарзынц, кæй нæ зоньны, æрмаест уыдоны»*.

- *«Зло порождает зло»* — *«Хæрамдзинадæй æвзæры хæрамдзинад»*.

- *«Женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами»* — *«Сылгойма-*

джы тынг зын у истæуыл баууæндын кæнын; уымæн афтаæ кæнын хъæуы, æмæ йæхæдæг йæхи куыд баууæндын кæна».

Самой яркой отличительной чертой именно художественного текста является активное использование эпитетов, олицетворений, метафор, сравнений. Ценность их в тексте заключается в том, что они помогают раскрыть в объекте, кроме основного признака, ряд дополнительных признаков, и это обогащает художественное впечатление. Кроме того, «...образность языковых средств несет в себе информацию не только об изображаемых предметах или событиях, но и заключает в себе сведения о личности субъекта речи — автора или персонажа — о строе его мыслей и чувств, об отношении к окружающему миру, о принадлежности к определенной нации, культурной, профессиональной или территориальной среде»³⁵⁹.

Используемые в романе Лермонтова образные средства выражения, придают языку и стилю писателя неповторимую окраску. Поражает обилие в тексте повышено-эмоциональных, субъективно-выразительных, оценочных эпитетов. Лермонтов использует их преимущественно при описании переживаний героев, окружающей среды, для создания картин природы.

При переводе для Цомаева главным было максимальное сохранение большего числа тропов и образных словесных выражений. Сохранение эпитетов в тексте, по мнению теоретиков перевода Л. Л. Нелюбина и Г. Т. Хухуни, является весьма важным, так как в них заключается главным образом своеобразность писателя³⁶⁰. Так, только у Лермонтова встретим «холодный кипяток нарзана» — «нарзаны уазал

---

³⁵⁹ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — С. 55.

³⁶⁰ Н е л ю б и н Л. Л., Х у х у н и Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. — С. 298-299.

фыцгæ дон», «водяная молодежь» — «дондзау фæсивæд» — переводчик переносит эти эпитеты и в осетинский текст.

Цомаев, используя богатые образы родного языка, умело подбирает нужные слова, близкие стилю Лермонтова: «вольшебные картины» — «нартон рæсугъд нывтæ», «бархатные глаза» — «хъæдабæ цæстытæ», «пышные фразы» — «хæмпус ныхæстæ», «тусклая бледность» — «тарфæлурс», «желтые обрывы» — «бур къардиутæ», «золотая бахрома снегов» — «миты зæрин хаутæ», «черное глубокое ущелье» — «сау-сауид дардта арф ком», «голые, черные камни» — «гæмæх сау дуртæ», «гладкий, прямой хребет» — «лæгъз, æмраст рагъ», «смертельная бледность» — «мæрдон фæлурс», «холодный вид» — «уазал хуыз», «росистый вечер» — «æртæхджын изæр», «пламенный взгляд» — «судзгæ цæстæнгас», «умирающая прохлада» — «мæлæт уазал».

При переводе эпитетов Харлампий Цомаев нигде не прибегает к невыразительным, тусклым копиям, а мастерски воссоздает на осетинском языке поэтику оригинала, его дух и своеобразие. Подбирает соответствующие образные выражения как по форме, так одновременно по содержанию. Для большей убедительности приведем примеры метафор и олицетворений: «хороводы звезд» — «стъалыты чыртæ», «сплетались чудными узорами» — «диссаджы рæсугъд нывгондæй кæрæдзиуыл тыхстысты», «дыхание ветра» — «дымгæйы улæфт», «базар кипел народом» — «базар кодта адæмæй æмызмæлд», «пот градом катился с лица его» — «хид ихау гæр-гæр кодта цæсгомæй», «серебряной бахромой сверкали снеговые горы» — «æвсист хæрдгæ хаутау, тæмæнтæ калдтой митсæр хæхтæ», «дорога шла в гору» — «фæндаг уæлæмæ цыдис», «туман скользил» — «мигъ бырыд», «снега горели румяным блеском» — «миттæ сыгъдысты сырхбын æрттивдæй», «ветер ревел, свистал» — «дымгæ абухта, къуыззит кодта», «тучи спустились»

— «мигътае даеламае сахи аруагътой», «метель гудела»
— «тымыгъ гуыв-гуыв кодта», «бежала мелкая речка» —
«згъордта таенаг цаугадон».

Передача сравнений требовала от переводчика точности. В идеале сравнения так же и переводятся: образ — тем же образом, в том числе и калькой:

- «Вороной скакун твой со своей стройной поступью, с своим гладким, прямым, **как стрела, хребтом**» — «Дæ дугъ-он, дæ сау уари, йæ аив къæхты айст, йæ лæггъз, **фатау æмраст рагъ**».

- «Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, **словно серна**» — «Печорин райдыдта Казбичы бæхæй æппæлын: ахæм цардæг, ахæм раесугъд — **сагуытæй цы кæныс**».

- «Зарыдал, **как ребенок**» — «Сывæллонау ныббогъ-богъ кодта».

- «Лежал себе ничком, **как мертвый**» — «Хуыссыд **марды хуызæнæй, зæххыл дæлгоммае**».

- «Целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась **гнездом ласточки**» — «Бынаей цы æнахъæн ирон хъæу цардис, уый зындис æгасæй **зæрватыччы ахстоны йас**».

- «Туманы, клубясь и извиваясь, **как змеи**, сползали туда по морщинам соседних скал» — «Мигътае, къуыбылæйттае аема хæлбурицъытаæгæнгæ, **кæлмыты хуызæн**, æввахс къæдзæхты æнхъырдыл бырыдысты бынмае».

Пожалуй, нет такого писателя, который не обращался бы в своих сравнениях к миру природы. Лермонтов не исключение: «дрожала **как лист**» — «**сыфтæрау рызтис**», «облака громоздились на горах, **как новый ряд воздушных гор**» — «æврæгътае цæндтæй лæууыдысты хæхты уæлæ, **уæлдæфон хæхты ног раенхъы хуызæн**», «она **как цветок**» — «уый у **дидинаджы уавæран**». И опять в переводе мы видим точное соответствие единиц оригинала. Приведем

другой пример: «Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и **заснул сном Наполеона после Ватерлоо**»³⁶¹. Автор данным сравнением дает представление о глубоком сне героя, измученного потрясениями двух бессонных дней и ночей. «Здесь отражено напряжение всех сил героя, физических и духовных, крушение его последних надежд, вместе с тем звучит и горькая ирония героя, а в еще большей мере — автора над душевными бурями и тревогами, претендующим на масштабность самых крупных исторических свершений. Вместе с тем в этом сравнении слышен отзвук чрезвычайно важной для автора мысли о подспудной и неоднозначной взаимосвязанности и взаимозависимости «истории народа» и «истории души», о том, что «история души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа», если она «следствие наблюдений ума зрелого...», — подчеркивает многозначность сравнения Б. Г. Удодов³⁶².

Приведем осетинский перевод этого отрывка: «Æз Кисловодскмæ бахаæциæ даен райсомæй фондз сахатыл, хуыссæны махи баппæрстон æмæ бафынæй даен, **Наполеон Ватерлоойы фæстæ куыд бафынæй ис, афтæ**»³⁶³. Цомаев упомянутое сравнение переводит буквально, понимая какое двухголосое значение несет в себе это образное выражение в тексте.

Наряду с положительными моментами, есть и недочеты в приводимых переводчиком сравнениях. Формальный смысл сравниваемого образа в осетинском тексте совпадает, а эстетическое звучание его непоправимо меняется. Об этом пишет Н. Дзатцеева в своей статье: «Сравнение «стоит, как

---

³⁶¹ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 577.

³⁶² У д о д о в Б. Г. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. — С. 175.

³⁶³ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах растæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 178.

тополь» рождает у русского читателя определенные ассоциации — стройный, высокий. У читателя осетина «лæууы гæдыбæласау» не вызывает этих представлений. Думается, что переводчику лучше было бы отступить от дословного варианта перевода, заменить или опустить этот образ.

«Что за глаза! Они так и сверкали, будто два угля» — «Цы диссаджы цæстытæ йын уыдис цы! Дыууæ сау æвзалытау тæмæнтæ калдтой». Слово «æвзалы» в представлении осетина — это древесный уголь, скорее тусклый, нежели сверкающий. Здесь, наверное, следовало заменить образ если не точным, то приблизительным соответствием, уточняемым контекстом...

Вызывает недоумение и вольное привнесение в перевод образных сравнений, которых нет в подлиннике: «Лошади измучились» — «Бæхтæ гæдыйы лæпшынтау систы» («Лошади измучились как котята»)³⁶⁴.

Приведем свой пример:

«Он сделался бледен **как полотно**» — «Печорин ныффæлурс ис **кæттаджы хуызæн**». «Кætтаг» ассоциируется у осетиноязычного реципиента с грубым холстом, брезентом никак не белых оттенков. Перевод «**кæттаджы хуызæн**» к словосочетанию «**бледен как полотно**», как кажется, не уместен. Формальный смысл сравниваемого образа совпадает, но далек от адекватности по эстетическому звучанию и воздействию. В этом случае А. Церетели считает, что переводчик «прекрасно должен знать язык, с которого он переводит, чтобы не упустить никакой мелочи, конечно, он должен искусно владеть родным языком, на который переводит, и, кроме того, он должен обладать талантом, равным таланту творца оригинала, чтобы уподобиться ему»³⁶⁵.

---

³⁶⁴ Д з а т ц е е в а Н. А. Время возвращает имена: Харлампий Цомаев — прсветитель, деятель культуры // Вопросы осетинской литературы и фольклора: сб. статей. Владикавказ, 1993. — С. 188.

³⁶⁵ Ц е р е т е л и А. Сочинения. Тбилиси, 1957. Т. 5. — С. 133 (на груз. яз.) //

Но, несмотря на определенные недостатки, связанные в основном с желанием точно воспроизвести оригинал, перевод сохраняет стилистическое своеобразие подлинника, не искажает содержание.

Трудность в переводе также могут вызвать так называемые отклонения от литературной нормы, слова, относящиеся к лексике сниженной, разговорной, просторечной. Как правило, они характеризуются яркой экспрессией, стилистической сниженностью. Перечисленные отклонения используются авторами в тексте для речевой характеристики персонажей или как отдельные вкрапления — для колорита.

Просторечная и разговорная лексика в романе Лермонтова «Герой нашего времени» представлена преимущественно в речи Максим Максимыча, которая характеризует его социальное положение. Она отличается простотой, народной выразительностью. Имеется место в тексте и вульгаризмам, жаргону. Приведем отрывок, где речь штабс-капитана последовательно выдержана в рамках соответствующей ему лексики: «**Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают, запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки все ни с места. Ужасные плуты! А что с них возьмешь? Любят деньги драсть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!**»³⁶⁶.

Осетинский перевод этого места выглядит так:

«...Æнæгъдау фæлывд сты ацы азиæгтæ! Ды хæрзаг æггъыс, æмæ адон галтæн сæ хъæрай исты æххуыс кæныны?»

Цит. по кн.: Г а ч е ч л а д з е Г. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. — С. 79.

³⁶⁶ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 457-458.

Æниу цы хъæр кæныни, уымæн чи цы зоны? Фæлæ сæ галтæ хорз æмбарыни; ссæдз дæр дзы сифтындз, уæддæр сыл куы сайт-айт кæной сæхирдыгонау, уæд сыл фæнды топп ныццав, — разма дын иу къахдзæф дæр нал акæндзысты... Хинæй семдзаг сты! Æниу сæ агургæ дæр цы бачындауа!.. Сæ уд сæ дзæци — цæуджыты стигъын... Къулбадæг ахуыр сæ скодтой, фæлитойты! Фендзыстут, ноджы ма уæ арахъхъæн æхица куыд айсдзысты, уый. Æз сын сæ ахаст хорз зонын, мæн нæ асайдзысты!»³⁶⁷.

При сравнении отрывков, видно, что в переводе речь Максим Максимыча приобрела более «литературный» вид. Но в то же время переводчиком переданы все особенности лексико-стилистического строя подлинника, весь смысл отрывка.

Паремии, встречающиеся в речи Максим Максимыча, свидетельствуют о близости его к народу. «Сказ Максима Максимыча носит отпечаток его знакомства с языком и бытом окружающей этнографической среды... Максим Максимыч открывает глубину индивидуальной человеческой психологии, благодаря конкретной изобразительности, нередко тончайшему, но простодушному описанию внешних явлений»³⁶⁸.

Переводчик романа «Герой нашего времени» Цомаев при переводе просторечной, разговорной лексики умело находит в качестве возможных аналогов элементы сниженного стиля. Приведем несколько примеров:

• *«У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрыч... я их таскаю с собою...»³⁶⁹ — «Мæнмæ баззадзысты*

³⁶⁷ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах растæджы сгуйхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 7.

³⁶⁸ В и н о г р а д о в В. В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. М.: Наука, 1941. Т. 43-44. — С. 571.

³⁶⁹ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 496.

дæ гæххæттытæ, Григорий Александрович... æз сæ ралас-балас кæнын мемæ...»³⁷⁰.

• «...Ну, какой **бес несет** его теперь в Персию?...»³⁷¹ — «...Цы **хæйрæг æй хæссы** ныр Персмæ?...»³⁷².

• «Наконец из сеней **выполз** мальчик лет четырнадцати»³⁷³ — «Æппын æрæджиау мæм тыргъæй **ралæст**, цыппæрдæс азы йыл цыдаид, уу ахæм лæппу»³⁷⁴.

• «Ну-ка, **слепой чертенок**, — сказал я, взяв его за ухо, — говори, куда ты ночью **таскался**, с узлом, а?»³⁷⁵ — «Цæй-ма, **куырм хæйрæг**, — загътон æз йæ хъусыл ын ныххæцъдтæн, афтæмæй, — дзур, æхсæвыгон уыцы **бастимæ кæдæм лекка кодтай, и?**»³⁷⁶.

Ввиду того, что в языках, вовлеченных в процесс перевода, существуют функционально одинаковые, или приблизительно одинаковые элементы сниженного стиля, переводчик использовал в качестве эквивалентов слова того же лексического пласта, что и в подлиннике.

Особым явлением следует считать «олитературирование» (превращение нелитературных языковых средств в лите-

---

³⁷⁰ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф.61.

³⁷¹ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 496.

³⁷² Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф.62.

³⁷³ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 500.

³⁷⁴ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф.68.

³⁷⁵ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 503.

³⁷⁶ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 73.

ратурные) при помощи стилистических приемов в художественной литературе. Так, в романе встречается ряд просторечной и разговорной лексики, не внесенной в перевод:

• «Лакей сделал **презрительную мину**»³⁷⁷ — «Фæсдæуин фæкодта йæ цæсгом æнæрвæссон æлхынцъ»³⁷⁸.

• «Говорили про него, что он любит **таскаться** за Кубань с абреками, правду сказать, **рожа** у него была самая разбойничья»³⁷⁹ — «Дзырдтой дзы, абырджытимæ балцы цæуаг у, Кубаны доны фалемæ, зæгъгæ, æмæ уымæн йæ уындæй дæр, раст зæгъгæйæ, бæрæг уыдис абырджытæн сæ тæккæ налæттæй кæй у, уый»³⁸⁰.

И наоборот:

• «Æмæ куыд нæ: мæнæй афтæ ма хъуыддаг æввидæй, æнæ фыдбылызæй нæ ахицæн уыдзæн, ныр æвиппайды æнæнхъæлгæ **хæлуудыхæй аззай**, — уый бæгуы нæй!»³⁸¹ — «В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!»³⁸².

• «— О, о, афтæ у, уæдæ цы, — зæгъгæ, бахъуыр-хъуыр кодта уый йæхинымæр. — Хорз фæндагамонджытæ сты, цæргæ кæнæнт! **Смагæй** зоньны, **астæринаг** кæм ис, уый, хæрзаг зæгъгæны, æнæ уыдон фæндаг ссарæн нæй»³⁸³. Текст

---

³⁷⁷ Ле р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Ле р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 491.

³⁷⁸ Ле р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 55.

³⁷⁹ Ле р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Ле р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 463.

³⁸⁰ Ле р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 15.

³⁸¹ Уый дæр уым. — Ф. 29-30.

³⁸² Ле р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Ле р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 473-474.

³⁸³ Ле р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 36.

оригинала таков: «– Все так, все так, — пробормотал он, — уж эти мне проводники! Чутьем слышат, где можно попользоваться, будто без них нельзя найти дороги»³⁸⁴.

• «Буза куы **ныххырхыци**»³⁸⁵ — «Как напьются бузы»³⁸⁶.

К непереводаемым единицам в теории перевода относят диалектизмы. Вот что думают по этому поводу специалисты, изучающие переводческую проблематику: «Действительно непереводаемыми являются лишь те отдельные элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей нормы языка, ощутимые по отношению именно к этому языку, т.е. в основном диалектизмы и те слова социальных жаргонов, которые имеют ярко выраженную местную окраску»³⁸⁷.

Согласно давно принятому положению в художественном переводе, диалектизм нельзя переводить диалектизмом, так как перевод утрачивает особенности оригинала. Перевод диалектизма может вызвать совсем другие, чем в оригинале ассоциации и представления: «Попытка использования территориально-диалектных особенностей языка перевода в качестве эквивалентов диалектизмов языка подлинника обычно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия и его обстановкой, с принадлежностью героев к определенной национальности»³⁸⁸. Реже диалектизмы

---

³⁸⁴ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 478.

³⁸⁵ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгухт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 11.

³⁸⁶ Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 461.

³⁸⁷ Ф е д о р о в А. В. Основы общей теории перевода: учебник для вузов. Изд. 5-е, перер. и дополн. М.: Изд. Дом «Филология три», СПб: Филологич. ф-т СПбГУ, 2002. — С. 123.

³⁸⁸ Д ы р у л А. М. Перевод и вопрос сохранения специфики подлинника

переводят просторечием или не переводят, а объясняют в сносках.

Так, встречающиеся в романе «Герой нашего времени» диалектизмы Цомаев либо не переводит, либо объясняет значение слов на осетинском языке в сносках. Например: «буза» («легкий хмельной напиток из проса, гречихи, ячменя») — «буза» («махсымæ»), «духан» («на Кавказе, на Ближнем Востоке: небольшой трактир или лавочка») — «духан» («хæрæндон»), «чихирь» («красное неперебродившее кавказское вино») — «чихир» («ногдыгъд сæн»), «флер» («прозрачная, преимущественно шелковая ткань») — «флер» («тæнаг дари хъуымац»).

В тексте встречаются места, где автор оговаривает диалектную речь своего героя Казбича: «Урус яман, яман!», кабардинцев: «Якши тхе, чек Якши!». Цомаев переводит слова Казбича так: «Уырыссаг æвзæр у, æвзæр!». Слова же кабардинцев, также как и Лермонтов, поясняет на родном языке в сноске: «Хорз бæх, тынг хорз бæх».

Таким образом, любое намеренное отклонение от литературной нормы по мере возможности должно найти свое отражение в переводе. Успех в достижении желаемого результата во многом зависит от чувства меры, вкуса и опытности переводчика.

Следует оговорить также перевод Цомаевым топонимов и антропонимов. Имена собственные Харлампием Цомаевым передаются на фонетическом уровне, транскрибируются: *Печорин, Белæ, Максим Максимыч, Верæ, Мери, Къайсауыртты астым, Арагви, Стъарапол, Терк, Дагъистан, Къоб, Тамань, Машук-хох*. Порой переводчик отказывается от максимальной точности при передаче собственных имен

художественного произведения // Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения: сб. науч. статей; АН МССР, ин-т яз. и лит.-ры; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Г. В. Степанов. Кишинев: Штиинца, 1977. — С. 117.

оригинала и перевыражает их на родном языке как обычное слово: «Крестовая гора» — «Дзуары хох», «Змеиная гора» — «Калмы-хох», «Железная гора» — «Æфсæн-хох», «Лысая гора» — «Гæмæх-хох», скала «Кольцо» — къæдзæх «Цæг», «Чертовая долина» — «Арæны астым».

Х. Цомаев прибегает к переводу и в этих случаях: «Тифлис» — «Калак», «Линия» — «Хæстон хахх», «Гуд-гора» — «Хъуды-хох», «Кабарда» — «Кæсæг», гора «Казбек» — «Сæнайы-хох». В переводе Цомаева данные топонимы вполне узнаваемы осетинским читателем.

Когда название и в переводе незнакомо читателю, Цомаев поясняет его в сноске: «Пятиглавый Бешту» — «Фондзæрон Бештау (Бештау — тæтæйрæгау «Фондз хохы», Пятигорск æмæ Железноводскы цур)».

В романе встречается антропоним «Соловей-Разбойник». Имя-символ, понятное только русскому читателю, как средство художественного изображения употребляется в тексте в качестве сравнения. Имя популярного сказочного героя в переводе Цомаева звучит как «Булаæмаргъ-Абырæг». Буквальный, неудачный перевод антропонима привел, на наш взгляд, к громоздкому построению фразы, а отсюда — к непониманию, искажению образа. Тут вполне можно согласиться со следующими словами: «Говоря об иноязычных антропонимах, мы считаем, что большей частью мы и не должны их делать своими, — мы их только заимствуем, в принципе не включая в собственный лексический фонд»³⁸⁹.

Общеизвестно, что адекватная передача всех аспектов исходного текста не всегда возможна. Любое произведение литературы может быть переведено на другой язык лишь до определенной степени. В зависимости от существующих различий в национальных языках, стилистических tradi-

---

³⁸⁹ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — С. 270.

циях, при переводе оказывается потерянной какая-то часть использованных в нем языковых, художественных средств, плохо поддающихся переводу³⁹⁰. Так как: «цель перевода состоит не в подгонке текста под чье-то восприятие, а в сохранении содержания, функций, стиливых, стилистических и художественных ценностей оригинала»³⁹¹, то переводчику в процессе работы приходится выбирать: чем из переводимого текста он может пожертвовать, а что не имеет право терять. Сама же необходимость жертвовать тем или иным элементом, связана с языковыми условиями: отсутствием слова, фразеологического оборота адекватного оригиналу, расхождение в смысловых отношениях подлинника и перевода.

Потери и опущения в переводе Цомаева связаны, прежде всего, с желанием сохранить художественную целостность текста. Речь идет о названии долины «Чертовой»: *«Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, — не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт»...»*³⁹². В осетинском переводе этого места нет в силу того, что переводчик перевел название долины — «Арæн» («граница», «рубеж»), пояснение же долины как «Чертовой» было бы неуместно, да и неправильно. В тексте: *«О, гъемаæ æрцаейцыдыстæм Хъуды хохаей Арæны астыммæ. Уый тыххæй æмæ уыцы ран раджы кæддæр уыдис Гуырдызстыны арæн»*³⁹³.

---

³⁹⁰ Д ж у с о й т ы Н. Г. Исправительный перевод? // Дружба народов. 1979. №6. — С. 266.

³⁹¹ В и н о г р а д о в В. С. Проблема эквивалентности в связи с типом переводного текста // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2: Проблемы перевода. М., 1998. — С. 230.

³⁹² Л е р м о н т о в М. Ю. Герой нашего времени // Л е р м о н т о в М. Ю. Сочинения в двух томах/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 477.

³⁹³ Л е р м о н т о в М. Ю. Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — Ф. 34.

В тексте оригинала встречаются слова и словосочетания, при переводе которых создается комический эффект. Чтобы избежать этого комического восприятия, Цомаев отказывается от перевода. Также опущения и потери мы наблюдаем и в том случае, когда слову или словосочетанию оригинала нет эквивалента в родном языке.

Добавления в текст вносятся Цомаевым с целью пояснения, для более точной передачи содержания: «*Бывало, по целым часам слова не добьешься*» — «*афтæ-иу уыд, æмæ дзы сахатгай иунаг дзырд сарт æмæ мысалгъæй дæр не скъахтаис*», «*за мной неслись четыре казака*» — «*мæ фæстæ фатау ныййарц ис цыппар хъазахъхъаджы*», «*эпифи — цыртыл фыст*», «*из крепости прискакал казак*» — «*фидарæй æртахтис тæргæ бæхæй хъазахъхъаг*», «*как же прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти!*» — «*диссаг у, цы федтон, цы аивгъуыдта, уыдон иууылдæр, джины уагъдау, куыд æргом, куыд бæрæгæй бадың ма сæры!*». Пояснение французских выражений (Лермонтов не объясняет значение этих слов): «*fièvre lente*» — «*адæймаджы тынгчи сихсийын кæны, ахæм тæфсæг*», «*vis-à-vis*» — «*кæрæдзи комкоммæ*».

Приведенные примеры служат иллюстрациями случаев необходимого расширения в переводе несущей информации. При этом максимально сохранено стилистическое своеобразие подлинника, не искажен смысл оригинала.

Значение романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», как первого реалистического и психологического произведения в русской литературе, огромно. Роман переведен на основные языки мира. «Связи творчества Лермонтова с литературами народов СССР многочисленны и многообразны, они по-разному претворялись и осуществлялись в отдельных литературах, возникали в разное время — в зависимости от истории развития той или иной литературы.

Основными проблемами, однако, были и остаются переводы произведений русского поэта на языки народов СССР и соответственно влияние его творчества, а также изучение, оценка, как самих этих переводов, так и исторической роли Лермонтова-художника в данной литературе»³⁹⁴. Благодаря художественному переводу Х. Цомаева и осетиноязычному читателю стал доступен красочный, поэтический мир лермонтовской прозы.

Перевод художественной прозы, а особенно классики мировой литературы, требует большого творческого таланта и умения, так как переводчику предстоит воссоздать на своем родном языке оригинал, выдержавший испытание временем. Правильны слова Ч. Айтматова: «Переводить классику — что может быть увлекательнее и труднее?.. А вот что действительно серьезно, без чего вообще, уверен, нельзя переводить классику, так это без понимания языка Пушкина, Лермонтова, Островского, Чехова как особой, неповторимой философско-эстетической системы, без понимания мировоззрения каждого из этих художников, являющих своим творчеством новый тип художественного мышления»³⁹⁵. Поэтому мысль о том, чтобы обратиться к переводу «Героя нашего времени» на заре становления переводческого искусства в Осетии была, несомненно, прогрессивной.

Перевод Х. Д. Цомаева создавался почти после вековой давности с момента выхода в свет произведения Лермонтова. Бесспорно, этот трудный и своеобразный материал давал большие возможности Харлампию Цомаеву для овладения сложным искусством перевода. Труд Цомаева со всей очевидностью показывает, что качество и точность перево-

---

³⁹⁴ Лермонтовская энциклопедия; гл. ред. Мануйлов В. А. М.: Советская энциклопедия, 1981. — С. 371.

³⁹⁵ Айтматов Ч. Перевод — дитя любви // Перевод — средство взаимного сближения народов: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1987. — С. 175.

да зависят не от времени его создания, а от индивидуально-го таланта переводчика, его умения понять и истолковать национальную жизнь и культуру того времени. Первый, и пока единственный, перевод «Героя нашего времени» — живой и яркий образец переводческого жанра, воссоздающий художественную структуру, эстетическую целостность оригинала.

Сопоставив перевод с оригиналом, мы приходим к выводам: переводчик по возможности сохраняет национальное своеобразие, стилистические особенности лермонтовского оригинала. Художественный перевод Х. Цомаева, за исключением незначительных отступлений, близко стоит к исходному тексту, верно отражает его идейное и художественное своеобразие. Цомаеву удалось сохранить в переводе «дух» оригинала, сделать роман Лермонтова понятным, доступным народным массам. Переводчик в стремлении к максимальной изобразительности щедро использовал возможности родного языка. Цомаев ввел «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова в русло осетинской литературы, и именно ему произведение обязано вторым рождением в новой национальной среде. Заслуга талантливого переводчика не только в обогащении родной литературы и в яркой демонстрации ее стилистических, семантических, лексических богатств, но и в сближении культур, в организации равноправного диалога литератур, искусства слова двух народов.

2.4. СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ М. ГОРЬКОГО В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ: СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Творчество основоположника социалистического реализма в литературе всегда привлекало осетинских переводчиков³⁹⁶. Произведения Максима Горького переводились на осетинский язык многими маститыми писателями³⁹⁷: А. Коцюевым, И. Джанаевым, Д. Мамсуровым, А. Гулуевым, Я. Хозиевым, Д. Дарчиевым, Х. Дзгоевым, Б. Зангиевым, Х. Цомаевым, Г. Дзугаевым, С. Бритаевым и другими. Они считали своим долгом обогатить родную литературу лучшими горьковскими образами. Некоторые произведения переводились и публиковались неоднократно. Это свидетельствует об исключительном интересе осетинских писателей к творчеству певца революции³⁹⁸. Особенно большую известность приобрели «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе». Показателем популярности указанных произведений Горького в Осетии может служить тот факт, что только в 1-ой половине XX века «Песня о Буревестнике» переводилась 5 раз. «Песня...» публиковалась в переводе Л. Газзаева, С. Бритаева, Х. Цомаева, Я. Хозиева, Г. Дзугаева. Не единожды раз подвергалась переводу и «Песня о Соколе»³⁹⁹.

---

³⁹⁶ См.: *Æ л б о р т ы* Х. Горький æмæ ирон литературæ // Советон Ирыстон. 1968. 28 марты; *А р д а с е н т ы* Х. Н. М. Горький æмæ ирон литературæ // Мах дуг. 1968. №3. — Ф. 70-78; *П о л ь с к а я* Е. М. Горький в Осетии // Литературная Осетия. 1974. №44. — С. 95-98; *К р а в ч е н к о* Г. М. Горький и Северная Осетия. К 115-летней годовщине со дня рождения великого русского писателя // Социалистическая Осетия. 1983. 27 марта.

³⁹⁷ См.: Горький ирон æвзагыл // *Æрыгон коммунист*. 1958. 28 марты; *Б о г а з т ы* У. М. Горькийы уацмыстæ ирон æвзагыл // *Рæстдзинад*. 1968. 28 марты.

³⁹⁸ См.: *Г р и г о р ь е в* Г. Революцийы уадфидуаг // Советон Ирыстон. 1978. 30 марты; *Б а г а т ы* Б. Революцийы зарæгтæнæг // Советон Ирыстон. 1983. 29 марты.

³⁹⁹ *Г о р ь к и й* М. Цъеусори зар // Мах дуг. 1936. № 2. — Ф. 34-37; *Г о р ь к и й* М. Уарийы зарæг. *Æмдзæвгæ* // Мах дуг. 1936. №4. — Ф. 17-22; *Г о р ь к и й* М. «Уарийы зарæг», «Зарæг уадуацхæссæгыл», скъуыддзаг «Зæронд ус Изергиль»

Существуют осетинские варианты С. Мамитова, Нигера (И. В. Джанаева)⁴⁰⁰, Джермуга (Лади Газзаева)⁴⁰¹, Ш. Абиева⁴⁰² (перевод на дигорский диалект).

Влияние творчества М. Горького на становление идейных и мировоззренческих взглядов некоторых осетинских писателей бесспорно. По мнению известного осетинского литературоведа З. М. Салагаевой, влияние Горького проявляется в творчестве Арсена Коцоева, Елбаздыко Бритаева, Цомака Гадиева. Но дело не только в прямом, конкретном влиянии Горького на того или иного писателя⁴⁰³. Они обращались в своем творчестве к лучшим горьковским образам, заимствовали их лучшие черты: стремление к свободе и к лучшему будущему, любовь к своему народу, готовность жертвовать личными интересами ради общественного блага и т.д. И в то же время писатели критиковали и клеймили покорность и страх, гордость и эгоизм.

З. М. Салагаева предполагает, что «в рассказе Е. Бритаева «Озеро» чувствуется влияние «Песни о Буревестнике» М. Горького. Но, как известно, «Песня о Буревестнике» связана с ожиданием бури, революции, отсюда на первом плане в ней — Буревестник. У Е. Бритаева изображено поражение революции, поэтому на первый план вышли темные силы, победившие революцию. И не заложено ли некоторое противопоставление «Песне о Буревестнике» М. Горького в самом заглавии произведения Е. Бритаева «Озеро»? Не грозное море перед бурей, а затихшее до поры до времени

-æй, «Æмбал» // Мах дуг. 1946. № 5-6. — Ф. 9-20.

⁴⁰⁰ Г о р ь к и й М. Песня о Соколе. Перевод на осет. яз Нигера (И. В. Джанаева) // НА СОИГСИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 105; Д ж а н а е в И. В. Перевод «Песни о Соколе» М. Горького. 12-21.09.1932 г. // НА СОИГСИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 106.

⁴⁰¹ Г о р ь к и й М. Песня о Соколе. Пер. на осет. Джермуга // Хурзæрин. 1924. 25 апреля.

⁴⁰² Г о р ь к и й М. Цъеусори зар. Æмдзæвгæ // Мах дуг. 1936. №2. — Ф. 34-37.

⁴⁰³ С а л а г а е в а З. М. От Нузальской надписи к роману: проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. — С. 222.

озеро»⁴⁰⁴. Под несомненным влиянием «Песни о Соколе» М. Горького был написан рассказ Арсена Коцюева «Баран и Козел» (1913)⁴⁰⁵.

К богатому опыту М. Горького обращались и другие осетинские писатели. Влияние творчества русского писателя прослежены С. Сабаевым в произведениях Б. Боциева «Разбитая цепь», Д. Мамсурова «Поэма о героях» и Е. Уруймаговой «Навстречу жизни». По мнению автора, влияние Горького прослеживается и в целом ряде произведений Ц. Гадиева и Г. Баракова⁴⁰⁶.

Произведения М. Горького активно переводились на осетинский язык и позднее. Читатель получил на родном языке следующие бессмертные произведения русского писателя: «Челкаш»⁴⁰⁷, «Зæронд ус Изергиль»⁴⁰⁸, «Уарийы зарæг», «Зарæг уадуацхæссæгыл», «Коновалов», «9-æм январь»⁴⁰⁹, «Царды бын»⁴¹⁰. Произведения Горького на осетинском языке выходили не только отдельными изданиями⁴¹¹. Продук-

---

⁴⁰⁴ Там же. — С. 214.

⁴⁰⁵ Там же. — С. 294.

⁴⁰⁶ Сабаев С. Б. Университет художественного творчества // Сабаев С. Б. Очерки русско-осетинских литературных связей. Орджоникидзе: Ир, 1982. — С. 97-99.

⁴⁰⁷ Горький М. Челкаш. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1930. — 75 ф.

⁴⁰⁸ Горький М. Старуха Изергиль. Зæронд ус Изергиль. Рассказы. Орджоникидзе: Ир, 1968. — 201 ф.

⁴⁰⁹ Горький М. 9-е января. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1931. — 45 с.

⁴¹⁰ Горький М. Сборник. На осетинском языке. Сталинир: Нациздат, 1937. — 300 с.; Горький М. Избранные произведения на осетинском языке. Дзауджикау, 1947. — 262 с.

⁴¹¹ Цорева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Монография; Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. — С. 196; Сокаева Д. В. А. П. Чехов в осетинских переводах (характеристика литературного процесса) // Материалы международной научной конференции «А. П. Чехов — универсальность, традиция и модернизм». Бухарест, 2010. — С. 124. [Электронный ресурс]. URL: http://www.filologie-rusa.ro/revista/filologie_rusa_XXVII.pdf (дата обращения: 7.05.2014).

тивно представлены они и в периодической печати. Так, на страницах журнала «Мах дуг» («Наша эпоха») систематически публиковались произведения М. Горького⁴¹². На сцене Северо-Осетинского драматического театра ставилась пьеса М. Горького «Васса Железнова»⁴¹³.

Об этом в своем исследовании пишет С. Сабаев: «Однако особую популярность творчество великого писателя в Осетии приобретает после победы Октябрьской революции. Уже в 20-х и 30-х годах основные произведения Горького были переведены на осетинский язык и опубликованы в периодической печати, а многие из них изданы отдельными книгами. В их числе роман «Мать»⁴¹⁴, рассказы «Челкаш», «Дед Архип и Ленька»⁴¹⁵, «Забастовка в Парме», «Макар Чудра», «Коновалов», «Старуха Изергиль», стихотворения «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», поэма «Девушка и смерть», пьесы «На дне», «Враги», «Васса Железнова», «Егор Булычев» и другие.

---

⁴¹² Италийы тыххæй аргъæуттæ // Мах дуг. 1935. №5-6. — Ф. 56-60; Уми. Хъырымаг эскизтæй // Мах дуг. 1936. №4. — Ф. 34-36; Туннель. Итайлаг аргъæуттæй // Мах дуг. 1939. №6. — Ф. 39-42; В.И. Ленин. Скъуыддзаг очеркæй // Мах дуг. 1945. №2. — Ф. 5-10; Чыныг. Радзырд // Мах дуг. 1946. №5-6. — Ф. 21-27; Республикаейы къаролтæй иу. Радзырд // Мах дуг. 1950. №6. — Ф. 3-12; Америкаейы // Мах дуг. 1950. №7. — Ф. 3-10; Чызг æмæ мæлæт. Аргъау // Мах дуг. 1951. №6. — Ф. 3-9; Адæймаджы райгуырд. Радзырд // Мах дуг. 1952. №9. — Ф. 11-18; Раконд. Радзырд // Мах дуг. 1953. №4. — Ф. 77-79; В.И. Ленин. Мысынæгтæ // Мах дуг. 1954. №1. — Ф. 14-16; Страсти-мордасти. Радзырд // Мах дуг. 1956. №8. — Ф. 62-73; Вассæ Железнова. Пьесæ // Мах дуг. 1958. №4. — Ф. 54-71; №5. — Ф. 69-76; В.И. Ленин. Хицæн бынæттæ мысынæгтæй // Мах дуг. 1960. №4. — Ф. 12-17; Чызг æмæ мæлæт. Аргъау // Мах дуг. 1968. №3. — Ф. 10-15; Фыццаг хатт æз уыцы усы федтон... Радзырд // Мах дуг. 1968. №3. — Ф. 15-18; В.И. Ленин. Скъуыддзагтæ // Мах дуг. 1970. №4. — Ф. 35-42; Адæймаг. Прозæйæ фыст поэма // Мах дуг. 1988. №3. — Ф. 73-80.

⁴¹³ Д ж ы к к а й т ы Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ). Дзауджыхъæу: Ир, 2003. — Ф. 218.

⁴¹⁴ Г о р ь к и й М. Мать. На осетинском языке. Пер. Г. Дзгоев. Орджоникидзе: Севосгиз, 1936. — 458 с.

⁴¹⁵ Г о р ь к и й М. Дед Архип и Ленька. Забастовка в Парме. Песня о Буревестнике. Рассказы. (С крат. биогр. Горького). На осетинском языке. Пер. С. Бритаев. Орджоникидзе: Растдзинад, 1932. — 58 с.; Г о р ь к и й М. Дед Архип и Ленька. На осетинском языке. Пер. С. Бритаев. Дзауджикау: Севосгиз, 1949. — 35 с.

Особую роль в развитии драматургического искусства сыграли пьесы А. М. Горького, которые неоднократно ставились на сцене осетинского драматического театра. На пьесах Горького совершенствовались свое мастерство не только писатели, драматурги, но и актеры»⁴¹⁶.

Произведения М. Горького на осетинский язык переводились и в 40-60-х годах, но, как пишет С. Сабаев, в основном они приурочивались к юбилейным датам великого писателя⁴¹⁷.

Стефан Мамитов⁴¹⁸ — просветитель, педагог, прозаик, драматург и публицист, автор «Книги для детей»⁴¹⁹ («Сывæллæтты чиныг», Батуми, 1908 г.) в свое время перевел «Песню о Соколе» М. Горького⁴²⁰. Исследователь жизни и просветительской деятельности С. Мамитова Л. К. Гостиева в своей работе «Протоиерей Стефан Мамитов — деятель осетинской культуры» указывает на то, что: «В 1909 г. о. Стефан издал в двух номерах газеты «Хабар» («Известие») перевод на осетинский язык поэмы в прозе Максима Горького «Песня о Соколе». Переводу Мамитова предшествовала публикация в газете поэмы М. Горького на русском языке. При этом редакция газеты (редактор А. Кануков) обратилась к читателям с просьбой перевести поэму на местные языки. Перевод, сделанный С. Мамитовым, был первым произведением М. Горького, переведенным на осетинский язык»⁴²¹.

⁴¹⁶ С а б а е в С. Б. Университет художественного творчества // С а б а е в С. Б. Очерки русско-осетинских литературных связей. Орджоникидзе: Ир, 1982. — С. 95-96.

⁴¹⁷ Там же. — С. 96.

⁴¹⁸ См.: Х а д о н о в а Ф. Х. О просветителе Протоиерее Стефане Мамитове // Известия СОИГСИ. Вып. 3 (42). Владикавказ, 2009. — С. 45-53.

⁴¹⁹ М а м и т о в С. Книга для детей // НА СОИГСИ. Ф. Х. Черджиева Оп. 1. Д. 51.

⁴²⁰ «Песня о Соколе» М. Горького. Уарийы зарæг. Перевод свящ. С. Мамитова // Хабар. 2-7 мая 1909 г. №8. — Л. 3; Хабар. 22-29 мая 1909 г. №9. — Л. 2-3.

⁴²¹ Г о с т и е в а Л. К. Протоиерей Стефан Мамитов — деятель осетинской культуры // Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения (II Всероссийские Миллеровские чтения). Владикавказ, 2011. — С. 192.

Перевод С. Мамитова «Уарийы зарæг» вошел в книгу «Косе», изданную в 2005 году доцентом СОГУ Р.С. Кантемировой. Помимо переводов издание включает в себя рассказы, драмы просветителя и материалы из народного творчества.

Произведения М. Горького всегда труднопереводимы. Язык и стиль писателя отличается своей народной глубиной, яркостью и образностью. Насколько успешно переводчику С. Мамитову удалось отразить стилистические особенности, ритмическую организацию горьковского текста, мы попытаемся показать на основе сравнительно-сопоставительного анализа, попробуем выявить способы достижения переводчиком эквивалентности исходных языковых единиц.

Заглавие произведения в переводе звучит как «Уарийы зарæг», буквально с осетинского — «Песня Сокола», в оригинале же мы видим — «Песню о Соколе». Перевод С. Мамитова заметно короче оригинала. Автор перевода опускает вступительную и заключительную части горьковского текста, где автор дает развернутые пейзажные зарисовки, предшествующие рассказанной стариком Надыр-Рагим-оглы герою-рассказчику истории о храбром Соколе.

Произведение М. Горького характеризуется особым ритмом, патетической интонацией. Сохранить особенности ритмованного стиха горьковских произведений не всегда удавалось переводчикам⁴²². Не совсем это удалось, на наш взгляд, и С. Мамитову. Его перевод грешит пословной передачей горьковского текста. Точное изложение содержания оригинала привело, как нам кажется, к потере

---

⁴²² См.: Д з а п р о в а Е.Б. Проявление творческой индивидуальности Х.Д. Цомаева в переводе «Песни о Буревестнике» М. Горького // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена № 34 (74): Аспирантские тетради. Ч. I. (Общественные и гуманитарные науки). СПб., 2008. — С. 161-164.

эмоциональности, динамичности «Песни...». Нашу точку зрения разделяет в своей работе И. Дзахов. Он пишет: «...переводчик не уловил или не сумел передать ритмической основы горьковского произведения. Рабски следуя за оригиналом, он утратил ритм и что, в конечном итоге, немало способствовало превращению «Песни» в обычную поучительно-назидательную прозаическую притчу... Священник С. Мамитов и не ставил себе целью, чтобы «Песня о Соколе» прозвучала по-горьковски. И здесь можно задуматься не только о соотношении таланта автора и переводчика, не только о поэтической службе последнего, но и о социальной природе переводчика и автора»⁴²³. Конечно, можно согласиться с мнением И. Дзахова, но не стоит, на наш взгляд, ссылаться на неопытность и некомпетентность переводчика или на несовместимость взглядов автора и переводчика. На заре переводческой деятельности в осетинской литературе основным принципом перевода было буквальное копирование подлинника, которому и следовал С. Мамитов при переводе. Но точная передача смысла оригинала не уберегла переводчика от ошибок. Местами в переводном тексте не совсем верно, на наш взгляд, переданы слова оригинала. Так, исходную единицу «резал» С. Мамитов передает как «хордта» («съедал») вместо «лыг кодта», «вой» — «хъæргæнгæ» («крича») вместо «ниуд»-а, «ныхситт кодта» («просвистел») вместо «прошипел» оригинала.

Проследим пример перевода первого предложения подлинника: «Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море»⁴²⁴. В переводе: «Калм уæлиау слæст хæхты æмæ уым уымæл ададжы, æлхынцъæй,

---

⁴²³ Д з а х о в И. Б. Зангиев — переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 41. — Л. 24.

⁴²⁴ Г о р ь к и й М. Песня о Соколе // Г о р ь к и й М. Челкаш. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1972. — С. 159.

*тымбылаѝ ама денджызма касгаѝа, хуыссыди*⁴²⁵. Переводчик, как видим, сумел донести до осетиноязычного читателя смысл передаваемого отрывка, но сгущает краски вводом в переводной текст двух близких по значению слов «*аелхыныцъаѝ*» (букв. «узлом»), «*тымбылаѝ*» («кругом»), которым в оригинале соответствует словосочетание «*свернувшись в узел*». Здесь, на наш взгляд, переводчику достаточно было ограничиться одним описанием. Приведем такой пример: «*А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями... Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя*⁴²⁶ — «*Ам, ададжы (комы) та, талынджы пырхкалга, адаг дон денджызма тындзыдта, дурты каерадзийыл хойгаѝа. Комы дон ысурс и фынкаѝ, урс ама тыхджынаѝ хордта хохы фарс ама, маэсты хъаргаенга, денджызма хауди*⁴²⁷. Написанное ямбом произведение потеряло здесь в отрывке, как кажется, свое ритмическое звучание, и этим переводчик значительно снизил художественную ценность осетиноязычного текста.

Как известно, в своем произведении М. Горький в образе гордого Сокола воплотил свой идеал свободного и гордого человека, революционера, готового принять смерть за свободу, за свои стремления и идеалы. Эту мысль автор выразил в следующей фразе: «*Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!*»⁴²⁸ — перевод: «*Фала хъабатырты ама*

---

⁴²⁵ Г о р ь к и й М. Уарий зарæг // Мамыты Стефан. Косе. Радзырдтæ, драмæ, аргæуттæ, тæлмацтæ: Чыныг аразæг филологон наукагты кандидат, доцент Хъантемыраты Риммæ. Дзæуджыхъæу, 2005. — Ф.141.

⁴²⁶ Г о р ь к и й М. Песня о Соколе // Г о р ь к и й М. Челкаш. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1972. — С. 159.

⁴²⁷ Г о р ь к и й М. Уарий зарæг // Мамыты Стефан. Косе. Радзырдтæ, драмæ, аргæуттæ, тæлмацтæ: Чыныг аразæг филологон наукагты кандидат, доцент Хъантемыраты Риммæ. Дзæуджыхъæу, 2005. — Ф. 141.

⁴²⁸ Г о р ь к и й М. Песня о Соколе // Г о р ь к и й М. Челкаш. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1972. — С. 161.

зардаджынты зардажы ды уйдзынае удагас фазминаг амае сарибармае амае рухсмае хъал сидаг!»⁴²⁹. Как легко заметить, сохранив синтаксис переводимого отрывка и авторское построение фразы, Мамитов не смог передать ритмический строй стиха. Переводимая фраза в переводе, как нам кажется, приобрела повествовательную интонацию.

Долгое время образ бесстрашного Сокола был примером для сильных, вдохновлял на подвиги в поисках справедливости. Показательны в этом плане предсмертные слова Сокола: «– О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..»⁴³⁰ — перевод: «– Ай, таэхуды, иу хатт-ма арвмае куы стæхин!... Ме знаджы æрбалхъивин мае риуы цафтæм... Æмае мае туджы фæхуыдуг уаид!.. Æтт, хæсты амонд!..»⁴³¹. Бесспорно, для раскрытия идейного образа Сокола рассматриваемый отрывок играл значительную роль. Победить врагов даже ценой собственной жизни — желание борца — звучал как революционный лозунг. И переводчик русскоязычного текста должен был с особым вниманием отнестись к переводу указанного отрывка. А что мы видим в переводе? Здесь, как и прежде, не учтен, как представляется, ритмический строй стиха. Но за счет умело подобранных эквивалентов переводчику удалось сохранить точное содержание авторской мысли. Мамитов попытался передать интонационное звучание горьковского текста за счет умело подобранных междометий «ай» и «æтт».

---

⁴²⁹ Г о р ь к и й М. Уарий зарæг // Мамыты Стефан. Косе. Радзырдтæ, драмæ, аргæуттæ, тæлмацтæ: Чиныг аразæг филологон наукаеты кандидат, доцент Хъантемыраты Риммае. Дзæуджыхъæу, 2005. — Ф. 143.

⁴³⁰ Г о р ь к и й М. Песня о Соколе // Г о р ь к и й М. Челкаш. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1972. — С. 160.

⁴³¹ Г о р ь к и й М. Уарий зарæг // Мамыты Стефан. Косе. Радзырдтæ, драмæ, аргæуттæ, тæлмацтæ: Чиныг аразæг филологон наукаеты кандидат, доцент Хъантемыраты Риммае. Дзæуджыхъæу, 2005. — Ф. 142.

Знаменитая строка подлинника — гимн революционерам — «*Безумству храбрых поем мы песню!..*» в переводе, как нам кажется, немного искажена — «*Æрра хъæбатыртæн зарæм мах нæ зарæг*» (букв. с осет. «Безумным храбрецам поем мы свою песню»). Автор перевода, как представляется, не совсем верно передает семантику слова «безумства». В переводе Мамитова горьковская фраза потеряла предполагаемый автором смысл, символизирующий революционное дерзание и смелость. Мамитов «безумство» перевел как «*æрра*» («безумные»), тогда как в словаре осетинского языка есть эквивалент — «сонт ми»⁴³². Знаменитое горьковское крылатое выражение «*Рожденный ползать — летать не может*» в переводе утратило, как представляется, свою афористическую форму — «*Хилагæй гуырдаен тæхын йæ бон нæу*».

Но необходимо отдать должное переводчику за стремление донести до реципиента образность и красочность исходного языка. Горьковское произведение изобилует яркими оценочными эпитетами, в нем есть олицетворения и сравнения. С. Мамитов постарался по мере возможности сохранить их в переводном тексте. Проследим особенности передачи тропов в переводе.

Эпитеты: «*седой и сильный поток*» — «*комы дон... урс æмæ тыхджынай...*», «*свободная птица*» — «*сæрибар маргъ*», «*гордая птица*» — «*хъал маргъ*», «*печальный рев*» — «*зардауынгаггæнæн хъæрмаæ*», «*львиный рев*» — «*домбай хъæр*».

Олицетворения: «*...горы зноем дышали в небо*» — «*...хæхтæ фыр тæвдæй арвæмæ улаффыдысты*», «*бились вол-*

---

⁴³² Большой русско-осетинский словарь: около 60000 слов и выражений. Сост. Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева/Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2001. — С. 34.

ны внизу о камень...» — «денджызы фæйлауæнтæ айнаггыл сæхи цавтой...», «львиный рев волн» — «фæйлауæнты домбай хъæр», «дрожали скалы» — «айнагджытæ рызтысты», «дрожало небо» — «арв рызти», «волна потока его схватила» — «ададжы дон æй уæд йемæ айста».

Сравнения: «капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни» — «дæ судзгæ туджы æртæхтæ цахæрау царды талынджы ссудздысты»; «и сам, как камень, скользая по скалам, он быстро падал...» — «... йæхæдæг дурау айнаггыл быргæ, тагъд-тагъд хауды...».

Как легко заметить, и здесь переводчик местами прибегает к дословному переводу образных единиц исходного языка, но в переводе Стефана Мамитова вполне узнаваемы горьковские краски, описания оживленности природы, ее красочность и живописность.

Таким образом, дословный перевод С. Мамитова, на наш взгляд, не сохранил ритмику горьковского произведения, не в полной мере прослеживаются в переводе и черты стиля русского писателя. Но заслуга просветителя, прежде всего, в том, что перевод С. Мамитова знакомил осетиноязычного читателя с творчеством пролетарского писателя, стал стимулом для дальнейшего обращения к переводу горьковских произведений.

Большой популярностью среди осетинских переводчиков пользовалась и «Песня о Буревестнике» — гимн надвигающейся революционной буре. Существование нескольких переводов одного и того же литературного произведения в рамках одного языка объясняется тем, что перевод устаревает и на его смену приходят новые. Изменение переводческих норм и принципов оказывает существенное влияние на представления о процессе перевода. Именно этим объясняется потребность в возникновении новых переводов классических произведений. Каждый новый перевод, в за-

висимости от способностей переводчиков, выявляет разные стороны одного и того же подлинника. Невозможно утверждать и то, что каждый новый перевод лучше предыдущего. Каждый переводчик имеет свои переводческие принципы, стратегии, свое виденье оригинала, позволяющие передать собственное восприятие, интерпретацию исходного текста, непохожую на предыдущие.

Показательно в этом плане сопоставление нескольких вариантов перевода «Песни о Буревестнике» с оригиналом. Сравнительно-сопоставительный анализ позволит выявить языковые особенности переводов, изменения, внесенные в текст переводчиками, насколько близко они придерживались оригинала, позволит найти различия в используемых ими выразительных средствах.

В качестве объекта сравнительно-сопоставительного анализа мы выбрали переводы Х. Цомаева, Я. Хозиева, Г. Дзугаева.

В 1928 году литературной общественностью Осетии широко отмечалось 60-летие русского пролетарского писателя М. Горького. К его юбилею местная газета «Рæстдзинад» («Правда») от 31 марта публикует бессмертное произведение зачинателя литературы социалистического реализма «Песня о Буревестнике» в переводе Харлампия Цомаева. Прежде всего, нужно отметить не совсем верный перевод Х. Д. Цомаевым заглавия произведения — «*Уадхæссаджы зарæг*» («Песня Буревестника»). Но Буревестник не мог петь песню о самом себе, как это переведено Цомаевым. Что мы видим в переводах Я. Хозиева и Г. Дзугаева? Название в переводе Хозиева адекватно оригиналу — «*Зарæг Уадуацхæссагыл*» («Песня о Буревестнике»), а вот Г. Дзугаев повторил ошибку Х. Цомаева. В переводе Г. Дзугаева — «*Уадфидиуаджы зарæг*» — Буревестник также сам поет песню о себе.

Вот величественно спокойно начинает М. Горький «Песню...»:

*«Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный»*⁴³³.

Соответствующий отрывок в переводе Х. Цомаева:

*«Денджызы урс фæзы сæрма дымгæ 'мбырд кæны æврагътæ. Æврагътæй денджызы æхсæн уæлдæфы лæгæрды хъал Уадхæссæг, арвы сау æрттивдæй йæ хуыз»*⁴³⁴.

Как видим, Цомаев следует буквальному переводу оригинала, точно передает содержание и при этом теряет художественную яркость переводимого произведения. Есть неточности и в переводе отдельных слов. У Горького в произведении речь идет о грозных и мрачных тучах. В переводе «тучи» («мигътæ») заменены «облаками» («æврагътæ») и этим нарушается смысловая точность. Избежали этой неточности Хозиев и Дзугаев. В их переводах удачно найден эквивалент — «мигътæ». Ответственно подошел Дзугаев к переводу следующего отрывка: «Урсбарц денджызы тыгъдады/Дымгæ мигъты бардз ыскъары/Мигътæй фурды 'хсæн — сæрыстыр/Хъал маргъ Уадфидиуæг цъелфæй/Сау æрвæрттивдау æрзилы»⁴³⁵. Здесь не только выдержано интонационное звучание «Песни», но и блестяще воспроизведен сам образ «гордо реющего» Буревестника. Переводчиком Дзугаевым внесены дополнения вроде «тыгъдад» («пространство»), «бардз» («группа», «скопище»), «ыскъары» («гонит», «выгоняет» вместо «собирает»), «урсбарц» («белогривый»).

---

⁴³³ Горький М. Песнь о Буревестнике // Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М.: Художественная литература, 1950. Т. 5. — С. 326-327.

⁴³⁴ Горький М. Уадхæссæджы зарæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Рæстдзинад. 1928. 31 марта. — Ф. 3.

⁴³⁵ Горький М. Уадфидиуæджы зарæг. Пер. на осет. яз. Г. Дзугаева // Рæстдзинад. 1968. 28 марта. — Ф. 2.

Примером того, насколько внимательным должен быть переводчик к каждому слову, может служить следующий отрывок:

«То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы».

Осетинский вариант отрывка в переводе Х. Цомаева:

«Куы йæ базырагъй уылаен сцæввы, куы фæхауы æврагътаем фатау, уасы. Æврагътае йæ уастæй зоньыц маргъаен йæ цин».

Цомаев перевыражает на родном языке каждое слово подлинника, но в некоторых моментах, как нам кажется, «сгущает» краски. Например, в оригинале Буревестник только касается волны, у Цомаева птица ударяет крылом волну. Непонятен также перевод слова «взмывая» осетинским «*фæхауы*», имеющим два противоположных значения: «упасть» и «оторваться». Скорее всего, переводчик использует в тексте второе значение, хотя в осетинском языке есть точный эквивалент слову, используемому Горьким — «*фæтæхын*», «*стæхын*».

Небольшие недостатки в переводе Х. Цомаева выделяются при сравнении его с другим переводом. Вот соответствующий отрывок «Песни...» в переводе Я. Хозиева:

*Куы йæ базырагъй нындзæввы
Денджызы ызнает уылаентыл,
Куы фæтæхы, фатау, мигътаем,
Хъæр кæны 'мæ хъусыц мигътае
Цинад уый уæндон хъæримæ⁴³⁶.*

Как видим, Хозиев в своем переводе, прибегая к стихотворной строфе, сохраняет авторский замысел: «касаться» — «*нындзæввын*», «взмывает» — «*фæтæхы*».

Приведем другой пример:

---

⁴³⁶ Горький М. Зарæг Уадуацхæссæгыл. Пер. на осет. яз. Я. Хозиева // Мах дуг. 1946. № 5-6. — Ф. 12.

Оригинал: «В этом крике — жажда бури!» — перевод Цомаева: «Уыцы хъар у уадмондаг хъар» («Этот крик — жаждущий бури крик»). В переводе предвкушение битвы, борьбы, по нашему мнению, звучит менее торжественно и величаво, недостаточно сильно отображено стремление и жажда революционных перемен. Для передачи эмоциональности оригинала Х. Цомаеву необходимо было внести в текст большую напряженность.

С подобной задачей хорошо справился Хозиев: «Уыцы хъары — уады мондаг!» («В этом крике — жажда бури»). Переводчик сумел передать не только точное содержание горьковской мысли, ритмику оригинала, но и сохранить синтаксис «Песни...».

Перевод фразы «В этом крике — жажда бури!» звучит у Дзугаева более объемно:

*Хъусыныц уыцы уасты мигътае
Уадмони, уадбаеллон цъахахасты —
Ныфс ыстыр тохы цахартæ.*

«Песня о Буревестнике» писалась Горьким в преддверии первой русской революции 1905 года, как сочинение, призывающее народ к непримиримой социальной битве. «Она («Песня...» — Е. Д.) была проникнута дыханием революционной бури, жизнеутверждающим оптимизмом, безграничной верой в победу революционного пролетариата. В образе Буревестника Горький воплотил революционные настроения и устремления рабочего класса. Передовые общественные круги восприняли это произведение как боевой призыв к борьбе с ненавистным самодержавным строем»⁴³⁷. Не только в годы революции, но и в дальнейшем произведение М. Горького служило могучим орудием революционной пропаганды, а образ бесстрашного Буревестника явился

---

⁴³⁷ И в а ш и н В. В. М. Горький и белорусская литература начала XX века. Минск: Академия наук БССР, 1956. — С. 28.

символом свободы, символом боевого духа пролетариата. Поэтому перед переводчиками стояла очень важная задача — передать революционную патетику оригинала, боевой дух горьковского текста.

Трудность в переводе, прежде всего, была связана с необходимостью передачи ритмики, динамичности, делающие произведение Горького узнаваемым. Пример описания нарастающей бури в оригинале:

«Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятыем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады».

Здесь эмоциональность горьковского описания возрастает, динамизм усиливается. Не совсем такой же полноценный художественный эквивалент найден Цомаевым в переводе:

«Арв нары. Сæ масты фынк калыны, хъæрзыны уылæнтæ, дымгæимæ тох кæныны. Мæнæ дымгæ ныттыгъта йæ домбай хъæбысы уылæнты балтæ æмæ сæ уыцы-уу зывытт ныккодта айнаг къæдзæхтæм, лыстæг пырхæндæг, рыг фæстын кодта изумрудхуыз дон-хæхтæ».

Буквальный перевод отрывка у Цомаева звучит менее эмоционально, описание бури — прозаичнее, но все же переводчику удалось найти точные эквиваленты слов. Например, не характерному для осетинской речи слову «громады» переводчик нашел соответствие «дон-хæхтæ». Тем самым сумел передать точное содержание авторской мысли. Выражение «и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы» Цомаев переводит как «æмæ сæ уыцы-уу зывытт ныккодта айнаг къæдзæхтæм». Как видим, смысловое соответствие здесь очевидно, также сохранена символика бушующей природы.

Близка к оригиналу и одновременно удивительно талантлива сама по себе картина наступления бури у Я. Хозиева:

*Арв ныннары.
Знает фынчытәй схъарзы денджыз
Сонт дымгаима быцауы.
Маена 'рбамбырд кодта дымга
Уыланты дзыгуыртәй иума,
Зыд, тыхджын, уарæх хъæбысы,
'Ма сә фехста дард фырмастәй,
Сау къæдзæхты риуыл уыдон
Пырх ныккаенгайæ тых цафай.*

Переводчику Хозиеву удалось найти поэтические эквиваленты для изображения картины нарастающей бури. В переводе сохранена эмоциональность, патетичность горьковского текста.

Почти такой же эмоционально-выразительной силы перевод мы видим у Г. Дзугаева:

*Арв, къæркъæргæнга, ныннары
Хивæнд дымгаима тохы
Мæстәй уылантæ
ныхъæрзыны.
Уад сә фелвасы дзыгуырай,
Карз, фырмастәй сә ныздухы
Фидар айнаджы цъæх тигъыл.*

Как видим, в его переводе правильно подобраны эквиваленты русскоязычным словам. Лишь в одном случае Дзугаев допустил некоторую «вольность». У него грохот грома усилен словом «къæркъæргæнга» («с треском»), которое вполне вписывается в контекст.

Творческие возможности позволяли переводчику русского текста Х. Цомаеву широко использовать лексику родного языка. При этом смысловая верность оригинала достигалась им путем ясного понимания контекста и близ-

кого следования содержанию текста. Например, перевод фразы «Буревестник с криком реет..., как стрела **пронзает** тучи» — «Уадхæссæг... цъæхахстгæнгæ тæхы, фатау **хизы** æврæгъты иннæрдæм». Прямое лексическое соответствие слову «пронзает» в осетинском языке — «арæхойын», «барæхойын», «ныррæхойын». Но для Харлампия Цомаева именно контекст играл решающую роль при переводе. Поэтому данное слово он переводит исходя из контекста — «иннæрдæм дзы хизы».

У Г. Дзугаева встречаем тот же глагол — «ахизын», но с использованием приставки «а» для указания завершенности действия. Частичный эквивалент слову «пронзает» найден и Хозиевым — «хацы». Но переводчик, как нам кажется, не совсем учел замысел автора. В оригинальном тексте Буревестник, подобно стреле, пронзает тучи, а у Хозиева он борется с тучами.

Далее напряженность действия в произведении усиливается еще больше. Знаменитый полет Буревестника:

«Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает».

В этом отрывке битва Буревестника с тучами, олицетворяющими могучие темные силы, достигает кульминации. Здесь бунтарский дух и вольнолюбие предвестника бури проявляется в полной мере. В переводе Цомаева:

«Кæс-ма, уæлæ хæйрæджы тахт фæкæны, хъал, сау — фæлахс уадæн йæ хæйрæджы хай, куы фæхуды, куы сдзыназы... Уый худгæ æврæгътыл кæны, уый дзыназгæ фырцинаей кæны».

Переводчик стремится здесь точно воссоздать смысл, содержание горьковского отрывка, но игнорирование особенностей ритмики при этом, по нашему мнению, снижает патетику борьбы и весь накал страстей, трагизм повество-

вания в целом. Есть и некоторые неточности в переводе отдельных слов. «Демон» в переводе Цомаева «*хайраг*» («черт»). Адекватное же слово в осетинском языке «*иблис*», «*зин*». Неуместно также использование в отрывке эпитета «*фаэлахс*» — «*истощенный*» в применении к буре. Ведь у Горького бушующая буря, олицетворяющая революцию, полна сил и энергии. Излишне говорить, что при таком переводе, на наш взгляд, не только не сохраняется образность, революционное звучание подлинника, но и искажается содержание. Не понял Цомаев и значение союза «*и*» в этом отрывке — «*и смеется, и рыдает*». Он заменяет его союзом «*куы*» («то») — «*куы фахуды, куы сдзыназы*» («то засмеется, то заплачет»). Горький союзом «*и*» в данном контексте хотел подчеркнуть одновременность действий (смеха и рыдания) Буревестника.

Вот как передана поэтическая мысль автора Я. Хозиевым:

*Маена 'рбазилы, куыд демон, —
Сатагсау тымыггы демон,
Куы ныххуды, куы ныккауы...
Уый сентсау мигътыл ныххуды,
Уый йæ фырцинай ныккауы!*

Здесь Я. Хозиев, в отличие от Х. Цомаева, отказался от осетинского перевода слова «демон» и передает его в русскоязычном написании. Использование Хозиевым эпитета «*сатагсау* («иссиня-черный», «черный-пречерный») *тымыггы демон*» символизирует скорейшее приближение, свершение социальной бури. В словах «*ныххуды, ныккауы*» с помощью приставки «*ны*» Хозиеву удалось, следуя идейному замыслу автора, сохранить одновременность действий Буревестника (хотя им тоже использован разделительный союз «*куы... куы*»).

Было бы ошибочно утверждать, что перевод Я. Хозиева во всем превосходит текст Х. Цомаева. В переводе Я. Хози-

евым вышеизложенного отрывка, по нашему мнению, есть существенный недостаток. У М. Горького величественная грандиозность фигуры Буревестника неоднократно в тексте подчеркивается эпитетом «гордый» («сæрыстыр», «хъал»). Я. Хозиев просто опускает данное образное определение предвестника бури. С этой задачей вполне справился Х. Цомаев. Его перевод эпитета «гордый» — «хъал» доносит до читателя авторский замысел.

Не проигнорировал интенцию автора и Г. Дзугаев. С помощью приставки «ны» он акцентирует внимание читателя на одновременности действий Буревестника.

Одним из композиционных средств, используемых писателем в «Песне...», является повтор. Автор прибегает к повторению слов и выражений для создания сильного впечатления: «...он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!». Повтор у Горького несет большую эмоционально-смысловую нагрузку. Цомаев не игнорирует повтор, и это свидетельствует о стремлении переводчика верно передать идейное содержание отрывка: «Уырны йæ, асæст хуры на бамбæрздæн. Нагъ, на бамбæрздæн!».

Данный фрагмент в переводе Г. Дзугаева:

*Зоны: хуæн нагъ ныхгæнæн
Мигъты саудалынгæй никад!*⁴³⁸
Знает: солнцу нельзя скрыться
За тучами мрачными никогда!

(подстрочный перевод).

Здесь, как легко заметить, Г. Дзугаев не принял во внимание повтор, идущий в горьковском тексте. Переводчик использует лишь два отрицания — «нельзя», «никогда», которые смягчают энергию фразы.

В переводе Хозиева повтор также игнорирован. При этом осетинский текст пострадал не только в плане идейно-

---

⁴³⁸ Г о р ь к и й М. Уадфидуæджы зарæг. Пер. на осет. яз. Г. Дзугаева // Рæстдзинад. 1968. 28 марта. — Ф. 2.

го созвучия, но и в плане сохранения ритмического строя.

Очередной отрывок «Песни о Буревестнике»: *«Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний»* — у Х. Цомаева передан следующим образом: *«Æнæбын денджызы сæрмае та цææх пиллон уадзынц æврагъы æфтаутæ. Денджыз ахсы арвы фатта æмае сæ хуыссын кæны йæ арф хъæбысы. Артын кæлмытау хæлбурцъытæ кæнынц денджызы уæлвæзы, куы æрбайсæфынц, æрвон цæхæры æндартæ»*.

Сравнив отрывки, не трудно заметить, что перевод отдельных мест далек от оригинала. Неправильный подбор слов искажает, на наш взгляд, содержание, делает его громоздким. Слову «*стаи*» в переводе соответствует не совсем уместное в тексте «*æфтаутæ*» («снопы»). Использование данного слова неверно, так как в осетинском языке эквивалентом слову «*стая*» является «*бал*». Но удачным, на наш взгляд, является перевод Цомаевым следующего сравнения молний со змеями: *«Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний»* — *«Артын кæлмытæ хæлбурцъытæ кæнынц денджызы уæлвæзы, куы æрбайсæфынц æрвон цæхæры æндартæ»*. Использование слова «*хæлбурцъ*» — «*судорожные извивания*» вместо «*виться*» оригинала (адекватное «*здыхсын*») придает отрывку осетинского текста нужный смысл и эффектность.

Поэтические находки Цомаева («*кæлмытæ... хæлбурцъытæ кæнынц*») были приняты во внимание авторами последующих переводов, но претерпели определенную трансформацию, приобрели большую отточенность и выразительность.

У Хозиева:

*Раст сырхзынг кæлмытау доны
Тагъд, къæдз-мæдзытæгæнгæйæ,
Арвы 'рттивды ирд тæмæнтæ
Денджызы ныгъуылыныц къордгай.*

Перевод Г. Дзугаева:

*Раст æрвæрттивды кæлмытау
Судзгæ схæлбурицъ кæныныц фурды.*

На наш взгляд, у каждого из этих синонимичных переводов есть свои преимущества и недостатки. У Хозиева в переводе много уместных дополнений. Например, удачно подобрана характеристика: «*раст сырхзынг кæлмытау*» («точно огненные змеи»), уместно и использование в тексте наречия «*тагъд*» («быстро») в контексте «*Тагъд, къæдз-мæдзытæгæнгæйæ, / Арвы 'рттивды ирд тæмæнтæ / Денджызы ныгъуылыныц къордгай*». Но слову «исчезает» Хозиевым, на наш взгляд, найден не совсем правильный эквивалент — «*ныгъуылыныц*» («нырять», «погружаться»), хотя в словаре осетинского языка можно найти аналоги — «*фæтары уын*», «*фесæфын*», «*æрбайсæфын*».

Перевод Дзугаева более лаконичен. Переводчик неоправданно опускает последние две строчки оригинала.

Интересно сравнить варианты интерпретации осетинскими мастерами слов последней поэтической фразы, как известно, ставшей крылатой, политическим призывом к борьбе.

Финальная картина «Песни...» в переводе Х. Цомаева грешит некоторыми неточностями. Для того чтобы убедиться в этом, сравним величественный полет Буревестника в подлиннике и в переводе Х. Цомаева:

«Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..».

Х. Цомаев переводит так:

«Уый хъабатыр Уадхæссæг тæхы арвы æрттивæнтай денджызы 'хæн; уый сгуыхты пахуымпары нæрын и: Уадз æмæ ноджыдæр тыхджындæр абуха уад!».

Из этого примера видно, что переводчику не удалось передать ритм горьковского текста. Ритм стихотворения характеризуется нагнетанием эмоциональной напряженности, внутренней силой, патетической окраской, чего мы не наблюдаем в переводном тексте. Перевод заметно уступает оригиналу не только в эмоциональном, интонационном плане, как самом важном элементе стиля «Песни...», но и в смысловом. У Горького Буревестник гордо парит в небе, переводчик же опускает эту весьма важную деталь.

Сличение осетинского текста с подлинником показывает, что Х. Цомаев не совсем справился с переводом концовки «Песни...» — «...уый сгуыхты пахуымпары нæрын и: Уадз æмæ ноджыдæр тыхджындæр абуха уад!». Подстрочный перевод: «...в этой победе — пророка грохотанье: Пусть еще сильнее бушует буря!». При изменении порядка слов в переводе получается бессмыслица, искажается содержание оригинала. Финал произведения, по нашему мнению, лишен горьковской бунтарской интонации. Победное, грозное звучание призыва ослабляется употреблением существительного «грохотанье» вместо «крика». И далее вместо «грянет» — «бушует», для усиления употребленное с наречием «еще».

В переводе Г. Дзугаева эти строки звучат так:

*Уый уæлахызы пахуымпар
Сиды, хъæр кæны уæндонай:
«Уадз ныннæрæд уад тыхджындæр!».*
Это победы пророк взывает, кричит бесстрашно:
«Пусть грянет сильнее буря!»

(подстрочный перевод)

Как видно из примера, Г. Дзугаевым, в отличие от Х. Цомаева, найден ритмический и смысловый эквивалент горь-

ковского текста. Это указывает на стремление переводчика достичь идейного созвучия текстов, революционного пафоса «Песни о Буревестнике».

Пострадал финальный отрывок «Песни...» и в переводе Хозиева. Осетинским поэтом сохранен ритм оригинала, но им неоправданно опущено слово «*пророк*». Буревестник Горьким не случайно назван «*пророком победы*». Слово «*пророк*» в тексте несет большую смысловую и символическую нагрузку: Буревестник предчувствует наступление предстоящей, грядущей борьбы.

Горькому-реалисту характерно широкое использование в произведениях изобразительных средств. Метафоры, сравнения, эпитеты, олицетворения применяются у него для поэтизации действительности, для более сжатого изложения мысли, они подчинены выражению главной идеи произведения.

Трудно найти в «Песне о Буревестнике» лишнюю фразу, ненужную деталь. Вполне можно согласиться с Г. Д. Гвентадзе: «Перевод художественного произведения тогда лишь выполняет свое назначение, если он точно передает специфические особенности оригинала, стиль и манеру писателя»⁴³⁹. Поэтому перевод должен был передать специфику горьковского стиля.

Заслуга осетинских переводчиков в большей части в том, что им удалось сохранить в переводе яркую метафоричность, образность языка писателя. Метафора, неотъемлемая от литературного стиля раннего Горького, здесь несет характеристику образа, раскрывает его страстную и героическую натуру. Очень важно было для переводчиков передать присущую подлиннику поэтическую окраску. И это им отчасти удалось. Например, читаем в переводе Х. Цомаева: «*в пене гнева*» — «*масты фынк*», «*сила гнева, пламя*

---

⁴³⁹ Г в е н т а д з е Г. Д. М. Горький и грузинская литературная мысль в начале XX в. Тбилиси: Заря Востока, 1961. — С. 165.

страсти» — «*фыдаыхы ахсар, зардагйы пиллон*». Соответствующие отрывки в переводе Хозиева: «*знает фынчытæ*», «*масты тых, фæндоны зынг*». Здесь есть небольшое отхождение от оригинала. «*Пламя страсти*» в переводе Хозиева звучит как «*фæндоны зынг*» («огонь желания»). Но, как нам кажется, аналогичный перевод этого отрывка вполне вписывается в контекст, не утеряна и образность оригинала.

Большое значение для идейного раскрытия в тексте образа Буревестника несут оценочные эпитеты, сравнения, олицетворения, а потому переводчики с особым вниманием должны были отнестись к передаче широко используемых в русском тексте средств художественного изображения.

В оригинале автором Буревестник неоднократно характеризуется эпитетами: «*смелый*», «*гордый*». С их помощью Горький подчеркнул силу, небывалые способности, могучую энергию Буревестника. А потому переводчикам необходимо было сохранить эпитеты, стоящие в подлиннике. Для осетинских переводчиков русского текста, в основном, это не составило труда. Ими были найдены в родном языке, в основном, равнозначные эквиваленты.

Справились они и с передачей на осетинский язык сравнительных оборотов. Нигде не прибегают к замене сравниваемого образа другим, а переводят адекватно. Приведем примеры передачи на осетинский язык не раз повторяющегося в тексте оригинала сравнительного оборота «*черной молнии подобный*». У Цомаева он звучит как «*арвы сау æрттыздау йæ хуыз*», у Хозиева — «*сау æрвнарыны хуызæнау*», у Г. Дзугаева — «*сау æрвæрттыздау*». Как видим, каждый по-своему сумел донести и сохранить смысл, образность оригинала.

В тексте оригинала встречается и ряд олицетворений: «*ветер тучи собирает*», «*тучи слышат радость в смелом крике птицы*», «*и поют, и рвутся волны к высоте навстре-*

чу грому», «**стонут** волны». С помощью данных средств языка М. Горький рисует нам поэтические образы, которые тоже переведены адекватно. Например, у Цомаева: «дымгæ 'мбырд кæны æвраггъта», «æвраггъта зоньыц маргъаен йæ цин», «уылаентæ зарыц æма хардма лæбурыц арв нарынма». Осетинские параллели Хозиева выглядят так: «дымгæ мигъты 'мбырд кæны», «...хъусыц мигъта...», «æма зарыц æма тоныц/уылаентæ сахъи уæлвонгма», «схъарзы денджыз».

Сопоставление «Песни о Буревестнике» с лучшими переводческими образцами горьковского текста в осетинской литературе помогло выявить удаchi, достижения и, наоборот, некоторые недостатки, художественные просчеты переводчиков. Но замеченные нами ошибки и отступления от подлинника никак не снижают высокой художественности переводов. Переводчики в основном правильно доносят идейное содержание произведения и по мере возможности сохраняют художественные особенности, пунктуацию, лаконичность горьковского текста. Бесспорно, знакомство с осетинскими переводами «Песни...» помогло вызвать у читателя еще больший интерес к творчеству Буревестника русской революции.

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ОСЕТИНСКОЙ ПРОЗЫ 2-ОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

3.1. АВТОПЕРЕВОД КАК ВИД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Одной из форм художественного билингвизма в литературе является авторский перевод. В отличие от писателей, пишущих и создающих равноценные произведения на двух языках, самопереводчики стремятся на основе написанного им произведения создать «новое», но уже в другой культурной среде.

Автоперевод для переводчика представляет особую трудность, т.к. «разрушает в сознании двуязычного человека надежные перегородки между языками, оберегающие психику пишущего... мешает двуязычному человеку переводить, поскольку нарушается языковое равновесие»⁴⁴⁰.

Концепция авторского перевода, в отличие от неавторского, заключается в том, что автор в своей переводческой деятельности не скован «никакими чисто переводческими предпосылками, он волен переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и в любой степени, менять композицию, образы и средства выражения»⁴⁴¹. Не удивительно, что многие практики самоперевода получали в результате новое произведение. С другой стороны, переводчик-биллингв видит все тонкости оригинала, прекрасно «чувствует» язык, что позволяет ему создать безупречный аналог, достаточно равноценный подлиннику.

---

⁴⁴⁰ Н о с и к Б. Набоков-переводчик и переводчики Набокова // Иностранная литература. 1993. № 11. — С. 238.

⁴⁴¹ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. — С. 174.

Можно назвать несколько причин, по которым писатель прибегает к переводу собственных произведений. Во-первых, писатель не всегда удовлетворен качеством переводов своих произведений другими переводчиками. Во-вторых, автор оригинального текста стремится внести новую, дополнительную информацию в текст перевода. Однако не всегда эти дополнения уместны. Иногда они настолько изменяют текст, что узнать в нем подлинник невозможно. Известный осетинский писатель и критик, теоретик и практик художественного перевода Т. Бесаев вовсе исключал саму возможность самопереводов: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет заново, заново переживает ситуацию и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения. Но можно ли точно воспроизвести эту ситуацию? Можно ли дважды войти в одну и ту же реку? Не уверен»⁴⁴². Конечно, можно согласиться с точкой зрения Т. Бесаева. Автор произведения, создавая его «копию» на другом языке, должен еще раз переосмыслить идею, образы героев, пережить с ними определенные события и передать те эмоции, которые уже однажды переживал.

Ю. Л. Оболенская, рассуждая об авторских переводах писателей-билингвов, высказывает следующую точку зрения: «Перевод (имеется в виду авторский — Е. Д.) отражает столкновение и борьбу не только двух культурных и языковых традиций, но и двух противоположных тенденций: стремление сохранить особенности оригинала и при этом не нарушить законы и нормы родного языка. Кроме того, в процессе перевода происходит взаимодействие двух *идиолектов* — идиолекта автора и идиолекта переводчика,

---

⁴⁴² Б е с а е в Т. Статьи и черновые наброски по вопросу об авторском переводе // НА СОИГСИ. Ф. 58 (Лит.). Оп. 1. Д. 28. — Л. 21.

— которое было бы неверно сводить к неосознанной (или механической) подмене одного идиолекта национального языка (языка оригинала) другим, переводческим»⁴⁴³.

У автора, намеривающегося переводить самого себя, уровень знания двух языков должен быть равноценен. Недооценка межкультурных различий может привести к искажению не только оригинала, но и перевода. С точки зрения В. В. Сдобникова и О. В. Петровой, адекватность авторского перевода зависит не столько от уровня знания самопереводчиком переводящего языка, сколько от «способности переключиться на систему образов, на менталитет представителей иной культуры»⁴⁴⁴. Несомненно, самоперевод — колоссальный труд, требующий ответственного подхода, эрудиции, языкового чутья, знания быта и культуры обоих народов. И только совокупность этих качеств даст «новый оригинал».

Авторский перевод является малоизученной проблемой в современной науке о переводе. Объясняется это, прежде всего, тем, что редки случаи существования в литературе авторских переводов. В то же время сопоставительное изучение текстов автоперевода представляется чрезвычайно ценным и перспективным направлением в переводоведении. За последние несколько лет отечественное литературоведение обогатилось рядом работ по филологическому анализу авторских художественных переводов. Преимущественно они касаются автопереводов В. Набокова⁴⁴⁵ и

---

⁴⁴³ О б о л е н с к а я Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд.-е 3-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — С. 134.

⁴⁴⁴ С д о б н и к о в В. В., П е т р о в а О. В. Теория перевода. М. — Владимир: Восток-Запад; ВКТ, 2008. — С. 402.

⁴⁴⁵ См.: Ч е с н о к о в а М. С. Способы воссоздания метафорических тропов в автопереводе (на материале авторских переводов В. В. Набокова): дис. ... канд. филолог. наук. С-Пб., 2003. — 196 с.; Г р и г о р ь е в И. Н. Литературный билингвизм В. Набокова (синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя): дис. .... канд. филол. наук. Пермь, 2005. — 285 с.; Б а к у м е н -

И. Бродского⁴⁴⁶. К столь ответственному делу сам В. Набоков относился скептически: «Ужасная вещь — переводить самого себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку, и чувствуя в лучшем словаре не друга, а вражеский стан»⁴⁴⁷. В таком случае возникает вопрос: зачем автор прибегал к переводу собственных произведений? Видимо, по той же причине — не доверял. Противоположной точки зрения придерживался Бродский. Писатель, переводя свои собственные произведения, становился конгениальным автору, т.е. самому себе⁴⁴⁸. И только в этом случае, по строгому убеждению И. Бродского, можно добиться адекватности автоперевода.

В осетинской литературе традиция билингвизма не нова. Еще в XIX веке некоторые национальные писатели выступили с русскоязычными произведениями (И. Кануков, Г. Цаголов, Б. Туганов). В творчестве основоположника осетинской литературы К. Хетагурова мы впервые видим черты чистого билингвизма. Автор одни произведения создавал на родном языке (осетинском), другие — на русском. При этом, прекрасно владея двумя языками, К. Хетагуров никогда не переводил сам себя и доверял столь ответственный труд профессиональным переводчикам.

к о О.Н. Лексиконы билингва в ситуации автоперевода (на примере мемуарных книг В. Набокова): автореф. дис... канд. филол. наук. Курск, 2006. — 20 с.; К о з л о в А. С. В. Набоков — переводчик. Проблема авторского перевода//<http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/580/1/Filolog.61.2004.110-116.pdf> (дата обращения: 20.07.2014).

⁴⁴⁶ См.: В о л г и н а А. С. Автопереводы Иосифа Бродского и их восприятие в США и Великобритании: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2005. — 21 с.

⁴⁴⁷ Н о с и к Б. М. Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография. М.: Пенаты, 1995. — С. 125.

⁴⁴⁸ Р а з у м о в с к а я В. А. Русскоязычный и англоязычный И. Бродский: проблемы поэтического перевода и автоперевода // Русский язык и литература во времени и пространстве: материалы XII конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы/Под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова. Шанхай, 2011. Т. 4. — С. 112.

К созданию художественных переводов собственных произведений осетинские авторы приступили лишь в середине XX века. Родоначальниками в этом деле были С. Бригаев и Т. Бесаев. Они первые стали переводить свои рассказы с осетинского на русский язык. Позднее к самопереводу, но уже в более крупном литературном жанре, обратились К. Дзесов, Т. Джатиев, Г. Хугаев, Н. Джусойты, М. Басиев, С. Марзоев, М. Цагараев.

Как в теории, так и практике художественного перевода нет однозначного ответа на вопрос: какой вид перевода лучше — авторский или традиционный? Естественно, тот, который наиболее адекватен оригиналу, тот, который передает не только содержание, форму исходного текста, но и его национальную специфику, колорит, дух. В адекватной передаче этих компонентов подлинника первостепенная роль принадлежит переводчику, его таланту и умению находить в переводящем языке аналоги и эквиваленты. В данном исследовании попытаемся проследить степень адекватной передачи в авторском переводе особенностей подлинника.

Материалом для нашего исследования послужили оригиналы и автопереводы повестей Н. Г. Джусойты «Адæймаджы мæлæт» («Возвращение Урузмага») и Т. И. Джатиева «Мæ урс дадалитæ» («Мои седые кудри»). Сличение текстов позволит выявить адекватность передачи переводчиками национально-культурной специфики, семантики и прагматики исходных текстов.

Н. Г. Джусойты известен не только как блестящий писатель, исследователь истории осетинской литературы, но и как специалист по художественному переводу. Не только практик, но и теоретик в области художественного перевода, Н. Джусойты большинство своих произведений переводил сам. На примере автоперевода повести «Адæймаджы

мәләт» («Возвращение Урузмага») проследим его переводческую концепцию.

В своем произведении Н.Г. Джусойты размышляет о смысле жизни, о сущности человека и его месте на земле. Основной драматизм повествования связан с уходом главного героя Урузмага в мир иной. Новость о неизлечимой болезни застала его в больнице, и «назначенные» ему врачами два месяца он хочет прожить с пользой. С этими мыслями он возвращается в родное село. Все дела и поступки Урузмага являются показателями высокой морали, морали истинного горца.

Принцип адекватности Н.Г. Джусойты нарушен в заглавии повести. Оригинал — «Адаёймаджы мәләт», перевод — «Возвращение Урузмага» (семантическая аналогия — «Смерть человека»). Интерпретация прямого номинативного значения нарушена, на наш взгляд, в связи со стремлением самопереводчика внести особый смысл в заглавие перевода. В произведении тема смерти является стержневой. Переводом заглавия на русский язык «Возвращение Урузмага» Н. Джусойты еще раз хотел подчеркнуть, что такие люди, как Урузмаг, не умирают, а возвращаются и живут среди нас вечно.

Логически произведение Н. Джусойты можно разделить на четыре части: больница, дорога домой, дела Урузмага, уход Урузмага. Каждая из этих частей символизирует определенный этап в жизни главного героя. Повесть начинается со сна главного героя в больнице. Сон Урузмага уносит его в мир детства. Ему снится родное пастбище, его овцы и он — юный пастух. Автор изображает горный пейзаж, адекватное прочтение которого мы видим и в переводе. Картины природы в переводе так же образны, ярки, привлекательны. Постепенно светлые картины природы во сне сменяются темными красками. На паст-

бище появляются волки (в переводе — чудовище), грозящие его овцам. «*Кæсы æмæ къуыбырыл рабадтысты æртæ бирæгъты, сау-сауид, галыйæстæ, сæ дзыхтæ — хæлиу æмæ сырх-сырхид, бинаг дæндæгты тæлм бирæгъты комы урс цафхады хуызæнæй зыны*»⁴⁴⁹. Этот отрывок передает тяжелое и душевное напряжение героя во сне, его смятение, после чего он просыпается. Джусойты в переводе находит адекватные в эмоциональном отношении лексические средства для передачи внутреннего состояния Урузмага: «*И видит, из-за скалы смотрит на него какое-то чудовище. Большое, черное, безобразное, как раздувшаяся буйволиная туша. И видна пасть. Не голова, а только пасть — красные десны, а между ними широкая, мутно-белая полоса зубов полукругом-подковой...*»⁴⁵⁰. Перевод, как и оригинал, в одинаковой эмоциональной тональности передает душевные переживания Урузмага. Этот сон предшествовал новости о неизлечимой болезни героя.

Большого мужества требовало от Урузмага знание близкой смерти. Не случайно в повести Н. Джусойты приводится притча о людях, узнавших от Уастырджи⁴⁵¹ о своем смертном часе. Надо сказать, в оригинале есть только упоминание об этой притче, в переводе же она приводится

---

⁴⁴⁹ Н а ф и. Адæймаджы мæлæт. Уацау // Н а ф и. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976. — Ф. 63.

⁴⁵⁰ Д ж у с о й т ы Н. Г. Возвращение Урузмага. Повесть // Д ж у с о й т ы Н. Г. Реки вспять не текут. Повести. С осетинского перевел автор. М.: Советский писатель, 1981. — С. 5-6.

⁴⁵¹ Уастырджи — в осетинской мифологии самое почитаемое божество, покровитель мужчин, путников и воинов. В религиозно-мифологическом сознании осетинского народа он занимает почетное место. К нему в молитвах люди обращаются за помощью. Ни одно осетинское застолье не обходится без обращения к Уастырджи. Особое место Уастырджи (или, как его еще называют, «Лæгты дзуар» («Покровитель мужчин»)) занимает в фольклоре. Он является одним из самых популярных персонажей легенд, сказаний, преданий осетин. В нартском эпосе Уастырджи является небожителем, отцом покровительницы нартов Сатаны. Ежегодно в ноябре осетины широко отмечают праздник Уастырджи.

полностью. Переводчик дополняет переводной текст новой информацией.

«Мае хъуыддагтае æркæсон!» («Присмотрюсь к своим делам») — под таким девизом Урузмаг живет последние два месяца. С этими мыслями он возвращается в родное село. Во второй части повести — «Уырызмаеджы фæстаг балц» (в переводе части не озаглавлены) — описывается дорога главного героя из больницы домой. Какой длинной она показалась ему! Перед Урузмагом проходит вся его жизнь. Он вспоминает детство и юность: *«Диссаг у, æвæдза, лæгвæндаг дæр, цардвæндаг дæр... Авдæнæй — мады хъæбысмæ, мады хъæбысæй — артдзæстмæ, артдзæстæй — къæсармæ, стæй уæд уæзæгмæ, хъæууынгмæ...»*⁴⁵². В переводе этот абзац генерализирован, но сложные переживания героя, его мысли о жизни и ее скоротечности нашли отражение в отрывке перевода. Жизнь на земле не прекратится, уверен Урузмаг, и после его ухода. В этом заключается и основная мысль автора.

Большую часть повести составляют дела Урузмага, его помощь родным, близким, односельчанам, которые даже не догадываются о его болезни. Понимая неизбежность своей смерти, Урузмаг хочет прожить свои «два месяца», созидая. Он стремится помочь своему старому соседу Тоде с ремонтом мельницы, вдове Гассион чинить хлев, двоюродному брату Уасилу со свадьбой сына. В какой-то момент он забывает и о болезни. Урузмаг включается в созидательный труд. Есть в данной части текста отрывки, интересные для характеристики интерпретации переводчиком этих мест. Так, небольшое содержательное расхождение с оригиналом мы наблюдаем в переводе фрагмента приезда младшего сына Урузмага из города в село к отцу. В оригинале, в отли-

---

⁴⁵² Н а ф и. Адæймаджы мæлæт. Уацау // Н а ф и. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976. — Ф. 80-81.

чие от перевода, отсутствует эпизод с радио, нет размышлений отца и сына о молодом поколении. Расходится сюжетная линия и в эпизоде продажи коня Урузмага. В оригинале Урузмаг отдает коня Тоде до свадьбы сына Уасила, в переводе — после.

Четвертая часть произведения, безусловно, самая трагическая, самая напряженная. Уход Урузмага в мир иной по накалу страстей занимает в осетинской литературе едва ли не первое место. И поэтому перед Джусойты-переводчиком стояла задача — суметь добиться у русскоязычного читателя адекватного восприятия описываемых здесь событий. Этого, безусловно, достигает своим мастерством Н. Джусойты. Перевод этой части близок к оригиналу по описываемым здесь внутренним переживаниям. В ней лишь отсутствуют заключительные строчки повести: рассуждения автора и цитаты о смысле жизни, о месте человека на земле, о судьбе каждого человека.

Проблема передачи национального колорита не менее актуальна для переводчика, автора оригинала. Знание быта, культуры, менталитета родного народа не гарантирует их адекватной передачи в переводе. Для некоторых переводчиков собственных произведений стирание национального колорита является самоцелью. Авторы-переводчики сознательно заменяют в переводном тексте компоненты, детали, образительно-выразительные средства исходного текста другими из-за их неактуальности в новой культурной среде.

В творчестве некоторых писателей черты национального своеобразия проявляются особенно ярко. Их произведения наиболее близки к народной тематике и быту. Трудность при переводе данных произведений усложняется передачей национального колорита. Должен ли переводчик сохранить интенции, намерения автора, перенести национальную специфику в текст перевода или при-

близить переводной текст к культуре переводящего языка? Тут мы вполне согласны со многими теоретиками и практиками художественного перевода, считающими, что вольное обращение с национальным колоритом в переводе недопустимо, не надо переносить чужое произведение на свою, родную, почву, делать его своим⁴⁵³. В противном случае происходит измена автору, отрыв его от национальных корней. «Художественный перевод, — по мнению И. А. Кашкина, — должен показать читателю чужую действительность и ее «чужеземность», донести до него стилистическое своеобразие подлинника, сохранить текст в «его народной одежде»⁴⁵⁴.

В переводе повести Нафи «Адаёймаджи мæлæт» («Возвращение Урузмага») переводчик стремился сохранить национальную специфику оригинала, которая выражается в передаче жизненного уклада, менталитета осетинского народа, в психологии, характере главного героя Урузмага, в мотивах его поступков.

Одним из наиболее ярких показателей национально-культурной специфики произведения является изображение в тексте *особенностей осетинского этикета*. Широко представлены в повести обычаи и традиции народа. В оригинале автор изображает традиционное празднование осетинской свадьбы с присущими ей обрядами. Этикет осетинского застолья, почтение младшими старших, гостеприимство — все эти составляющие национальной культуры нашли отражение и в переводе.

В повести описан обычай коллективной помощи наиболее бедным и нуждающимся — *зуу*. Главный герой Урузмаг вместе со своими друзьями Басилом и Зурой отремонти-

---

⁴⁵³ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — С. 104-116; С д о б н и к о в В. В., П е т р о в а О. В. Теория перевода. М.: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. — С. 112-141.

⁴⁵⁴ К а ш к и н И. А. Для читателя-современника. М., 1968. — С. 457.

ровали старую мельницу, которая нужна всему селу, пришли на помощь бедной вдове Гассион для почина ее хлеба. В данных эпизодах повести писатель отражает национальный характер, быт горцев. Художественный перевод сохраняет особенности подлинника в отношении бытовых деталей и общего колорита.

Неотъемлемой частью проявления национально-го колорита в произведении являются *слова-реалии*⁴⁵⁵. Для Н. Г. Джусойты-переводчика труднопереводимость данных языковых единиц усложнялась еще и тем, что язык оригинала был для него родным, и слова-реалии воспринимались им как привычные. Здесь обычно перед переводчиком возникает «неразрешимая дилемма — или показать специфику и впасть в «экзотику», или сохранить привычность и утратить специфику»⁴⁵⁶, заменив ее спецификой переводящего языка. Джусойты хорошо понимал, что для изображения фона действия повести необходимо сохранить реалии и в переводе.

В повести «Ада́ймаджы ма́лает» мы находим немало слов, выражений, обозначающих так называемые реалии. С их помощью писатель широко и разнообразно знакомит русскоязычного реципиента с богатой культурой осетинского народа. Показателями ее являются наименования обычаев, одежды, пищи, напитков и т. д. При их передаче в переводной текст автор находит эквиваленты: «сылы» — «сыворотка», «агъдау» — «обычай», «арынг» — «корыто», «сыкъта» — «рог», «куывд» — «пир», «фа́ндыр» — «гармонь» и т. д. В тексте оригинала также содержатся реалии «цухъхъта» — «черкеска», «куырат» — «беишет». Как видим, при

---

⁴⁵⁵ Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. — С. 124.

⁴⁵⁶ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Издательский дом «Филология три»; СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — С. 318.

их переводе Н. Джусойты нашел аналоги, сохранил не только семантику слов, но и сумел передать их колорит, национальную окраску. Но неверен, на наш взгляд, перевод реалий «*кæрдзын*» — «*пирог*», «*хъæу*» — «*деревня*». Им вполне можно было подобрать равнозначные эквиваленты — «*чурек*», «*аул*» или «*село*», а не передавать общее понятийное содержание слов-реалий.

При передаче слов, обозначающих национально-специфические особенности жизни и быта народа, Джусойты также использует описательный перевод, объясняет значение той или иной реалии: «*надзахи*» — «*плотничий топор*», «*уæливыхтаæ*» — «*пирог из сыра*». В случае же отсутствия словарного соответствия слову, переводчик использует контекстуальный перевод, содержание реалии передается при помощи трансформированного соответствующим образом контекста: «*гуыдын*» — «*свадебный пирог яичным желтком*», «*бæркад зæгъын*» — «*тост за изобилие на земле*», «*уайсадын*» — «*сноха, по обычаю, не могла говорить со свекром*». Здесь, по нашему мнению, есть небольшие неточности в переводах. Так, реалия «*гуыдын*» имеет в толковом словаре осетинского языка более полное определение — «*большой пирог с кусками соленого сыра, приготовляемый в особых случаях: во время свадьбы, на праздник новорожденных мальчиков и т.д.*»⁴⁵⁷. Реалию «*уайсадын*» вполне можно было перевести как «*обычай избегания невесткой свекра*». Несмотря на эти неточности, метод, избранный Н. Джусойты при передаче национальной специфики образов оригинала, позволил избежать излишней экзотики.

Осетинские названия «*гыцци*» («*мама*», «*мать*», «*бабушка*»), «*фынг*» («*стол-тренога*»), «*туман*» («*десять рублей*»), «*фарн*» («*мир*», «*спокойствие*», «*благополучие*»),

---

⁴⁵⁷ Толковый словарь осетинского языка в 4-х томах. Под общей редакцией Н. Я. Габараева. Т. 2. М.: Наука, 2010. — С. 203.

«арака» («алкогольный напиток»), «зуи» («коллективная помощь немощным людям») передаются в переводном тексте в их исконном написании, в транслитерации. Джусойты сумел донести до русскоязычного читателя особенности быта осетинского народа.

В подлиннике встречаются «иноязычные вкрапления» – «падишах», «коходзита», слова, являющиеся чужими как для носителя осетинской, так и для представителя русской культуры. Их Джусойты переносит в текст перевода в иноязычной форме. Здесь, на наш взгляд, можно было пояснить незнакомую русскому читателю грузинскую реалию «коходзита», обозначающую разновидность обуви.

Во избежание подмены национального колорита Н.Г. Джусойты вообще отказывался от передачи в переводном тексте следующих слов-реалий: «ныхас» («место сходок осетинских старейшин»), «къаес» («избушка», «хатенка», «хижина»), «задта» («ангелы»), «дзуартта» («божества»), «гуылта» («пирог», «пирожок», «хлебец»). Они не представлены в тексте перевода.

Чтобы сохранить национальный колорит фамилий и имен большая их часть транскрибируется. Исключение составляет перевод следующих собственных имен: «Сарат» (собака Урузмага) — «Мила», «Уасил» — «Басил». При переводе антропонимов «Барастыр», «Уастырджи», Как видим, в переводе одни онимы заменяются другими. «Аминон» Н. Джусойты дает в сносках комментирующее пояснение к ним. Например: «Уастырджи — языческое божество, покровитель мужчин, воинов, путников», «Барастыр — в осетинской мифологии привратник царства мертвых», «Аминон — царь мертвых». Правда, авторы словаря «Этнография и мифология осетин» А.Б. Дзадзиев, Х.В. Дзуцев, С.М. Караев отмечают у Барастыра и Аминона совсем противоположные функции в загробном мире. Барастыр обозначен

владыкой загробного мира⁴⁵⁸, а Аминон — «грозный страж ворот «Страны мертвых», куда можно попасть только до заката солнца»⁴⁵⁹. И только по распоряжению Барастыра Аминон открывает ворота в «Страну мертвых». Такие неточности в описании осетинской мифологии, как представляется, могут привести к искажению у русскоязычного читателя объективной информации.

В качестве сравнения в тексте оригинала приводится фольклорный образ — герой нартского эпоса — Сырдон. Для сохранения национально-культурной специфики подлинника переводчик мог бы перенести имя указанного героя в переводной текст путем транскрипции. Но этот метод перевода собственного имени в этом случае неприемлем, т.к. вышеуказанный антропоним в тексте выполняет совсем иную функцию. Сравним оригинал и перевод: «– *Уæдæ ма фырыл Сырдоны фыры ми æрцыд*» — «На моего валуха, что ли, зуб точил?». Буквальный перевод данного контекста — «С моим бараном случилось то же, что и с бараном Сырдона» — был бы не совсем понятен русскоязычному читателю, так как он не совсем знаком с сюжетами нартского эпоса и его персонажами.

Интересен перевод названий местности. При передаче географических наименований необходим индивидуальный подход. Переводчику приходится учитывать ряд особенностей, которые он не может игнорировать: «степень «знакомости» и «распространенности» как самого слова, так и его референта, колорит и контекст, прежде всего широкий, но, в первую очередь, может быть, степень «освещенности» слова в переводимом тексте»⁴⁶⁰.

---

⁴⁵⁸ Дз а д з и е в А. Б., Дз у ц е в Х. В., К а р а е в С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. — С. 36.

⁴⁵⁹ Там же. — С. 15.

⁴⁶⁰ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — С. 52.

В повести «Ада́ймаджи ма́лает» встречается несколько топонимов. В одних случаях Джусойты переносит их в транслитерации/транскрипции: «Дзауджыхъау» — «Дзауджикау», «Калак» — «Калак», «Маэскуы» — «Москва». Когда транслитерация/транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна, просто калькирует: «Ривæддон Тæрс» — «Пастушья чинара», «Стыр фæз» — «Большая поляна», «Лæбырдты рагъ» — «перевал Большие оползни». При переводе топонима «Калак», по нашему мнению, можно было для русскоязычного читателя пояснить, что это местное название Тбилиси.

К деталям, передающим национальный колорит произведения, относятся *пословицы, поговорки, идиомы*. Они представляют особую трудность для переводчика не только своей формой, но и тем, что обладают ярко коннотативными и обобщенно-переносными значениями.

Фразеологизмы занимают едва ли первое место среди труднопереводимых единиц языка. Выражая национальную окраску и имея в основе обобщенно-переносное значение, эти устойчивые единицы языка не всегда могут быть адекватно переданы. Мы вполне согласны с тем, что «природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа...»⁴⁶¹. И неверная их передача в переводном тексте может исказить представления читателя о культуре, быте, истории народа.

Проблеме перевода фразеологических единиц посвящено немало работ. В равной степени этого вопроса касались в своих трудах Я. П. Рецкер, В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, С. Влахов, С. Флорин и др. Вопрос о сохранении наци-

---

⁴⁶¹ А р т е м о в а А. Ф. Особенности перевода единиц с культурной семантикой // Перевод: язык и культура. II форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии. Ереван: Лингва, 2009. — С. 69.

онального колорита и образности исходных фразеологических единиц в переводном тексте все еще остается актуальным в современной науке о переводе.

Передача фразеологизмов в автопереводе облегчается тем, что переводчик легко распознает их в тексте и раскрывает значения единиц. Но остается проблема подыскать адекватные языковые средства, что далеко не просто. Проследим, как преодолевал эти трудности Н. Г. Джусойты при переводе повести.

В произведении Нафи встречается немало фразеологизмов с ярко выраженной национальной спецификой. Для их перевода писатель использовал различные приемы. В автопереводе Н. Джусойты стремился к идеальному переводу — фразеологизм переводил фразеологизмом: «*йахи сагъаесты аныгъуылд*» — «ушел в себя», «*адзал 'рцъид*» — «пришел смертный час», «*ме 'муд куы 'рцъидтæн*» — «пришел в себя», «*уа фарн уын нæ фесафттой*» — «честь вашу не уронили», «*уд сисдæн*» — «вынет душу», «*удагасæй мард нæ дæн*» — «неживой покойник», «*мæ къухы схъомыл*» — «на моих руках вырос». Фразеологические эквиваленты переводящего языка равноценны переводимым единицам в денотативном и коннотативном значениях, имеют приблизительно одинаковый компонентный состав.

За отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов Джусойты передает в максимально ясной, краткой форме содержание фразеологической единицы: «*гæдыныхæстæ кæндæн*» — «будет врать», «*мæрды рох мыл бафтыд*» — «забыл», «*нал ахсы хуыссагъ*» — «не спится», «*цæсгом нал хъæацы*» — «стыдно». На наш взгляд, не совсем верно в переводе передано содержание следующих фразеологических единиц: «*мæ сæраен нæ уыдтæн*» (в значении: «растерялся»; «не знал, что делать») — «не смог», «*фыдабонагæй марыс*» («мучаешь») — «возишься».

Не находя в переводящем языке полного или частично-го соответствия переводимой фразеологической единице, переводчик вынужден прибегать к ее толкованию: «*фыццаг ам чи рцард амаэ дзы йаэ даендаг чи рафтыдта*» — «кто жил здесь от рождения до смерти», «*уый ма аерцахстой Уырызмаэджы хъустаэ*» — «это было последнее, что услышал Урузмаг». Нефразеологический перевод дал возможность Н. Г. Джусойты путем лексических средств не нарушить контекст.

Ввиду отсутствия подходящего аналога или замены фразеологизм переводчиком дается буквально: «*маэрдтаэм хъар каэндзыстаэм*» — «из страны мертвых вызывать будем», «*маэнаэн ма армы ницы ис ныртэккаэ*» — «ничего нет такого, чтобы на ладонь положить».

Прежде чем приступить к переводу того или иного фразеологизма, переводчик должен понять, какая мысль передается с помощью данного устойчивого оборота. Затем в переводящем языке подбирается соответствующее фразеологическое выражение. Здесь хочется обратить внимание на перевод фразеологизма «*маэ дзул лаэвард фаэци*» в значении «закончил свою работу», «сделал свое дело». Тут Джусойты в русском языке находит фразеологический эквивалент — «солдат свое дело сделал», который обладает тем же денотативным значением, что и единица в переводимом тексте.

Если переводчик не находил аналога или буквальный перевод был невозможен, просто опускал фразеологизм подлинника. Так, не представлены в русскоязычном тексте следующие фразеологические единицы: «*ныфсытаэ авэрын*», «*сагъаэс каэнын*», «*фаэндиаг каэнын*», «*уым ахицаэн йаэ хабар*», «*маэ зынг ныххуыссыд*», «*даэ хъус саэм цауылнаэ фаэдардтай*», «*йаэ зердаэиы тыппыртаэ куы суагъта*», «*чызджытаэй алчидар йаэхи хадзары рдаэм ивазы*». Хотя для полной пе-

редачи национальной окраски вышеперечисленные фразеологизмы можно было бы в переводе сохранить.

Не вполне адекватный перевод, на наш взгляд, мы видим в случае передачи на русский язык фразеологизмов: «*уадмаэ... на комыфыдта арцаудзысты*» (в значении «похудеем», «исхудаем») — в переводе: «*к тому времени мы без зубов можем остаться*», «*дахи рихи даер хорз даст у*» — «*видно по тебе, что всю жизнь бороды брил*». Данным фразеологическим единицам можно было найти в переводящем языке аналоги — «*останутся кожа да кости*» и «*сам себе на уме*».

Не вполне уместен, по нашему мнению, антонимический перевод фразеологизмов «*рухс у йаэ зардаэ*» — «он бывал за столом более озорным и веселым», «*зардаэ бауынгаэг*» — «обрадовался». В словаре русского языка мы нашли равнозначные эквиваленты: «*рухс у йаэ зардаэ*» — «на душе у него светло» или «у него на сердце радость», «*зардаэ бауынгаэг*» — «на сердце грусть» или «сердце сжалось (щемит, ноет)».

Активное использование пословиц, поговорок в художественных произведениях придают текстам красочность, особую стилистическую и эмоциональную окраску, которая непременно должна быть воспроизведена в переводном тексте. По своей структуре паремии близко стоят к фразеологизмам, но все же имеют свои лингвистические особенности. «От остальных устойчивых единиц пословицы отличаются 1) своей синтаксической структурой: пословица — всегда четко оформленное предложение, и 2) тем, что единицы пословичного типа выражают суждение, обобщенную мысль, мораль (нравоучение) и т.д. в отличие от остальных ФЕ (фразеологических единиц — Е. Д.), обозначающих обычно понятие или предмет»⁴⁶². Переводчик

---

⁴⁶² В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — С. 179.

художественного текста, сталкиваясь с проблемой перевода паремий, должен также стремиться сохранить их краткость, законченность, дидактическое содержание. «В любой культуре как пословицы, так и устойчивые выражения отражают «существующую действительность», социальную реальность, экстраполируя ее в устойчивой образной форме, принимаемой и распознаваемой всеми членами языкового сообщества, а язык перевода выкраивает эту социальную реальность с помощью своих средств, своего кода, и дает, таким образом, свой «оригинальный» вариант»⁴⁶³.

Способов передачи паремий исходного текста несколько. Прежде чем приступить к их переводу, переводчик для себя решает, какой способ передачи считает приоритетным. А. С. Киндеркнехт определяет, что в процессе переводческой деятельности существует множество противоречивых ситуаций, которые влияют на выбор переводчика: наличие/отсутствие контекста; однозначность/многозначность пословицы; наличие/отсутствие культурных реалий в пословице; различные цели перевода пословицы⁴⁶⁴.

Оптимальным способом передачи паремий исходного текста является нахождение в словаре переводящего языка готового соответствия. Эти поговорки/пословицы двух сопоставимых языков совпадают по смыслу и построены на основе идентичных образов. В так называемых полных эквивалентах совпадают образность и семантика составных компонентов.

Примером идеального перевода может послужить передача в повести следующих пословиц и поговорок: «*Едылы*

---

⁴⁶³ P r i v a t М. Ю. Propos de la tradition des proverbs // Revista de Filologia Romanica. №15, 1998. — Р. 281-289. Цит. по ст.: К и н д е р к н е х т А. С. К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. Вып. 10 (16). Пермь, 2007. — С. 282.

⁴⁶⁴ К и н д е р к н е х т А. С. К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. Вып. 10 (16). Пермь, 2007. — С. 9.

лаг фыдæбонай дарддæр цы кæны йæхицæн» — «Глупая голова и себе и другим покоя не дает» (рус. «Дурная (непутевая) голова ногам покоя не дает»), «*Раджы бадаг æвæсмонны зарæг кæнаг*» — «Кто рано встает, добро находит» (рус. «Кто рано встает, тому Бог подает»), «*Кæрицæй хæдон — хæстæгдæр*» — «Рубаха к телу ближе, чем шуба» (рус. «Рубаха кафтана к телу ближе», «Своя рубашка к телу ближе», «Своя кожа рубахи дороже»).

Джусойты, как видим, находит в переводящем языке семантические эквиваленты паремиям переводимого текста с близкой образностью; русскоязычные варианты соответствуют осетинским. Переводчик использует поговорки и пословицы, действительно имеющиеся в переводящем языке. Передача исходных паремий с помощью равнозначных единиц помогает сохранить благозвучный эффект поговорки/пословицы, максимально воссоздать ее форму.

Наиболее распространенный способ передачи паремий оригинала — дословный перевод. К нему прибегает переводчик, когда не находит в языке перевода полного, частичного эквивалента или аналога. Этот способ перевода чреват потерей образности исходной единицы, но в то же время помогает передать ее национальную специфику. Обычно дословный перевод паремии требует определенного пояснения. Для этого автор перевода нередко «сопровождает» ее комментарием.

Сложность для переводчика повести «Возвращение Урузмага» Н. Г. Джусойты вызвал перевод поговорок и пословиц, не имеющих близких образных параллелей. В этом случае самопереводчик использует дословный перевод. В переводном тексте сохраняет лексическое значение слов, составляющих исходную паремию: «*Куыдзы кой ракаен æмаæ лæдзæг дæ къухмæ райс*» — «Помянул собаку — возьми палку в руку» (рус. аналоги: «Легок на помине», «О волке помолвка, а волк и

тут», «Говорили про волка, а волк у порога», «Про волка речь, а он навстречь», «Его помяни только, а он и тут»), «Зæронд бирæгъ дыгæйттæ хæссы» — «Старый волк в одной пасти двух овец тащит» (рус. «Старый конь борозды не портит», «И стар, да удал — за двоих стал»), «Цард мыды къус куы уа, уæддæр дзы лæг сфæлмæцид» — «Попробуй три дня подряд мед есть — солому жевать согласишься» (рус. «Сладок мед, да не по две ложки в рот»), «Хорзæн бын ма скаен, æвзæраен бын ма ныууадз» — «Дурному сыну не оставляй наследство» (рус. «Глупому сыну не в помощь наследство»), «Карды комыл оффытæй нал у» — «Под ножом кровника мольба — не спасение» (рус. «Чему быть, того не миновать», «Некуда оглядываться, когда смерть за плечами»).

Буквально переводит и следующие паремии: «Хæдзараразаг лæгæй, дам, калм дæр тæрсы, йæ дзыппы, дам, мæ куы авæра синаджы 'фсон» — «Человека, который дом себе строит, даже гадюка боится: вдруг меня за веревочку примет и в карман сунет?» (рус. «Расчетливый хозяин найдет место каждому гвоздю»), «Æрæджиауы хорз ныхас афоныл æвзæр ныхасæй æвзæрдæр у...» — «Даже обычное слово, вовремя сказанное, лучше, чем запоздалая мудрость» (рус. «Все хорошо в свое время», «Всеу свое время», «Всякой вещи свое время», «Во время поры точи топоры, а пройдет пора — не надо и топора», «Правда хороша вовремя»), «Нæдæр уæхст басыгъд, нæдæр физонаг» — «И шашлык не обуглился, и вертел не сгорел» (рус. «И волки сыты, и овцы целы»).

В отдельных случаях труднопереводимость паремий вынуждает переводчика отказаться от них в переводном тексте. Так, не представлены в повести «Возвращение Урузмага» следующие паремиологические единицы оригинала: «Зынг загъынай ком нае судзы» (рус. «Сколько не говори халва, во рту слаще не станет»), «Лæджы цæст фæллоуæ кæд æфсæст»

(рус. «Глаз не накормишь», «Сытых глаз на свете нет», «Глаза шире брюха», «Весь сыт, а глаза все голодны»), «Алкамаен йа лауыз — йа маэрдтаен» (рус. «Каждому — свое», «Всяк сам себе дороже», «Всякому свое дороже»), «Харзэбонь йа афоньл куынаэ бацауай, уад маэлат даума аенхъаелма кам каэсдзэни» (рус. «Торопись на доброе дело, а худое само приспеет»), «Цардаэй маэлаты 'хсаен цыбыр фаэндаг ис» (рус. «От жизни до смерти — шаток»⁴⁶⁵), «Цаэст кэй нэ уына, уый зардаэйа дэр рох у» (рус. «С глаз долой — из сердца вон»).

Бывают случаи, когда переводчик для придания тексту большей образности, выразительности специально насыщает его поговорками/пословицами. Чтобы передать смысл той или иной переводимой единицы использует готовую поговорку, наиболее подходящую по контексту. Так, Н. Г. Джусойты в автопереводе повести «Возвращение Урузмага» единицу оригинала переводит поговоркой или пословицей: «На йын хъуыди дзурын» — «Сказанное слово — что лавина в горах» (рус. «Слово не воробей, вылетит, не поймаешь»), «Сказано — сделано», «Сказанное слово — пущенная стрела», «Выстрелив, пулю не схватишь, а слово сказав, не поймаешь», «Выговоренное слово уже нельзя проглотить», «Сказанное слово не может вернуться», «Рис рассыплешь — собрать можно, слово скажешь — назад не вернешь»), «Уаэлама стга, заронд хебро, афон у!» — «Кто с зарей встает, того удача ждет!» (рус. «Раньше вставай да сам наживай!»), «Наживать, так раньше вставать», «Кто пораньше встает, тот грибки себе берет, а сонливый да ленивый идет в поле за крапивой»), «Нал ивын маэ бынат» — «От добра добро искать» (рус. «От добра добра не ищут»), «Ныры дуджы баэхэен ницыуал аргэ ис» — «Нынче коню, даже

---

⁴⁶⁵ Д а л ь В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: в университетской типографии, 1862. — С. 295 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/430153/> (дата обращения: 21.07.2013).

дареному, в зубы смотрят» (рус. «Дареному коню в зубы не смотрят»). Или вовсе насыщал переводной текст следующими осетинскими поговорками и пословицами: «И ворона свое гнездо за царский дом принимает» (рус. «Всякая птица свое гнездо любит (хвалит)»), «Старый вол воды попьет, а бычок лед полижет» (рус. «Старик, да лучше семерых молодых»), «Старый волк знает толк»), «Чтобы плетень перейти, выбирай, где пониже» (рус. «Нельзя перескочить, так можно подлезть»), «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше»), «Мужчина без хозяйки, как дом без крыши» (рус. «Без жены мужчина, что вода без плотин», «Муж без жены — что гусь без воды», «Без жены — что конь без узды»).

Одним из средств речевого этикета в тексте выступают афоризмы — краткие изречения, в которых обобщена глубокая мысль автора. При переводе нужно учитывать не только содержание того или иного афоризма, но и стремиться сохранить его лаконичную, отточенную форму, национальный колорит. Встречающиеся в исходном тексте афоризмы переводятся буквально: «Мад йæ хъæбулæй фылдæр кæуыл фæфыдæбон кæны, уый фылдæр уарзы» — «Матери дороже всех тот ребенок, с которым больше всех мучилась и нянчилась», «Адæймаг адæймагæн исты хорзы бацæуынхъом куы нæ уа, уæд цы у йæ цард» — «Человеку надо радость иметь — людям добро делать», «Æнæбары цардæй мæлæт хуыздæр у» — «Лучше умереть, чем быть людям в тягость» и т.д. Как видим, афоризмы переводного текста сохранили форму, а также коннотативное значение (намеки, аллюзии) их источников.

Не менее актуальные проблемы затрагивает в своей повести Т. И. Джатиев. Цикл новелл, объединенных автором в повесть «Мæ урс дадалитæ»⁴⁶⁶, охватывает период с начала

---

⁴⁶⁶ Д з а д т и а т ы Т. Мæ урс дадалитæ. Назирагты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965. — 181 ф.

XX в. вплоть до разгрома фашистских оккупантов и восстановления народного хозяйства на селе. Воспоминания главной героини Назират о своей нелегкой судьбе легли в основу повести. Автоперевод сохранил особую манеру повествования, но в целом переводной текст, как представляется, отмечается средней степенью адекватности. Укажем на некоторые расхождения в сопоставимых текстах. Например, мы не увидим в переводе многих сюжетных линий, в некоторых новеллах меняется место действия (Ногкау → Беслан), расходится и количество глав (в оригинале 13 глав, в переводе — 16). Автопереводчик дописывает не вошедшие в подлинник моменты (описание осетинской свадьбы; в оригинале вскользь упоминается о смерти Ленина, в переводе этому событию посвящены 2 главы) и, наоборот, игнорирует в переводе предисловие. Не всегда адекватно переданы и названия глав. Местами в переводе Т. И. Джатиев смешивает ход событий, сдвигает сюжетные линии. Но, несмотря на эти расхождения, текст перевода легко читается и воспринимается.

Богато представлены фразеологизмы в повести Т. И. Джатиева. Для их передачи автор перевода, как кажется, не всегда находил адекватную замену: «*мæ зæрдæ куы ныддур, мæ фæрстæ куы фæтаныци*» — «*свет сойдется клином*». Чаще всего Т. Джатиев в переводе просто опускал фразеологическую единицу. Так, нет в переводе следующих фразеологических единиц оригинала: «*туджджыны цæстæй йæм касы*», «*сæ цæстытæ нал истой*», «*зæрдæ нæ куймдта*», «*йæ тъæнгтæ кæмæн ацагъта*», «*мæхицæн ныфсытæ æвæрдтон*», «*цæстыныкъуылдмæ*», «*ме 'муд æрцыд*», «*асаст йæ хъару*», «*мæ зæрдæ асаст*» и т.д. И наоборот, в автопереводе для передачи смысла оригинала активно использует русские фразеологизмы: «*наговорили семь верст до небес*», «*места себе не находил*», «*с первыми пету-*

хами», «смогут языками чесать», «нос не задирают», «идти с сумой по миру», «не ради красного словца», «влез он мне в душу», «жить душа в душу», «держите все же ухо остро», «гнуть до седьмого пота», «и в ус бы не дули», «сними камень с души», «задам я вам перцу» и т.д.

Для передачи поговорок и пословиц оригинала в автопереводе Т. Джатиев также использовал дословный перевод. Например: «*Маэгуырыл, дам, дур хæрдмæ тулы*» — «На бедного, говорят, и падающий камень вверх катится», «*Мæлдзыгæн йе 'сæфт куы 'рæуы, базыртæ йыл уæд базайы*» — «Говорят, когда муравей погибает, у него крылья вырастают», «*Куыдз, дам, къуылыхæй нæ мæлы*» — «От хромоты собака не подыхает». Не находя в переводящем языке взаимозаменяемых паремий оригинала, Т. Джатиев в автопереводе повести просто опускал их. В переводе отсутствуют аналоги следующих паремиологических единиц: «*Тагъд дон фурды не 'ийафы*» (букв. «Быстрая река не изливается в море»; рус. «Поспешишь — людей рассмешишь», «Быстрая вошка первая попадает на гребешок», «Быстрая лошадь скорее станет»), «*Æргом дзырды къæм нæй*» (букв. «В откровенности нет порока»; рус. «Правдивое слово — сила», «Правое слово велико», «Слово толковое стоит целкового»), «*Мæсыг хи дураæй хæлы*» (букв. «Башню рушит собственный камень», «Башню разрушают ее же собственным камнем»; рус. «Клин клином вышибают (выбивают)», «Клин клином выживается, вор вором губится»), «*Бас, дам, кæй басудзы, уый доныл дæр фу кæны*» (рус. «Обжегшись на молоке, дует на простоквашу», «Кто обжегся на молоке, тот дует на воду»).

Иногда для передачи смысла подлинника использовал русские поговорки: «*Голь на выдумки горазда*», «*На людской роток не накинешь платок*», «*Куда иголка, туда и нитка*», «*Змея жалит, когда на нее наступаешь*». Как видим, Джатиев опускал идиомы с ярко выраженной национальной

окраской и старался приблизить перевод к новой, принимающей культуре.

Сравнительно-сопоставительный анализ разноязычных текстов показал: блестящее знание двух языков не гарантирует адекватности автопереводов. Каждый из переводчиков индивидуально подходил к переводу «своего» текста. Джусойты старался сохранить в автопереводе не только содержание, но и образность, национальный колорит исходного текста. Джатиев своей главной задачей считал донести основную мысль переводимого текста, забывая о «мелочах», которые не менее важны в целостной структуре произведения. Тем не менее автоперевод существует, и его адекватность полностью зависит от творческого подхода самого переводчика.

3.2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ АВТОРИЗОВАННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА М. ЦАГАРАЕВА «МАДЫ ЗАРÆГ» — «МАТЕРИНСКАЯ ПЕСНЯ»)

Авторизованный (авторизированный) перевод как вид художественного перевода практически не изучен не только в осетинском, но и в русском литературоведении. Теоретически под авторизованный перевод могут попадать: 1) переводы, полностью сделанные профессиональным переводчиком и лишь на заключительном этапе формально утвержденные автором оригинального текста; 2) переводы, сделанные при относительно равноправном участии автора и переводчика; 3) переводы, осуществленные при исключительном участии автора и фрагментарном — переводчика, «контролирующего», прежде всего, лингвистическую сто-

рону перевода⁴⁶⁷. В авторизованном переводе автор оригинального текста полностью соглашается со всеми изменениями, которые переводчик вносит в его текст, и считает, что переводчик внес собственный вклад в его творческий замысел. При этом сам автор оригинального текста должен в совершенстве знать язык перевода.

Авторизованный перевод в осетинской литературе появляется в 1950-х гг., когда выходят художественные переводы романа Д. Джигоева «Непобедимая сила», рассказов Д. Мамсурова, пьес А. Токаева, стихотворений Д. Дарчиева, Г. Кайтукова. Авторизация особо популярной в осетинской литературе становится в 1960-80-е гг. Из-под пера русских переводчиков выходят один за другим переводы произведений М. Цагараева, Т. Джатиева, Л. Албека, М. Булкаты, Гафе-за (Федора Гаглойты), В. Малиева, С. Марзоева, Л. Харебаты, Г. Цагараева, А. Галуева, Д. Дарчиева, С. Джанаева, Г. Дзугаева, К. Маргиева, Б. Муртазова, М. Цирихова и др. авторов. В числе переводчиков были Л. Либединская, Ю. Либединский, Б. Руин, Н. Атарова, М. Дальцева, М. Бланкова, А. Дмитриева, Г. Фролов, Б. Авсарагов, А. Рохович, Л. Албек, А. Вольнов, Г. Чапчахова, В. Устинова, И. Законов, А. Щербаков, М. Максимов, Н. Козлов, Н. Горохов, А. Греков и другие.

Особой популярностью среди русских переводчиков пользовалось творчество М. Цагараева. Почти все произведения осетинского писателя были переведены ими на русский язык: повести «Пастух Черной горы» (пер. М. Бланковой), «Осетинская быль» (пер. М. Дмитриевой), «Когда пробуждаются камни» (пер. Н. Атарова, М. Дальцевой); рассказы «Памятник в горах» (пер. Л. Либединской), «Рождение песни» (пер. Ю. Либединского), «Чужой» (пер. Н. Атарова), «Украденная песня» (пер. Ю. Либединского), «Дым родного

---

⁴⁶⁷ Жуков Д., Ю. Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения: Роман В. Набокова «Дар»/«The Gift»: автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2002. — С. 22.

очага» (пер. Б. Рунина), «Наследники Аузби» (пер. Л. Либединской), «Благодарность» (пер. Б. Рунина) и др.; горские этюды «Дубок на скале», «Мать», «В горах» (пер. Н. Атарова и М. Дальцевой).

«Мады зарæг» («Материнская песня») занимает в творчестве М. Цагараева определенное место и входит в цикл послевоенных рассказов писателя. Авторизованный перевод рассказа выполнен Б. Руниным⁴⁶⁸.

Интерпретация является неотъемлемой частью процесса и результата художественного перевода. Переводчик, осмысливая оригинальный текст, преобразует и «подгоняет» его под новую, родную, аудиторию. На основе сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и перевода мы попытаемся выявить сходства и различия содержания текстов, степень соответствия друг другу.

В произведении писатель использовал композиционный прием «рассказ в рассказе». Основное повествование сливается с воспоминаниями главного героя Афыя из прошлого. Рассказ можно разделить на несколько частей, каждая из которых повествует об определенном этапе жизни героя.

В первой части произведения М. Цагараев показывает нам современную автору действительность. Вот перед нами концертный зал. На сцене стоит девушка и играет на скрипке. М. Цагараев описывает игру девушки, ассоциируя волшебные звуки с утренним пробуждением природы. С присущей ему детализацией описывает он картины природы, игру солнечных лучей, шум горной воды, звуки пастушьей свирели. Мелодия скрипки уносит зрителей в самое лоно природы.

---

⁴⁶⁸ Ц а г а р а е в М. Материнская песня // Ц а г а р а е в М. Осетинская быль. Повести. Рассказы. Этюды. Авторизованный перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1975. — С. 443-474; Ц а г а р а е в М. Материнская песня // Антология осетинской прозы/Составители Р.Х. Тотров, К.Х. Ходов. Орджоникидзе: Ир, 1983. — С. 308-336.

Что перед нами в переводе? В переводе данные отрывки оказывают такое же адекватное эстетическое воздействие на читателя, какое оказывают аналогичные отрывки оригинала. Для убедительности приведем примеры.

Оригинал: *«Райсомы тæнæг фæлм йæхи систа хæхты цъуппытæй, фыдæлтыккон мæсгуыты ихсыд фæрстæй, кæмтты нарджытæй. Хуры фыццаг тынтæ сæхи найыны ахсæрдзæнты фыццаг уылаенты, худыны дидинджыты æртæхæй æхсад къусджыты, бæлæсты уымæлсыфтæртыл... Дард кæмдæр дидинджытæй стахтысты фиййауы уадынды сагъæсджын зæлтæ, дымгæ сæ хæхты цъуппытыл ахаста, систа сæ мæсгуыты хæлд тигътæм, хъæуы ныхасмæ, ахсæрдзæны уылаентæм, кæмтты фæзилæнтæм.*

Æхсæрдзæны нæрын, дымгæйы къуыззит, дидинджыты сусæг ныхас, хæхты азæлд, ныхасы даргъ таурæгъ — æппæт дæр бау уадынды мыртимæ, чызджы алыварс, гыццыл фæндыры дзураг хъистыл»⁴⁶⁹.

Перевод: *«Предрассветная мгла уже рассеялась над горными вершинами, отступив к облупившимся стенам старинных башен, но все еще клубится над узкими ущельями. Первые лучи солнца купаются в кипящих струях водопадов, заглядывают в умытые росой чашечки цветов, переливаются на мокрых листьях деревьев... Где-то вдали возникают, словно из луговых цветов, звуки пастушьей свирели, а ветер уносит их к вершинам гор, к развалинам башен, к водопаду в ущелье, к нихасу в ближайшем ауле — этому традиционному месту сходов сельских жителей. И тайный шепот цветов, и свист ветра, и шум водопада, и раскаты эха в горах, и печальные звуки свирели, и даже нескончаемые людские пересуды на нихасе — все это чудесным образом вообрали в себя струны маленькой скрипки»⁴⁷⁰.*

⁴⁶⁹ Ц а г а р а т ы М. Мады зарæг // Ц æ г æ р а т ы М. Равзæрст уацмыстæ. 2 т. 2-аг том. Орджоникидзе: Ир, 1976. — Ф. 176.

⁴⁷⁰ Ц а г а р а е в М. Материнская песня // Ц а г а р а е в М. Осетинская быль.

Как видим, для создания эстетически адекватного художественного текста переводчик бережно выбирает словесные средства. Они образны, выразительны, читаются на одном дыхании. Приведенный текст, безусловно, труден для перевода. В тексте оригинала встречается немало образных средств языка: метафор, сравнений, эпитетов, олицетворений. Сложность перевода заключалась в том, чтобы суметь добиться у русскоязычного читателя адекватного восприятия описываемых картин природы.

Описываемый пейзаж показан через призму воображения главного героя — старика Афая. Игра внучки Дзерассы (в переводе — Заремы) уносит его в далекое прошлое, на заполненный односельчанами нихас. Афа́й вспоминает, как впервые увидел там свою будущую жену Азаухан Слонову, как покорило она его сердце своей волшебной игрой на фандыре, вспоминает и преграды, которые стояли на пути к их счастью.

Есть в данной части текста места интересные для интерпретации процесса перевода. Так, в тексте встречается немало слов-реалий, характеризующих быт, культуру осетинского народа. Например: «*фандыр*» — «*гармоника*», «*хъау*» — «*аул*», «*гаджидау*» — «*возгласы*», «*хъазт*» — «*пляски*», «*хъама*» — «*кинжал*», «*арахъхъ*» — «*арака*».

Как показывают приведенные нами примеры слов-реалий и их аналоги в русскоязычном варианте рассказа, переводчик стремился максимально сохранить их в переводе, наряду с предметным значением (семантикой), передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску. В одном случае он находит замену переводимому слову: «*фандыр*» — «*гармоника*», «*хъау*» — «*аул*», «*хъама*» — «*кинжал*», в другом — транскрибирует: «*арахъхъ*» — «*ара-*

Повести. Рассказы. Этюды. Авторизованный перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1975. — С. 444.

ка». Хотя, на наш взгляд, здесь следовало бы переводчику дать пояснение реалии, обозначающей алкогольный напиток осетин. Для того чтобы адекватно описать жизнь осетин в не столь далеком прошлом, переводчику необходимо было сохранить в переводном тексте наличие слов-реалий, с чем он успешно справился.

Но неудачен, на наш взгляд, перевод реалий «гаджидау» — «возгласы», «хъазт» — «пляски». Известно, что «гаджидау» — это не просто «возгласы», а тост, имеющий очередность произнесения во время осетинского застолья. В слове «хъазт» передал лишь общее понятийное содержание реалии. Лучше было бы употребить в тексте перевода более подходящий лексический вариант — «танец», а не «пляски».

Отрадное впечатление оставляет передача реалии «ныхас» — «нихас». Здесь переводчик использует описательный перевод: для русскоязычного читателя раскрывает значение слова при помощи развернутого пояснения — «традиционное место сходов сельских жителей».

Блестяще справился переводчик осетинского текста с переводом фразеологизмов и паремий (поговорок и пословиц). В процессе перевода, желая донести до читателя национальную специфику фразеологического образа, прибегал к его адекватной замене. Например: «цæстытæ ныссагътой» — «пялят глаза», «цæсгом арт суагъта» — «лицо его вспыхнуло», «дæ цард мæ къухты ис» — «твоя жизнь в моих руках». В другом случае переводил относительными эквивалентами: «сæ хъустæ сдарттой» — «затаили дыхание», «хуыссæджы цыртт нал федта» — «сон не шел к нему», «куыстытæй йæ сæр схъил кæнын йæ бон нæу» — «работает не разгибаясь». Порой переводчик отказывался от эквивалента и ограничивался объяснением значения фразеологизма: «цæстмæ митæ кæнынц» — «каждый старается привлечь внимание», «йæ удæй арт цагъта» — «старалась»,

«йæ маст аныхъуырдта» — «ничего не сказал обидчику».

Аналогичная схема перевода наблюдается и в случае с пословицами, поговорками, пожеланиями: *«Фæсмын дзабыр хæдбыны хуызæн нæ фидауы къахыл» — «Чувякам из домотканого сукна далеко до городских сапог», «Бæлас йæ гыццылæй куынае ’ртасын кæнай, уæд...» — «Дерево можно согнуть пока оно молодое», «Хорз амонд дæ хай» — «Желаю тебе счастья», «Йæ сызгъæрин къухтæ фæрнай фæдар» — «Чтобы ее золотые руки всегда приносили людям радость», «Нæ фыдæлты фæрнай хайджын у» — «Пусть снизойдет на тебя благодать наших предков».*

Как показали рассмотренные нами примеры переводов паремий и пожеланий, Б. Рунин старался сохранить их образность и найти в переводящем языке единицу с близкой коннотацией, обеспечив этим высокую степень адекватности всего текста перевода. Если же не находил адекватной замены, старался переводить с помощью лексических эквивалентов или эквивалентных по семантике свободных сочетаний слов.

Далее автор рассказа опять нас переносит в современность. Перед нами концертный зал, внучка Афая, ее бенефис. Афай не решается подойти к Дзерассе. Много лет старик не общается с матерью внучки. Но в чем причина? Ответ на этот вопрос читатель узнает из последующих воспоминаний Афая. Они уносят его в прошлое, в молодые годы. У него уже трое детей: Заира, Изета и младший сын Таймураз — любимец родителей. Однажды, в праздник Пасхи, дети Афая заигрались на улице и с младшеньким Таймуразом случилась беда. По нелепой случайности мальчик попал под колеса машины, управляемой парнем из рода Савлаевых. С давних пор был ненавистен род Савлаевых Афаяу.

А далее была война, фронт, смерть любимой супруги Азаухан. Калекой пришел с фронта Афай, одному пришлось

растить дочек. Но никогда не жаловался он на свою судьбу, мужественно переносил все невзгоды. Но она нанесла ему очередной удар. Старшая дочь Афая, его умница и красавица Заира, решила выйти замуж за парня из рода Савлаевых. Не смирился с этим Афай и перестал общаться с дочерью. Обзавелся во второй раз семьей. Новая жена Афая хорошо ладила с его младшей дочерью Изетой.

В этой части рассказа есть расхождения в текстах. В переводе отсутствует эпизод кражи у Хангуассы, жены Афая, золотых украшений. Виновницей кражи Хангуасса обвинила Изету. Не вполне идентичен перевод с оригиналом и в момент повторной встречи Заиры с возлюбленным. В подлиннике встреча произошла случайно на улице, в переводе же их свела его сестра, однокурсница Заиры. Но вышеуказанные расхождения в текстах никак не нарушают целостный смысл переводного текста, его идейно-эстетическое содержание.

В данной части текста также имеется немало идиом, адекватно переданных в переводе. Например, фразеологизмы: «*ныхас кæræдзи дзыхæй скъæфыниц*» — «*перебивая друг друга*», «*цæстмæ кæнын*» — «*пыль в глаза пускает*», «*маст исын*» — «*поквитаться с тобой*», «*зæрдæйы ныссагътой сæ дзæмбытæ*» — «*терзали ему сердце*», «*нæ мыггаджы сæрты нын ахызт*» — «*стояли нам поперек дороги*», «*йæ цæст йыл нал æрхæцид*» — «*скрылась из глаз*». Фразеологизм «*марг тадзын*» в контексте «*сæ марг тадзын байдыдтой Азауханы сыгъдæг зæрдæйы*» перевел соответствующим данному устойчивому выражению аналогом переводящего языка — «*родственники погибшего стали по каплям травить ядом наговоров невинную Азаухан*». Ввиду бессмысленности буквального перевода находил в русском языке замену «*туттæ йыл æрæмысыдысты*» — «*возводили напраслину на нее*». Фразеологизм «*уалдзыгон бон аскъуыд йæ зарæг*» пере-

водит адекватно «*оборвалась их песня*». Фразеологизму «*авд æвзаджы кæуыл базайы, ахæм у*» есть эквиваленты в русском языке — «*зубы заговаривает*», «*вешает лапшу на уши*». Но ввиду того, что русскоязычные аналоги не слишком удачно вписываются в контекст, переводчик решил заменить переводимую единицу оригинала по смыслу подходящим фразеологизмом — «*пускает пыль в глаза*».

Нет перевода фразеологизмов «*йæ хур аныгуылд*», «*зæрдæ фæтæхы*», переводчик «растворяет» их в тексте. За отсутствием аналога в переводящем языке переводил фразеологизм как обычное слово: «*йæ маст райста*» — «*посчитался*», «*сæ цæстытæ йыл æрæвæрдтой*» — «*оборачивались*».

Приведем примеры переводов паремий: «*Кæд цæфæй на мæлыс, уæд та дын рæхуыст*» — «*Если уж суждено человеку быть убитым, то для смерти безразлично — кинжалом его проткнут или дубинкой огреют*», «*Мады фарн мæрдтæм на цæуы*» — «*Материнское достоинство сумели унаследовать*». Перевод этих паремий адекватен по содержанию, а не по форме. Также находил подходящие аналоги, эквиваленты и использовал в переводе действительно существующие в русском языке поговорки, пословицы. Например: «*Æнабары бæх дыгæйттæ хæссы*» — «*Подневольный конь двойную поклажу тянет*», «*Ног цъылын мæрзаг у*» — «*Новая метла хорошо метет*», «*Цард цъайы дон нау. Иу ран на лæууы*» — «*Жизнь — не вода в колодце, на месте не стоит*». Ввиду отсутствия отрывка аналога поговорки «*Хорз ма ракæн, æмæ фыд ма сарай*» в выходном тексте нет. Нет и перевода поговорки «*Хойы зæрдæ æфсымæрма, æфсымæры зæрдæ — хъæдмæ*» («*Сердце сестры к брату тянется, сердце брата — в лес*»), хотя здесь можно было ограничиться буквальным переводом. В этом случае контекст оказал переводчику значительную помощь. Рунин описывает смысл данной паремии.

Последняя часть рассказа повествует о душевной дилемме Афая. Как поступить? Переступить через гордость, пойти в дом к Савлаевым и поздравить внучку с успехом? Или же возвратиться обратно в село? Тут перевод тождествен оригиналу. В переводе Афай «решительно зашагал к дому Савлаевых»⁴⁷¹.

Самой яркой отличительной чертой художественного текста является активное использование эпитетов, метафор, олицетворений, сравнений. Не обделен ими рассказ М. Цагараева. Текст изобилует индивидуально-авторскими метафорами, оценочными эпитетами, точными сравнениями и олицетворениями. Приведем примеры олицетворений из текста: «хуры тынта сæхи найың ахсæрдзæнты» — «лучи солнца купаются в струях водопадов», «дымгæ ахаста зæлтæ хæхты цъуппытыл» — «ветер уносит звуки к вершинам гор», «сау мигътæ сæхи æруагътой дидинджытыл» — «черные тучи нависли над ущельем», «уылаентæ сæхи хостой» — «волны бились», «мæй йæхи надта Терчы» — «луна резвилась на самой середине реки». При переводе олицетворений переводчик находит адекватные единицы переводящего языка и таким образом отражает поэтику оригинала.

Соответствующие образные эквиваленты подбирает и при переводе метафор. Например: «дидинджыты сусæгныхас» — «тайный шепот цветов», «банцад зал» — «в зале воцарилась тишина», «рудзгуйтæ зыр-зыр кæның æмдзæгъдæй» — «аплодисменты сотрясают зал», «хуры тынта хохы цъуппытыл ахуыссыдысты» — «на вершинах погасли солнечные лучи», «арв ныскъуыдтæ» — «небо разорвалось с треском», «дыууæ зæрдæйы уарзондзинадæй пилон арт ныггуйпп кæны» — «любовь двух сердец вспыхивает ярким пламенем», «зарæг бæлæсты къалиутыл аскъуыд» —

---

⁴⁷¹ Там же. — С. 473.

«песня исчезла», «йæ фæдыл уыгæрдæнты згъордта чызджыты худын» — «за ним еще долго гнался по цветущему лугу девичий смех», «ацыд уæззау къахдзæфтæй» — «пошел тяжелым шагом». В тех же случаях, когда в русском языке не было образной единицы, аналогичной по смыслу, переводчику приходилось либо создавать дословный эквивалент, либо прибегать к помощи описательного перевода.

Сравнения так же и переводит: образ — тем же образом: «лæджы цард... йæхи мидæг хуылыдз æхсæлыы къалиуау басудзы» — «жизнь человека тлеет, как сырой можжевельник», «бирæгъы цæстæй ныккаст Афаймæ» — «по-волчьи посмотрел на Афая». Часто переводчику в сравнительном обороте приходилось заменять основной образ: «хылкъахæг фыдуаг лæппуы каст кодта» — «смотрел на Афая глазами побитой собаки», «минуттæ ныддаргъ сты сывæллоны фынау» — «время тянется как в томительном сне». Или переводит сравнительный оборот одним словом «йæ цæсгом миты къæрттау ныффæлурс» — «бледный», «зилгæдымгæ райсомы сыгъдæг уæлдæфы куыд æрбайсæфы, афтæ æрбайсæфтысты» — «развевались».

В осетинском тексте встречается и более развернутое сравнение: «Аууоны бирæ чи фæлаууы æмæ хуры тынтæм йæ рæсугъд базыртæ чи сисы, ахæм дидинагау йæ хуыз скалдта Хангуассæ дæр» — «Хангуасса сразу ожила, словно цветок, который долго рос в тени и вдруг оказался на солнышке». Перевод данного сравнения, как видим, адекватен.

При переводе эпитетов Б. Рунин использует богатые образы родного языка и умело подбирает нужные слова: «æрттиваг дзыккутæ» — «блестящие волосы», «цъæх-цъæхид стъалытæ» — «зеленые звезды», «сау мигътæ» — «черные тучи», «диссаджы фæндыр» — «волшебная скрипка», «хъуынтъыз фæззыгон изæр» — «хмурый осенний день».

При переводе метафор, сравнений, олицетворений и эпитетов сохранена эмоционально-оценочная (коннотативная) функция данных образных средств языка, их переводы оказывают такое же эстетическое воздействие на русскоязычного читателя, какое оказывают их аналоги.

Известно, что в произведении писателя нет мелочей: каждое слово стоит на своем месте и исполняет определенные ему автором функции. Не составляют исключения и имена собственные. Личные имена в тексте передаются путем транскрибирования, но, будучи чужеродными для носителя переводящего языка, они не «утяжеляют» текст. Только в одном случае переводчик прибегнул к замене. Вместо имени внучки главного героя *Дзерассы* в переводе дано другое — *Зарема*, но вполне знакомое и осетиноязычному читателю. Переводчик отказался от перевода топонима «*Фæсрагъ*». В этом случае можно было перенести в переводной текст этнокультурный компонент осетинского оригинала так же путем транскрибирования.

Проведенный анализ рассказа М. Цагараева «*Мады зарæг*» («Материнская песня») в сопоставлении с его переводом позволяет сделать некоторые обобщения. Художественная действительность, изображенная автором оригинального текста, передана переводчиком Б. Руниным со значительной степенью адекватности. Передан не только денотативный компонент текста, но и коннотативный, в чем мы убеждаемся при сопоставлении образных словесных выражений. В каждом отдельном случае выбор способов передачи той или иной единицы перевода определяется Б. Руниным художественной спецификой всего текста, его эстетической направленностью.

3.3. ПРОЯВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛКАТЫ «НАРТ СОСЛАНЫ АВДАЕМ БАЛЦ» — «СЕДЬМОЙ ПОХОД СОСЛАНА НАРТЫ»)

Понятие творческой индивидуальности переводчика принадлежит к наиболее интересным, актуальным, но в свою очередь наименее разработанным проблемам в области переводоведения⁴⁷². В художественном переводе в полной мере проявляется не только мировоззрение, метод переводчика, но и его индивидуальность, личность. Речь идет именно об адекватном художественном переводе, а не о дословном переложении текста на другой язык, где игнорируется и теряется творческое начало, превращая переводчика в раба слов оригинала.

Где именно проявляется в тексте индивидуальность автора перевода? Некоторые переводоведы считают, что творческая индивидуальность переводчика выражена ярче всего там, где перевод рознится с оригиналом. Этой точки зрения придерживался В. Левик: «Об индивидуальных чертах переводчика легче всего судить не там, где перевод совпадает с оригиналом, а там, где отклоняется от него (отклоняется либо от невозможности быть точным, либо ради верности духу, а не букве подлинника). Два перевода, тождественных оригиналу, будут тождественны и между собой, и тогда об индивидуальности переводчика говорить уже не приходится»⁴⁷³. Аналогичное мнение высказывает Г. Фаль-

---

⁴⁷² См: Топер П. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. №6. — С.178-199; Топер П. Творческая личность переводчика // Топер П. Перевод в системе сравнительного литературоведения. Изд. 2-е. М.: Наследие, 2001. — С.219-230.

⁴⁷³ Л е в и к В. Лев Гинзбург. Опыт литературного портрета // Художественный перевод: проблемы и суждения. Сборник статей/Сост. Л. А. Аннинский. М.: Известия, 1986. — С. 212.

кович, полагая, что творческий момент переводчика раскрывается при передаче элементов переводимого текста, не имеющих соответствий или аналогов в переводящем языке. «Изменяя оригинал, — пишет автор, — переводчик, естественно, руководствуется своим художественным вкусом, своими симпатиями и антипатиями. Таким образом, все отклонения от оригинала, сведенные воедино, могут оказаться довольно полным творческим портретом переводчика»⁴⁷⁴. Другие ученые-переводоведы считают, что в переводе, наиболее близком к оригиналу, индивидуальность переводчика «скажется резче всего»⁴⁷⁵.

Личность переводчика не может не сказаться в переводе, так как перевод художественного произведения не механическая передача слов подлинника, а творческая работа. Перевод без индивидуальности, творческого внесения самого переводчика — тусклая, невыразительная копия оригинала. Индивидуальность переводчика проявляется, прежде всего, в методах, принципах и приемах, которые он выбирает при передаче тех или иных единиц переводимого текста. У каждого переводчика существует своя, непохожая творческая манера. Задача хорошего переводчика заключается во все не в том, чтобы «подавить», затушевать лицо автора, а сохранить и перенести авторскую волю в переводной текст посредством своей особой переводческой манеры.

Каждый переводчик имеет свои принципы, приемы, в силу которых можно судить о проявлении его творческой личности. На примере перевода романа Михаила Булгакова «Нарты Сосланы æвдæм балц» («Седьмой поход Сослана Нарты») попытаемся выявить и выделить особые,

---

⁴⁷⁴ Фалькович Г. Мир поэта и долг переводчика // Мастерство перевода. Вып. 7. 1970. — С. 287.

⁴⁷⁵ Чернышевский Н. Г. Шиллер в переводе русских поэтов // Перевод средство взаимного сближения народов: художественная публицистика/Сост. А. А. Клышко; Предисл. С. К. Апта. М.: Прогресс, 1987. — С. 160.

индивидуальные подходы переводчика Игоря Булкаты в преодолении тех или иных переводческих задач, показать степень проявления его творческой личности в переводном тексте.

Как известно, особую трудность для переводчика представляют художественные произведения, написанные на основе народного эпоса. В них особенно отчетливо проявляется образ автора, его умение интерпретировать фольклорные сюжеты и образы. Переводчику романа «Седьмой поход Сослана Нарты» И. Булкаты предоставилась прекрасная возможность в полной мере проявить свой творческий потенциал, поскольку и язык перевода, и язык оригинала были для него родными.

Роман «Нарты Сосланы æвдæм балц» М. Булкаты задуман как продолжение знаменитого цикла нартского эпоса о Сослане. Автор повествует о дальнейшей судьбе знаменитого Нарта, показывает его славный поход против далимонов и сына Хыза Челахсартага. При этом автор в произведении периодически возвращается к народному эпосу и напоминает читателю о событиях, предшествующих повествованию. Те же моменты и эпизоды не совсем ясные для русскоязычного читателя переводчик И. Булкаты поясняет в сносках. Например, такой отрывок из перевода: *«Некоторые далимоны все-таки уцелели и нашли пристанище! Они ползают под землей и если, не дай бог, обстреляют снизу Дзындз-Аласа, как в прошлый раз¹, нам придется худо!»*. И тут же И. Булкаты оговаривает в сноске, о каком фрагменте эпоса идет речь: *«¹Имеется в виду эпизод, когда Сослан отправился на тот свет за деревьями Аза. Далимоны убили его коня, но Сослан выпотрошил его, набил живот соломой, и Дзындз-Аласа ожил. Узнав об этом, далимоны выпустили в брюхо коню горящие стре-*

лы и подожгли его»⁴⁷⁶. Но не всегда переводчик обходился пояснениями в сносках. Периодически он возвращался к эпосу и использовал его в самом тексте, чтобы пояснить реципиенту некоторые не вполне ясные ему моменты. Так, перевод дополнен отрывком, повествующим о походе Сослана к сыновьям Тара⁴⁷⁷.

Центральным эпизодом в романе стало похищение Хурзарин — мать-солнце, исчезновение которой грозило гибелью всему человечеству. На протяжении всего романа идет борьба между Сосланом и силами Третьего мира во главе с Челахсартагом. Для своего произведения автор выбрал принцип смешения эпох, времен. Вместе с Сосланом в романе действуют персонажи, жившие намного позже: Чермен Тлаттаты, Хазби Алыккаты, генерал Абхазов. Повествования в оригинале и в переводе идут параллельно, за исключением дополнительно внесенной И. Булкаты главы в центральную часть переводного текста. Таким образом переводчик дописывает некоторые отсутствующие эпизоды в подлиннике.

В сопоставимых текстах присутствуют случаи генерализации. Приведем такой пример: *«Ау, афтæ быныæфт фæстæм, æмæ нæ уынгты куыдз дæр нал райы»*⁴⁷⁸ — «Люди, неужели мы пали так низко, что на наших улицах даже собака не осталось, которые хотя бы хвостом вильнули или, на худой конец, поскулили, встретив человека, вернувшегося из дальнего похода»⁴⁷⁹. Как видим, в приведенном примере предложению исходного текста в переводе соответствует единица с более широким значением.

---

⁴⁷⁶ Бу л к а т ы М. Седьмой поход Сослана. Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. — С. 52.

⁴⁷⁷ Там же. — С. 144-145.

⁴⁷⁸ Бу л к а т ы М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал: Ирыстон, 1988. — Ф. 11.

⁴⁷⁹ Бу л к а т ы М. Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. — С. 15.

Интересен случай перевода следующего предложения: «Гæтæджы фырт та ма фæуæд мæ разы!» — «*Может, и здесь меня опередил сын Гатага, хитрющий Сырдон*». Здесь, на наш взгляд, переводчик удачно пояснил для русскоязычного читателя, о каком персонаже нартского эпоса идет речь.

Хочется оговорить некоторые не вполне уместные для осетинского этикета моменты, используемые переводчиком в тексте. Речь идет об обращении Сатаны к супругу Урузмагу. В переводе И. Булкаты использует следующие обороты: «*ненаглядный мой супруг*», «*мне хочется быть с тобой*» и т.д. Тут переводчик осетинского текста немножко слукавил, поскольку традиционно в осетинском обществе жена не могла обращаться прилюдно к мужу подобным образом.

Каждый переводчик, создавая «новый» текст, ориентирует читателя на новую культурную среду. Учитывая это, переводчик должен максимально приблизить и «объяснить» ему все незнакомое. Так, с первых страниц романа на читателя обрушивается поток слов-реалий, большинство которых И. Булкаты транслитерирует, а значения объясняет в сносках. Например: «*æрмаæрин*» — «*армарин — мера длины, равная одному локтю*»; «*фарн*» — «*фарн — изобилие, дружба, уважение младшего к старшему, слава и т.д. В данном случае фарн обозначает честь, достоинство*». Нам кажется, переводчик не совсем правильно обозначил русские значения осетинского «фарн». Этимология этого слова, по мнению В. И. Абаева, восходит к общеиранскому полурелигиозному понятию и обозначает все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: «*небесная благодать*», «*благополучие*», «*преуспевание*», «*благопристойность*», «*мир*», «*тишина*»⁴⁸⁰.

---

⁴⁸⁰ А б а е в В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л.: Наука. Т.1., 1958. — С. 421-422.

Комментариями в сносках сопровождаются и следующие слова: «*фæринк кард*» — «*фаринк — меч особой закалки*», «*кæвдæсард*» — «*кавдасард — буквально: рожденный в яслях. В древней Осетии феодалы держали при себе незаконных жен из низшего сословия и прижитых с ними детей называли кавдасардами*», «*ивæзн*» — «*ивазн — мера длины, равная расстоянию между концами разведенных рук*», «*ныхас*» — «*ныхас — место, где собирались нарты до и после похода и решали наболевшие вопросы. Присутствовать на Ныхасе женщинам запрещалось*», «*цурхъытæ*» — «*цурки — металлическая обувь с загнутыми кверху носками*». Данный способ передачи осетинских слов-реалий нам кажется правильным, но не слишком удобным для читателя, который периодически отвлекается на пояснения. Иногда при чтении ему нужно было возвращаться к сноске, чтобы вспомнить значение того или иного слова. Конечно, можно прибегнуть и к описательному переводу, но при этом переводной текст утратил бы национальный колорит.

Местами И. Булкаты слова-реалии только только транскрибирует или транслитерирует: «*арахъхъ*» — «*арака*», «*дада*» — «*дада*», «*махсымæ*» — «*махсыма*», «*æрчъитæ*» — «*арчита*». Но если широкому кругу читателей понятны значения осетинских слов «*арака*» («*водка*») и «*дада*» («*отец, дедушка*»), то в случае с «*махсыма*» («*брага*») и «*арчита*» («*обувь из сыромятной кожи*») нужно было пояснить их смысл.

При переводе слов «*нымæт*» — «*войлок*», «*бичъыбын кард*» — «*отточенный нож*», «*ирæд*» — «*калым*», «*чъири*» — «*пирог*», «*къона*» — «*очаг*», «*гаджидау*» — «*здравица*» И. Булкаты, как кажется, не всегда находил адекватную замену. Так, русским эквивалентом осетинскому «*гаджидау*» является «*тост*» («*гаджидау кæнын*», «*гаджидау уадзын*» — «*провозглашать тост*»).

Вследствие, видимо, недостаточно верного понимания И. Булкаты некоторых слов-реалий, их значения на русском языке оказались неправильно истолкованы. Так, осетинскую реалию «*кусæрттаг*» («животное, предназначенное для заклания по какому-либо случаю») перевел просто «*жертва*». Передача некоторых слов-реалий в русскоязычном тексте вызывает ассоциации, не совсем связанные с осетинским народом. Например: «*куыраæt*» («бешмет») переводит как «*архалук*» («азиатское короткое мужское платье, заменяющее халат»), «*хъулаей хъазын*» («играть в альчики») — «*играть в бабки*» («старинная русская национальная игра»), «*хойраг*» («еда», «пища», «кушанье») — «*каравай*» («большой круглый хлеб, встречаемый в восточнославянских обрядах»). Не совсем верно, на наш взгляд, перевел «*бæркад*» («изобилие»; «бæркад зæгъын» — произнести заключительный тост за изобилие») — «*божья благодать*», осетинское «*рæгъ раудзын*» («провозгласить тост») дает как «*усладить слух умными речами*». В русском звучании эти слова лишены того значения, который им был свойственен в осетинском. Реалию «*фысым*» передает в одном месте как «*друг*», в другом — «*хозяин*». Второй вариант, нам кажется, более правильным. Как известно, «*фысым*» с осетинского переводится как «хозяин» или «лица, оказывающие гостеприимство».

При передаче реалий «*фынг*», «*уырдыгыстаг*» И. Булкаты ограничился только следующими переводами: «*фынг*» — «*массивный деревянный стол*», «*уырдыгыстаг*» переводит просто «*прислуживающий*». В основательном труде В.И. Абаева «Историко-этимологический словарь осетинского языка» даны более подробные определения этим словам: «*фынг*» — «*небольшой, невысокий, круглый треногий столик; треножник*»⁴⁸¹, «*уырдыгыстаг*» — «*виночерпий;*

---

⁴⁸¹ Там же. — С. 497.

кравчий; прислуживающий за столом на пиришествах и тризнах, обычно из числа молодых людей»⁴⁸².

Значительную трудность для переводчика представляли следующие слова-реалии: «*кусартгæнджытæ*» («лица, закалывающие животное для трапезы согласно обычаю»), «*быламышъхъ*» («мучная болтушка»), «*кæнгæ æфсымæр*» («названный брат»). Они не представлены в переводе. Отсутствие данных слов И. Булкаты компенсировал другими осетинскими реалиями. Так, мы не увидим в оригинале «гукку», «хатиагские слова», «ронг». Их значения подобным образом пояснены в сноске: «гукку» — «хлеб, пирожок», «хатиагский язык» — «язык неизвестного народа. Нарты пользовались им при конфиденциальных беседах», «ронг» — «напиток нартов; был так питателен, что мог заменить даже еду».

Местами переводчик специально насыщал текст реалиями. Например, «*болат кард*» в переводе дал как «*фаринк*» («прославленный в старину вид сабель»⁴⁸³), хотя можно было перевести — «*стальной нож*». Или вставляет транслитерированные слова осетинского языка, которые вполне переводимы на русский: «*ма хур*» («солнышко мое»), «*лапну*» («сын», «мальчик», «юноша»), «*Ирыстон*» («Осетия»), «*ущелье Дайрана*» («Дарьяльское ущелье»), «*нана*» («мама»), «*баба*» («отец»). Видимо, здесь И. Булкаты преследовал одну цель — насытить переводной текст лексикой, несущей национально-культурный компонент.

Непонятно и то, зачем переводчику надо было заменять исходную культурную информацию, заключенную в словах «*усгур лæппу*» («жених»; «молодой мужчина в брачном возрасте»⁴⁸⁴), «*сахъ лæппу*» («бравый», «доблестный», «хра-

---

⁴⁸² Там же. Т.4., 1989. — С. 122.

⁴⁸³ Там же. Т.1., 1958. — С. 452.

⁴⁸⁴ Там же. Т.4., 1989. — С. 21.

брый», «отважный», «молодец»⁴⁸⁵), новой информацией, которую несут «русизмы» «барин», «витязь». Правомерно употребляет М. Булкаты в оригинале следующие «иноязычные вкрапления»: «наиб», «нешкеш», «кунак». Использование их в тексте объясняется тем, что автор в этих местах повествует о другом народе, о другой культуре. И. Булкаты вносит их в текст в таком же написании, послушно исполняя поставленные автором стилистические задачи, поясняя лишь, что «нешкеш» в переводе означает «подарок» (с персидского — Е. Д.).

В произведении М. Булкаты, наряду с нартскими и историческими героями, фигурируют осетинские боже-ства, персонажи осетинской мифологии: «Уастырджы» (или еще в переводе «Лагты Дзуар»), «Барастыр», «Аминон», «Афсати», «Кар», «Караф», «Куырдалаггон», «Сафа», «Елиа», «Уацилла», «Мыкалгабыр». Переводчик И. Булкаты в тексте их транслитерирует, но каждого «снабжает» в сноске комментарием.

Вполне правильна, на наш взгляд, замена в переводе «Бынаты хицау»-а на «Сафа» в контексте: «— Уый кад къонайы арт уыдис, уæд æз та бынаты хицау дæн» — загъта Цæнди æмæ Черменæ бакаст»⁴⁸⁶ — «Если это огонь, то я — Сафа! — бросил Цанди»⁴⁸⁷. Как известно, Бынаты хицау и Сафа, согласно верованиям осетинского народа, выполняют разные функции. Бынаты хицау — покровитель дома, домашний дух, домовый, живет в кладовке, изображается, как правило, в виде уродливой старухи с клыками, но может принимать и другие образы. Тогда как Сафа — «божество домашнего очага, создатель и покровитель надочаж-

---

⁴⁸⁵ Там же. Т.3., 1979. — С. 32-33.

⁴⁸⁶ Бу л к а т ы М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал: Ирыстон, 1988. — Ф. 203.

⁴⁸⁷ Бу л к а т ы М. Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. — С. 204.

ной цепи — рахыс, — подаренной им людям и считавшейся самым священным предметом осетинского жилища»⁴⁸⁸. Как нам кажется (не будем спорить с автором), но в вышеприведенном контексте оригинала правильной было бы употребить именно «Сафа».

Большинство встречаемых в тексте реалий заимствовано автором из нартского эпоса. Их передача в переводе в основном также сопровождается комментариями. Например: «далимонтæ» — «далимоны — дьяволы в осетинской мифологии», «Царддзу» — «Цардзу — ворота в ад», «бураемæдз» — «бурамадз — чудодейственный клей, которым пользовались уаиги-циклопы, чтобы приклеить ничего не подозревающих нартов к сиденьям, а затем расправиться с ними», «Зилахары быдыр» — «Зилахар — поле, где нарты устраивали военные игрища, состязания», «Балсæджы цалх» — «Колесо Балсага — небесный дух, способный принимать вид страшного колеса с острыми ножами по кругу» и т.д.

Имена нартских героев в переводе транслитерируются, но к каждому в сноске дается пояснение, краткая характеристика. Прекрасно зная нартский эпос, И. Булкаты легко ориентируется в сказаниях.

Творческий подход необходим и при передаче устойчивых словесных выражений: фразеологизмов, поговорок, пословиц. Индивидуальность И. Булкаты ярко проявилась при переводе фразеологизмов равнозначными эквивалентами: «æнциой нæ уагътой» — «не давали покоя», «сæ ранхъытæ тæнагæй-тæнагдæр кодтой» — «ряды далимонов редели», «адæмыл йæ цæст ахаста» — «обвел взглядом лица людей», «мæ зæрдæ цы дзуры» — «что подсказывает изболешнее сердце», «йæ цæстызул нæ иста» — «не спускал с него глаз», «зæрдæ рæсыдæй ахаста» — «ушел с обидой», «уа-

---

⁴⁸⁸ Дз а д з и е в А. Б., Дз у ц е в Х. В., К а р а е в С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. — С. 122-123.

зал къæйттыл сæ куы абадын кодта» — «оставил их с носом», «йæ къух сыл ауыгъта» — «махнул на вас рукой» и т.д.

Отсутствие соотносимой единицы в переводящем языке вынуждают И. Булкаты фразеологизм оригинала переводить лексическими средствами. Например: «масты тыфылтæ акалдта» — «рассвиrepел», «сæ ныфс нал æрбахæсдзысты» — «не сунутся», «мæ фыды мын авддæлдзæхы хай ды фæкодтай» — «отца ты загубил», «дæ зæрдыл бадар» — «запомни», «коммæ нæ кастис» — «не повиновалась», «мæ хъустæ мæ фæсайدتой» — «ослышался», «сæ цæстытæ ныццавтой» — «установились» и т.д. Как видим, такой способ перевода фразеологических единиц не всегда безболезнен. Переводимые единицы исходного текста в переводе потеряли образность, экспрессивность, но максимально сохранили свои значения.

Как правило, найти аналог пословице или поговорке исходного языка в переводящем довольно сложно. Переводчик оригинала неизбежно сталкивается с необходимостью передать культурные особенности, заключенные в паремиях. С подобной трудностью столкнулся и И. Булкаты. Для передачи осетинских паремий он не всегда находил адекватную замену. Не переданы в переводе романа М. Булкаты осетинские паремии «Адæм, дам, фæдисмæ, куыйтæ та — къæбицмæ» (букв. «Люди в погоню, а собаки в кладовую»; рус. «Люди за дело, а дурак за безделье», «Люди жать, а мы под межою лежать», «Люди — горох молотить, а воры — замки колотить»), «Бындз къуымæлы куы ныммæла, уæд дзы фæнды барæй ныххауæд, фæнды æнабары» (букв. «Если муха помрет в квасе, то уже не имеет значение, как она туда попала»; рус. «То, что случилось — не вернуть», «Что прошло, того уж не вернуть», «Поздним раскаянием сделанного не исправишь»).

Исходная языковая единица «Рæстæг цæуы æмæ фарн

йема хассы» не находит соответствие в паремиологической системе переводящего языка — «*Время работает на вас*». Как нам кажется, переводчик не совсем верно донес формальные и семантические особенности переводимой единицы. В этом случае И. Булкаты мог найти в словаре переводящего языка подходящий аналог и использовать в переводном тексте единицу адекватную переводимой — «*Утро вечера мудренее*» или «*Время лечит*», «*Время все излечит*», «*Время — лучший лекарь*»⁴⁸⁹.

Равнозначный семантический эквивалент найден переводчиком романа при передаче паремии «*Фидары мад на куыдта*» (букв. «Мать сильного не рыдала») — «*Береженно-го бог бережет*». Здесь, как представляется, переводчиком используется ситуационный перевод. И. Булкаты заменяет исходную единицу готовым эквивалентом. Возможность замены исходной паремии эквивалентом переводящего языка необходима для разъяснения смысла пословицы/поговорки реципиентам принимающей культуры. Такой подход для отражения паремиологических единиц в переводном тексте вполне приемлем в переводческой практике. Автор труда «В творческой лаборатории переводчика: очерки по профессиональному переводу» В.Н. Крупнов пишет: «Для перевода пословиц переводчику часто приходится прибегать к э к с п р е с с и в н о - с т и л и с т и ч е с к о й адаптации, то есть к некоторому изменению образной структуры высказывания, изменению, которое вызывается заменой образа, лежащего в основе одного из компонентов»⁴⁹⁰.

Творчески подходил И. Булкаты при передаче словесных образов — эпитетов, метафор, сравнений. Именно на уровне эквивалентности работает он в тех случаях, когда нужно

---

⁴⁸⁹ Русские пословицы и поговорки/Сост. Берсеньева К.Г. М.: Центрполиграф, 2009. — С. 67.

⁴⁹⁰ Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика: очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения, 1976. — С. 114.

передать образное определение предмета, то есть эпитет: «алаэмæты зæлтæ» — «волшебные звуки», «зæрин тынтæ» — «золотые лучи», «хин цæстытæ» — «лукавые глаза» и т.д. Часто автором в тексте используются антонимические эпитеты «сау» («черный») и «урс» («белый», «светлый»). Переводчику осетинского текста не составило особого труда их перевести: «сау бон» — «черный день», «урс фын» — «белый сон», «сау бæх» — «вороной конь», «сау мигъ» — «черная пыль», «сау хуылф» — «черная пасть», «урс-урсид тæфы къуымбилтæ» — «белый туман».

Отрадное впечатление оставляет перевод метафор: «нарæг ком йе 'фæртæ суагъта» — «ущелье разверзло каменные челюсти», «лаууыныц мæрдæмырæй фæзуæттæ» — «площади молчат», «йæ хъуыдытыл сау æмбæрзæн æрхауд» — «его память накрылась мантией», «арты æвзæгтæ» — «языки огня». Индивидуальный подход И. Булкаты к переводу метафор не ослабляет их звучание в русском тексте, максимально полно передает значение этих мест в оригинале.

Отдельно следует рассмотреть передачу сравнений. Текст М. Булкаты особенно богат этими образными средствами языка. Чаще при их переводе И. Булкаты стремился к сохранению образности путем адекватной замены сравнимого образа. Например: «Маймулиты къорд фæранчы фæзындмæ куыд фæпырх ваййы, афтæ фæпырх сты» — «Они разбежались, как обезьяны, напуганные появлением льва», «Куырды Сосланы куы ауыдта, уæд... ахæм лæуд акодта, цыма исты давта æмæ йæ йæ къæрныхæгагимæ байæфтæуыд» — «Увидев Сослана, кузнец... застыл, как вор, застигнутый врасплох», «Ныр ацу æмæ Барастыры раздæ астæу, уаллонау, къæдз-мæдзытæ кæн» — «Теперь поди и валяйся в ногах у Барастыра, как раздавленный червь» и т.д. Как убедились на примерах, И. Булкаты стремился переводить сравнения равноценными образами переводящего

языка. В переводе совпадают формальные смыслы сравниваемых образов.

В переводе мы встречаем и такой прием — замена сравниваемого образа своим, родным для переводчика: «Хъуыдытæ, зæрнæджытау, фæпырх сты» — «Мысли упорхнули, как воробьи» («журавли» → «воробьи»), «Йæ цаесгом уыдис, æрдæбон нæуудзæрмттыл цы кæрдæг федта æмæ йын йæ зæрдæ сагъæсæй чи байдзаг кодта, уый-ау, бур-бурид æмæ фæлахс» — «Лицо пожелтело, как воск» («трава» → «воск»), «Цæргæсау кодта тæхгæ» — «Бежал, как страус» («орел» → «страус») и т.д. Как видим, здесь переводчик отказывается от исходного образа и предлагает «взамен» свой.

Олицетворения в основном переведены адекватно. Приведем лишь несколько примеров: «Дзæм-дзæмы доны богъ-богъмæ хъусын» — «Слушать рев реки и любоваться ее неистовостью», «Дыдзы хур... нымбæхстис... йæ зæрин тынтæ, сырхзынг фæттау, хъæды мидæг ныссагъта æмæ иу дæлвæзты цъæх нæуудзарæн йæ хуыз скалдта...» — «Солнце, спрятавшись за деревья, пронзает лес лучами и заливают зеленеющие луга золотистым светом» и т.д.

Как убедились на примерах, переводчик в основном верен в выборе эпитетов, сравнений, метафор и олицетворений, играющих немаловажную роль в структуре всего произведения. Они оживляют текст, придают ему красочность и поэтичность.

Итак, при переводе романа М. Булкаты «Нарт Сосланы æвдæм балц» («Седьмой поход Сослана Нарты») И. Булкаты проявил свой творческий потенциал, свое умение создавать полноценный художественный текст на переводящем языке. Творческая индивидуальность И. Булкаты проявилась не в том, что именно он вносит от себя в текст, а в том, какими средствами он добивается выполнения переводческой зада-

чи. Он старается искать не формальные, а функциональные соответствия единицам оригинала.

Художественный перевод требовал от И. Булкаты особого таланта, таланта находить в переводящем языке не любые выразительные средства, а по возможности близкие к оригиналу. Процесс этот, несомненно, и есть процесс художественного творчества, так же как и оригинальное, требующее таланта.

3.4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В теории и практике художественного перевода существует точка зрения, что успех при переводе зависит от мастерства и опыта переводчика, от степени владения им исходным и переводящим языками. Поскольку адекватность является наиболее ценным и важным критерием при переводе художественного текста, цель сознательного, ответственного переводчика — достижение соответствия переводного текста исходному на смысловом, коннотативном, формальном уровнях. Для этого в переводческой деятельности он использует различные способы и приемы перевода. Переводческие трансформации (преобразования) позволяют переводчику художественного текста находить оптимальные переводческие операции для решения тех или иных задач. Под трансформацией Н. К. Гарбовский понимает «такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понята переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее

аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода»⁴⁹¹.

В теории перевода выделяют следующие разновидности переводческих трансформаций: лексическую, грамматическую, стилистическую. Каждый из указанных трех видов Е. А. Огнева классифицирует:

— лексические — дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь;

— грамматические — замена пассивных конструкций активными, замена сложных синтаксических конструкций простыми, переход от обратного порядка слов к прямому, смена исходного подлежащего, замена односоставных предложений двусоставными полными;

— стилистические — стилистическая компенсация, смена стилистических коннотаций, адекватные замены, метафоризация/идеоматизация, «выпрямление значения»⁴⁹².

Использование лексических трансформаций при переводе художественного текста с одного языка на другой обусловлено различиями смысловой структуры слова двух сопоставимых языков. Чаще всего при выражении несущей информации исходного художественного текста переводчики используют следующие лексические трансформации: генерализацию, конкретизацию, антонимический перевод. При передаче той или иной единицы оригинала переводчик вправе сам решать, какими возможностями он воспользуется. Рассмотрим особенности использования лексических трансформаций переводчиками осетинской художественной прозы на русский язык.

---

⁴⁹¹ Г а р б о в с к и й Н. К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — С. 366.

⁴⁹² О г н е в а Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. — С. 32.

Генерализацию в переводоведении обычно понимают как замену переводимой единицы, имеющей узкое значение, понятием с более широким, обобщающим значением. К замене частного общим авторы перевода нередко прибегают при отсутствии в переводящем языке прямых номинативных значений исходным единицам или для уточнения отдельных мест в переводе. С помощью подобной лексической трансформации переводчик вносит ряд дополнительных элементов в содержание понятия.

Рассмотрим примеры перевода на русский язык следующих фрагментов романа Т. Джатиева «Мæ урс дадалитæ» — «Мои седые кудри» (перевод автора). Оригинал: «– Мæнæн ме ’фсымæртимæ цæргæйæ нал у! — йæ хæрд фæуагъта Алимурза, фæгæпп кодта фынджы цурæй...»⁴⁹³ — перевод: «– Нет мне здесь житья! — озлобился Алимурза и перевернул столик, на котором лежали кусочки лепешки и стояли чашки с кислым молоком»⁴⁹⁴, «Агуыбечыр хæстмæ нал ацъд» — «**После свадьбы и злополучного похищения сестры** Агубечир уже не возвращался на фронт». В приведенных примерах переводчик использует прием генерализации, но замена конкретного понятия понятием более широкого объема не позволила переводчику выйти за пределы описываемых в отрывках ситуаций, исказить содержание подлинника.

Или такие примеры из романа М. Цагараева «Сау хохы фиййау» — «Пастух Черной горы» (перевод М. Блинковой): «Муссæты кæртæй барæг рахызт»⁴⁹⁵ — «А что делается на дворе Мусса? Вот кто-то выводит за ворота

⁴⁹³ Д з а д т и а т ы Т. Мæ урс дадалитæ. Назираеты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965. — Ф. 6.

⁴⁹⁴ Д ж а т и е в Т. Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Д ж а т и е в Т. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель. 1972. — С. 205.

⁴⁹⁵ Ц æ г æ р а т ы М. Сау хохы фиййау. Повесть // Ц æ г æ р а т ы М. Равзæрст уацмыстæ. Дыууæ томæй. 1 — Т. Орджоникидзе: Ир, 1975. — Ф. 121.

лошадь, великоленного скакуна самой дорогой кабардинской породы»⁴⁹⁶, «Уæд мæ Сырдон дæр нал хонис...»⁴⁹⁷ — «И тогда, Фидар, ты не будешь называть меня Сырдоном. Если бы тот Сырдон, сын камня, о котором много веков подряд рассказывают у нас люди, был бы всегда умным, добрым и только бы выручал нартский народ от бед и напастей, я был бы рад моему имени. Но ведь тот Сырдон, кроме того, и обманывал, и лукавил, и за обиды жестоко мстил каждому»⁴⁹⁸.

Как видим, переводчики расширяют информацию переводимого текста для уточнения отдельных мест в описываемых ситуациях. Однако, на наш взгляд, переводчик повести М. Цагараева М. Блинкова не совсем верно информирует русскоязычного читателя об особенностях чудесного рождения героя нартского эпоса Сырдона от водного божества Гатага и Дзерассы⁴⁹⁹.

Противоположную генерализации трансформационную операцию в теории перевода принято называть *конкретизацией*. С подобной передачей единиц исходного текста переводчик сталкивается в случае замены понятия с более широким объемом более конкретным, лаконичным содержанием. С «сужением» исходного текста мы сталкиваемся в случаях замены трансформируемого понятия тем конкретным, которое переводчику представляется наиболее подходящим в данном случае. При-

---

⁴⁹⁶ Ц а г а р а е в М. Пастух Черной горы. Перевод М. Блинковой // Ц а г а р а е в М. Осетинская быль. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1965. — С. 147.

⁴⁹⁷ Ц æ г æ р а т ы М. Сау хохы фиййау. Повесть // Ц æ г æ р а т ы М. Равзæрст уацмыстæ. Дыууæ томæй. 1 — Т. Орджоникидзе: Ир, 1975. — Ф. 223.

⁴⁹⁸ Ц а г а р а е в М. Пастух Черной горы. Перевод М. Блинковой // Ц а г а р а е в М. Осетинская быль. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1965. — С. 150.

⁴⁹⁹ Согласно нартскому эпосу, рожден из камня был Сослан из рода Ахсартагата. При виде полубога Сатаны пастух оплодотворил камень, из которого по истечении срока и был извлечен герой.

ведем примеры конкретизации в переводе: «*Уæртæ та кружка йæ дзыхыл сдартæ. Йæ былтæ асарфта æмæ барджытырдæм акаст, къух ныхыл сæваргæйæ. Чи сæ фæхуыдта, — нæ зонын, фæлæ фæцырддæр æмæ сыстад, йæ комдзаг тых ныхъуырд акодта æмæ хурыскæсæнырдæм аздæхт...*»⁵⁰⁰ — «Дженалдыко кончил есть, повернулся к восходу солнышка»⁵⁰¹. Или такой пример из перевода другого произведения: «*Чысыл фæстадæр æнæсыбырттæй сæ цаессыг калдтой, Сосланмæ иу-дыууæ изæрстæу хъазæн нæуудзармыл кафгæйæ, доны чызджыты хуызæн, цы æнæцыд чызджытæ фæкастысты, уыдон*»⁵⁰² — «За ним, сгрудившись, молча плакали девушки»⁵⁰³. Нетрудно заметить, что в указанных отрывках переводящие единицы по своему значению более лаконичны и конкретны, чем исходные.

Замену родового понятия видовым мы наблюдаем при передаче следующей информации исходного текста: «*Хæдзараразæг лæггæй, дам, калм дæр тæрсы, йæ дзытты, дам, мæ куы авæра синаджы 'фсон*»⁵⁰⁴ — «Человека, который дом себе строит, даже **гадюка** боится: вдруг меня за веревочку примет и в карман сунет?»⁵⁰⁵. В приведенном примере видно, что переводчик при переводе паремии

⁵⁰⁰ Д з а д т и а т ы Т. Мæ урс дадалитæ. Назирæты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965. — Ф. 46.

⁵⁰¹ Д ж а т и е в Т. Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Д ж а т и е в Т. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель. 1972. — С. 241.

⁵⁰² Б у л к а т ы М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал: Ирыстон, 1988. — Ф. 10.

⁵⁰³ Б у л к а т ы М. Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. — С. 14.

⁵⁰⁴ Н а ф и. Адæймаджы мæлæт. Уацау // Н а ф и. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976. — Ф. 10.

⁵⁰⁵ Д ж у с о й т ы Н. Г. Возвращение Урузмага. Повесть // Д ж у с о й т ы Н. Г. Реки вспять не текут. Повести. С осетинского перевел автор. М.: Советский писатель, 1981. — С. 10.

оригинала заменяет понятие «калм» («змея») на «гадюка», обозначающее вид по отношению к понятию, выраженному в оригинале.

Антонимический перевод — трансформация утвердительной конструкции в отрицательную (или наоборот, отрицательной — в утвердительную), сопровождаемая заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке⁵⁰⁶, в основном встречается в русскоязычных переводах осетинской прозы при передаче образной лексики, в частности фразеологии. В каком случае переводчики прибегают к замене понятия противоположной конструкцией? По мнению Н. К. Гарбовского, «антонимический перевод может быть обусловлен асимметрией лексико-семантических систем, проявляющейся в том, что какое-либо понятие не имеет средств выражения в одном из языков, сталкивающихся в переводе»⁵⁰⁷.

Перейдем к конкретным примерам. Для передачи осетинского фразеологизма «*мæ ныфс нæ бахастон*» (в значении: «*не отважился я*») переводчик повести М. Цагараева «*Сау хохи фиййау*» («*Пастух Черной горы*») М. Блинкова использует антонимический перевод: «*я уже набрался духу*». Замена отрицательного значения утвердительным позволила переводчику сохранить образность, обыгранную во фразеологической единице оригинала. Или такие примеры передачи фразеологических единиц исходного текста: «*рухс у йæ зæрдæ*» (букв. «*светло у него на сердце*») — «*он бывал за столом более озорным и веселым*», «*зæрдæ бауынгæг*» (букв. «*сердце сжалось*») — «*обрадовался*». Как легко заметить, в тексте перевода романа «*Возвращение Урузмага*» Н. Джусойты заменял исходные фразеологизмы

⁵⁰⁶ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. — С. 216.

⁵⁰⁷ Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — С. 466-467.

противоположными по значению элементами переводящего языка.

К числу лексических трансформаций некоторые теоретики перевода относят *транскрибирование* и *транслитерацию*⁵⁰⁸. Этими приемами перевода единиц исходного текста обычно пользуются при передаче имен собственных, а также слов-реалий.

Передача топонимов и антропонимов не вызывает особых трудностей у переводчиков осетиноязычных текстов. Как правило, при переводе они заимствуются — транскрибируются или транслитерируются: *Алимырза* — *Алимурза*, *Агуыбечыр* — *Агубечир*, *Дженалдыхъо* — *Дженалдыко*, *Уырызмæг* — *Урузмаг*, *Фидар* — *Фидар*, *Муссæ* — *Мусса*, *Мæцыхъо* — *Мацико*, *Хъаныхъон* — *Канукон*, *Фаризæт* — *Фаризет*, *Хъайсын* — *Кайсын*, *Æхсар* — *Ахсар*, *Дзæуджыхъæу* — *Дзауджикау*, *Урстуалтæ* — *Урстуалта*, *Хидыхъус* — *Хидикус*, *Беслæн* — *Беслан* и т.д.

В виде исключения переводчик может прибегнуть к калькированию, дословному переводу отдельных компонентов антропонима/топонима, к замене составных частей имен собственных «их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке»⁵⁰⁹: «*Къæйджын уæлвæз*» — «Долина скал», «*Куырайтты хъæу*» — «аул Мельничный», «*Уæллаг Садон*» — «Верхний Садон», «*Дзуары рагъ*» — «Святой перевал», «*Хуссар*» — «Южное село», «*Хурыхъæу*» — «село Солнечное», «*Райдзаст*» — «Рассвет», «*Стыр фазы хъæуы*» — «село Большая Поляна», «*Зыгъар*» — «Белолобый» и т.д.

Особую сложность для переводчиков осетиноязычных текстов представляет передача имен осетинских божеств, персонажей осетинской мифологии. Чаще всего они дан-

⁵⁰⁸ К о м и с с а р о в В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 2004. — С. 56.

⁵⁰⁹ Б а р х у д а р о в Л. С. Язык и перевод. М., 1975. — С. 98-99.

ные антропонимы транслитерируют/транскрибируют, но каждого в сноске «снабжают» комментарием. Приведем следующие примеры из русскоязычного перевода романа М. Булкаты «Нарты Сосланы æвдæм балц» — «Седьмой поход Сослана Нарты» (пер. И. Булкаты): «*Лагты Дзуар — синоним Уастырджы, покровителя путников. Так называли его женщины, потому что не имели права произносить мужское имя вслух. По преданию у Уастырджы был трехногий конь*», «*Æфсати — бог зверей*», «*Кар и Караф — боги холода и стужи*», «*Куырдалагон — небесный кузнец*», «*Сафа — бог очага, надочажной цепи, холодного оружия, семьи...*», «*Мыкалгабыр (в осетинской мифологии) — архангелы Михаил и Гавриил. Последний тост произносится во славу Мыкалгабыра*», «*Элиа и Уацилла — боги грома и ветра*». В последнем примере переводчик И. Булкаты, как представляется, не совсем верно проинформировал русскоязычного читателя. Как известно, покровителем ветров в пантеоне религиозных воззрений осетин был *Галагон*, а гроза и молния были в расположении *Уацилла* (диг. Елия).

Нередко именам собственным в художественных произведениях осетинских писателей отводится роль своеобразных характеристик, которые являясь символами тех или иных качеств и представлений, вносят дополнительный смысл в переводимый текст. К категории значащих имен собственных теоретики перевода относят «говорящие имена». С. Влахов и С. Флорин различают «характеристические имена» 1) обычно не подлежащие переводу, так как их назывная функция все же преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания), 2) поддающиеся переводу в зависимости от контекста, который может «высветлить» их содержание, и 3) требующие такого перевода или такой постановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так

и семантическое значение (каламбур)⁵¹⁰. Так, в рассказе М. Цагараева «Мады зарæг» («Материнская песня») как средство художественного изображения в качестве сравнения употребляется имя одного из героев нартского эпоса Сырдона. Образ этого героя ассоциируется у осетинского читателя с определенными качествами человека — хитростью, лукавством, находчивостью. Поняв заложенный в форме слова смысл, переводчик Б. Рунин не транскрибирует имя нартского героя, а, учитывая контекст, передает как «сказочный жулик», что вполне, на наш взгляд, правильно. В контексте: *«Сайынмæ та афтæ сты, афтæ, æмæ нæхи Сырдон сæ рыджы дæр нæ фæзындзæн»*⁵¹¹ - «Ну, и обмануть, конечно, тоже норовят. О, это они умеют! Сказочные жулики...»⁵¹².

Давать определенную характеристику своим персонажам через имена свойственно и другому видному осетинскому прозаику Д. Мамсурову. В рассказе «Цыт» («Слава») автор одного из своих героев именует как «Дзынга»: *«Одни говорили: потому что у него глаза серые и большие, как у комара. Другие — потому, что усы у него длинные и закрученные вверх... Многие же были склонны предполагать, что прозвали его так за то, что он держал батраков и, как комар, высасывал из них кровь...»*⁵¹³. При передаче на русский язык переводчик рассказа В. Владимиров отказался от прямого перевода номинативного значения данного антропонима, использует транслитерацию, а в сноске счел

---

⁵¹⁰ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. — С. 216.

⁵¹¹ Ц а г а р а т ы М. Мады зарæг // Ц æ г æ р а т ы М. Равзæрст уацмыстæ. 2 т. 2-аг том. Орджоникидзе: Ир, 1976. — Ф. 184.

⁵¹² Ц а г а р а е в М. Материнская песня // Ц а г а р а е в М. Осетинская быль. Повести. Рассказы. Этюды. Авторизованный перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1975. — С. 452.

⁵¹³ М а м с у р о в Д. Слава. Рассказ. Пер. с осет. // Осетинская литература. М., 1952. — С. 232.

нужным объяснить: «Дзынга — по-осетински означает комар». Как легко заметить, Владимиров не совсем правильно донес лексическое значение исходного слова. В другом варианте перевода одноименного рассказа переводчик также использовал транслитерацию и верно поясняет в сноске, что «дзынга» в переводе с осетинского означает «овод»⁵¹⁴. Подобный прием при передаче имени другого персонажа рассказа Д. Мамсурова «Хъæндил» («Жук») использован переводчиком А. Ольшанским: «Кандил означает «жук» или «таракан»»⁵¹⁵. Прозвище, данное главному герою рассказа, указывает на определенный тип поведения и примечательную черту его характера. Безусловно, сам контекст подсказывал переводчику смысл данного антропонима: «Он не спеша набирает полную ложку шандага (в пер. с осет. «тюря» — Е. Д.), осторожно подносит ко рту, аппетитно хлебывает молоко, старательно слизывает оставшиеся на ней крошки кукурузного чурека и, тщательно разжевывая их, сопит волосатым носом. После каждой ложки шандага он поглаживает длинные усы, снимая задержавшиеся на них капли молока, вытирает руку о суконную ноговицу. Иной раз, когда ему бывает лень беспокоить свою руку, он захватывает усы языком в рот и смачно обсасывает их»⁵¹⁶. Как видно, переводчик верно донес до сознания читателя внутреннее содержание указанного имени.

Широко применяется транслитерация/транскрипция при передаче иноязычных слов-реалий. Не секрет, что особую сложность при переводе художественного текста

---

⁵¹⁴ М а м с у р о в Д. Слава. Рассказ. Пер. с осет. // М а м с у р о в Д. Избранные рассказы. Пер. с осет. М.: Художественная литература, 1958. — С. 149.

⁵¹⁵ М а м с у р о в Д. Жук. Рассказ. Пер. с осет. А. Ольшанского // М а м с у р о в Д. Рассказы. Пер. с осет. Вступ. статья Л. Либединской. М.: Художественная литература, 1979. — С. 161.

⁵¹⁶ Там же. — С. 159.

составляет трансформация слов и словосочетаний, «называющих объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому»⁵¹⁷.

Механическое перенесение слов-реалий — наиболее часто используемый переводчиками способ, обеспечивающий возможность передать в переводе оригинальную фонетическую/графическую форму исходного слова: «*гыцци*» — «*гыцци*», «*фынг*» — «*фынг*», «*туман*» — «*туман*», «*арчъитæ*» — «*арчита*», «*зиу*» — «*зиу*» и т.д. Передача слов-реалий графическими и фонетическими средствами переводящего языка дает возможность переводчику сохранить национальный колорит переводимого текста.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов мы попытались проследить разнообразные возможности передачи смысла и образов с исходного языка на переводящий. Использование лексических трансформаций как особых переводческих преобразований в художественном переводе осетинской прозы позволяет достичь адекватной передачи единиц исходного текста. В каждом конкретном случае переводчик ищет оптимальные пути преобразования планов содержания и выражения единиц в соответствии с нормами переводного знака.

---

⁵¹⁷ В л а х о в С., Ф л о р и н С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. — С. 47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад художественного перевода в обогащение литератур велик. Большую роль сыграла переводная художественная литература и в развитии осетинской литературы. Произведения русской и зарубежной классики пополняли ее сокровищницу. И наоборот, многие произведения осетинской литературы стали доступны русскоязычному читателю.

Осетинские писатели-переводчики, обращаясь к опыту своих русских коллег, воспринимали высочайшие духовные ценности. Художественный перевод являлся для них великолепной школой мастерства в накоплении профессионального опыта. Отряд переводчиков сыграл большую роль в деле просвещения своего народа, открыл осетинскому читателю неиссякаемый источник культурных богатств народов всего земного шара. «Международное бытование литературного произведения осуществляется благодаря коллективному творчеству литераторов — представителей разных национальностей. И оно является могучим фактором культурного сближения народов нашей планеты»⁵¹⁸, — эти слова Ю. Левина отлично выражают высокую и в то же время ответственную задачу каждого литератора и переводчика.

В настоящем исследовании характеризуется переводческий процесс в осетинской литературе с конца XVIII до 30-х гг. XX века. Начиная с церковной литературы, в работе прослеживаются основные этапы его развития вплоть до 20-30-х гг. XX в. В книге анализируются некоторые переводные произведения с русского на осетинский и с осетинского на русский язык, прослеживаются основные принципы перевода, степень близости содержания и фор-

⁵¹⁸ Л е в и н Ю. Д. Перевод и бытие литературы // Вопросы литературы. 1979. № 2. — С. 18.

мы разноязычных текстов. В ходе исследования установлено: на заре переводческой деятельности в осетинской литературе доминирующими принципами были, с одной стороны, буквализм — дословная передача слов исходного текста, воспроизведение его формальных и семантических компонентов. При этом перевод терял свою художественность, образность, т.е. те элементы, которые и характеризуют произведения художественной литературы. С другой стороны, некоторые переводчики пытались адаптировать исходный текст под свою культуру, для этого они специально насыщали перевод национальными элементами. В противовес буквальному вольный перевод не учитывал формальные и семантические особенности переводимого текста.

Значительное место в работе уделено анализу переведенных произведений А. Пушкина («Дубровский»), М. Лермонтова («Парус», «Бородино», «Хаджи абрек», «Герой нашего времени»), М. Горького («Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), С. Гадиева («Азау»), А. Цаликова («В абреки»), К. Хетагурова («Охота за турами», «Особа»), А. Коцоева («Джанаспи»), Н. Джусойты («Адæймаджы мæлæт» («Возвращение Урузмага»)), Т. Джатиева («Мæ урс дадалитæ» («Мои седые кудри»)), М. Цагараева («Мады зарæг» («Материнская песня»), «Сау хохы фиййау» («Пастух черной горы»)), М. Булкаты («Нарт Сосланы æвдæм балц» («Седьмой поход Сослана Нарты»)), Д. Мамсурова («Цыт» («Слава»)), «Хъæндил» («Жук»)).

Проведя текстологический анализ разноязычных текстов, нами прослежены:

- особенности воспроизведения в переводе формальной и содержательной сторон исходного текста;
- отражение в переводе национально-культурной специфики и прагматики оригинала;

- способы передачи в переводе стилистических особенностей художественного текста;
- адекватная передача образности оригинала, его лексических и фразеологических средств, культурно-маркированной лексики;
- степень равнозначности денотативного и коннотативного значений единиц исходного и переводного текста;
- основные переводческие стратегии при достижении эквивалентности переводного текста.

Как показал проведенный нами анализ, адекватность переводного текста оригиналу не всегда была доминирующим принципом перевода и самоцелью переводчиков. Некоторые переводчики стремились отразить только сюжетную основу переводимого текста, игнорируя при этом его национальный колорит, ритмику, прагматические аспекты. Переводчики, работающие сознательно, напротив, стремились воспроизвести семантику и прагматику оригинала, его художественно-композиционные черты, лексико-семантическую и стилистическую структуру.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л., 1958. — 655 с.; Т.2., Л., 1973. — 448 с.; Т.3., Л., 1979. — 358 с.; Т.4., Л., 1989. — 325 с.; Т.5., М., 1995. — 447 с.
2. *Айтматов Ч.* Перевод — дитя любви // Перевод — средство взаимного сближения народов: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1987. — С. 172-175.
3. *Алборов Б. А.* Первая печатная осетинская книга // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии: статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. Орджоникидзе: Ир, 1979. — С. 20-35.
4. *Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе, 1959. — 282 с.
5. *Ардасенты Х. Л. Н.* Толстойы уацмыстæ ирон æвзагыл. Уац // Мах дуг. 1961. №1. — Ф. 78-86.
6. *Ардасенты Х. Н. М.* Горький æмæ ирон литературæ // Мах дуг. 1968. №3. — Ф. 70-78.
7. *Ардасенты Х., Гулуты А.* Пушкин æмæ ирон литературæ // Мах дуг. 1949. №6. — Ф. 13-17; Рæстдзинад. 1949. 5 июня.
8. *Артемова А. Ф.* Особенности перевода единиц с культурной семантикой // Перевод: язык и культура. II форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии. Ереван: Лингва, 2009. — С. 66-77.
9. *Æлборты Х.* Горький æмæ ирон литературæ // Советон Ирыстон. 1968. 28 марты.
10. *Багаты Б.* Революцийы зарæггæнæг // Советон Ирыстон. 1983. 29 марты.
11. *Бакуменко О. Н.* Лексиконы билингва в ситуации автoperевода (на примере мемуарных книг В. Набокова):

- автореф. дис... канд. филол. наук. Курск, 2006. — 20 с.
12. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. — 239 с.
13. Бекоев Г. Берлины Гутнаты Елбыздыхъойы типографийы уагъд ирон фысджыты чингуытæ // *Æмбалты Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2009. — Ф. 412-414.*
14. *Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // В. Г. Белинский. Избранные статьи. М.: Детская литература, 1971. — С. 59-100.*
15. *Богазты У. М. Горькийы уацмыстæ ирон æвзагыл // Рæстдзинад. 1968. 28 марты.*
16. *Боциева Ф. А. Проблема сравнительно-типологического анализа осетинской поэзии 60-80-х годов XX века: Монография/Учреждение РАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГ-СИ, 2009. — 176 с.*
17. *Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. М.: Наука, 1941. Т. 43-44. — С. 517-627.*
18. *Виноградов В. С. Проблема эквивалентности в связи с типом переводного текста // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2: Проблемы перевода. М., 1998. — С. 229-238.*
19. *Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. — 342 с.*
20. *Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. 2-ое издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. — 416 с.*
21. *Волгина А. С. Автопереводы Иосифа Бродского и их восприятие в США и Великобритании: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2005. — 21 с.*
22. *Вопросы теории и методики учебного перевода: сб.*

- статей под ред. К. А. Ганшиной и И. В. Карпова. М., 1950. — 231 с.
23. *Гадиев Ц.* Прекрасное начало. К переводу «Вильгельма Телля» на осет. яз. // Горский вестник. 1924. №2-3.
24. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 544 с.
25. *Гачечиладзе Г. Р.* Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. — 285 с.
26. *Гачечиладзе Г. Р.* Вопросы теории художественного перевода. Тбилиси, 1964. — 268 с.
27. *Гачечиладзе Г. Р.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. 2-е изд. М., 1980. — 225 с.
28. *Гæдиаты С.* Колыты сауджын Аксойы тыххæй цыбыр дыууæ ныхасы // Мах дуг. 1993. №5-6. — Ф. 77-79.
29. *Гæдиаты Ц.* Вильгельм Телль // Рæстдзинад. 1924. 2 июня.
30. *Гæдиаты Ц.* Хорз райдайæн. «Вильгельм Телль» ирон æвзагмæ тæлмацгонд кæй æрцыд, уый тыххæй // Гæдиаты Ц. Уацмыстæ. Орджоникдзе, 1959. — 527 с.
31. *Гæдиаты Ц.* Хорз райдайæн // Æмбалты Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2009. — Ф. 415-418.
32. *Гвентадзе Г. Д.* М. Горький и грузинская литературная мысль в начале XX в. Тбилиси: Заря Востока, 1961. — 264 с.
33. *Гетоева-Миндзаева Л. К., Кусов Г. И.* А. С. Пушкин и Владикавказ. Владикавказ: Перо и Кисть, 2010. — 289 с.
34. Горький ирон æвзагыл // Æрыгон коммунист. 1958. 28 марты.
35. *Гостиева Л. К.* Протоиерей Косьма Токаев: миссионер, просветитель, педагог, этнограф // Известия СОИСИ. Вып. 3 (42). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. — С. 32-44.

36. *Гостиева Л. К.* Протоиерей Стефан Мамитов — деятель осетинской культуры // Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения (II Всероссийские Миллеровские чтения). Владикавказ, 2010. — С. 179-202.
37. *Гостиева Л. К.* Роль епископа Владикавказского Иосифа (Чепиговского) в развитии христианского просвещения осетин // Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия. Материалы Международной научной конференции/Сев-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова; Влад. науч. центр РАН и Правительства РСО-А; сост. З.Х. Тедтоева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. — С. 170-174.
38. *Гостиева Л. К.* Церковно-переводческая деятельность духовенства Осетии // Дагестанская литература: история и современность. Вып. V. Махачкала, 2010. — С. 239-243.
44. *Григорьев Г.* Революцийы уадфидиуæг // Советон Ирыстон. 1978. 30 март.
39. *Григорьев И. Н.* Литературный билингвизм В. Набокова (синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя): дис.... канд. филол. наук. Пермь, 2005. — 285 с.
40. *Гулуев А.* Коста Хетагуров — переводчик // Рæстдзинад. 1936. №124. 1 июня. — С. 3.
41. *Гулуты А. А. С.* Пушкины æмдзæвгæты тæлмацы тыххæй // Æрыгон коммунист. 1954. 29 августа.
42. *Гулуты А.* Уырыссаг æвзагæй иронмæ тæлмацгонд уацмыстæ // Мах дуг. 1954. №8. — Ф. 63-86.
43. *Гуриев Т. А.* К проблеме перевода произведений А. С. Пушкина на осетинский язык // Пушкин и Кавказ: история и современность. Пятигорск, 1999. — С. 29-30.
44. *Гутиев К.* Комментарии // Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 283-299.
51. *Думназева В. А.* Особенности репрезентации нацио-

нального дискурсивного пространства русским образным словом: автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. — 23 с.

46. *Дырул А. М.* Перевод и вопрос сохранения специфики подлинника художественного произведения // Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения: сб. науч. статей; АН МССР, ин-т яз. и лит-ры; отв. ред. чл-кор. АН СССР Г. В. Степанов. Кишинев: Штиинца, 1977. — С. 100-117.

47. *Дзагуров Г.* О Цоцко Амбалове. Мысинæгтæ // Æмбалты Ц. Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2009. — С. 435-448.

48. *Дзанарова Е. Б.* Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №6 (24): в 2-х ч. Ч. II. — С. 87-90.

49. *Дзанарова Е. Б.* Проявление творческой индивидуальности Х. Д. Цомаева в переводе «Песни о Буревестнике» М. Горького // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена № 34 (74): Аспирантские тетради. Ч. I. (Общественные и гуманитарные науки). СПб., 2008. — С.161-164.

50. *Дзанарова Е. Б.* Способы достижения эквивалентности паремий в процессе художественного перевода // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Т. 10. — С. 256-265.

51. *Дзанарова Е. Б.* Харлампий Цомаев и православная культура Осетии. Монография. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и

- Правительства РСО-А. Владикавказ, 2010. — 171 с.
52. *Дзатцеева Н. А.* Время возвращает имена: Харлампий Цомаев — просветитель, деятель культуры // Вопросы осетинской литературы и фольклора: сб. статей. Владикавказ, 1993. — С. 177-189.
53. *Дзатцеева Н. А.* «И назовет меня всяк сущий в ней язык...»: [О переводах А. С. Пушкина на осетинский язык] // Социалистическая Осетия. 1990. 30 мая.
54. *Дзахов И. М.* К вопросу о художественных переводах в осетинской литературе (Нигер — переводчик Пушкина) // Вопросы осетинского литературоведения. Т. 33. Орджоникидзе, 1978. — С. 104-117.
55. *Дзахов И. М.* Коста Хетагуров — переводчик // Сборник трудов молодых ученых научно-исследовательского института. Вып. 3. Орджоникидзе, 1974. — С. 240-247.
56. *Дзахов И. М.* О переводах «Осетинской лиры» Коста. Владикавказ: Ир, 1996. — 160 с.
57. *Дзуцева Н. А.* Поэзия К. Л. Хетагурова в контексте русской поэзии 80-90-х годов XIX — начала XX века. СПб., 2006. — 266 с.
58. *Дзуццаты Х.-М. А.* Соавтор времени. Грис Плиев. Жизнь и смерть. Стихи и поэмы на осетинском языке // Плиты Грис æмæ литературон процесс/Чиныгаразæг, разныхасы автор æмæ бæрнон редактор Хозиты Б. Дзæуджыхъæу: Ир, 2013. — С. 274-278.
59. *Джусойты Н. Г.* Все сущее увековечить // Литературное обозрение. 1983. №8. — С. 36-41.
60. *Джусойты Н. Г.* В их собственном виде // Вопросы литературы. 1979. № 5. — С. 76-79.
61. *Джусойты Н. Г.* Исправительный перевод? // Дружба народов. 1979. №6. — С. 265-268.
62. *Джусойты Н. Г.* Мера совершенства (переводного произведения оригиналу и совершенство его воспроиз-

- ведения в материале другого национального языка) // Вопросы литературы. 1978. № 10. — С. 4-26.
63. Джусойты Н. Г. Несколько наболевших вопросов // Дружба народов. 1978. №11. — С. 256-264.
64. Джусойты Н. Г. Обманчивая прелесть «игры без правил». Перевод поэзии, поэзия перевода. [О стихотв. К. Кулиева «Лунная ночь» в пер. Б. Ахмадулиной] // Литературная газета. 1972. 22 ноября. — С. 4.
65. Джусойты Н. Г. О мудрости и предрассудках переводчика // В мире книг. 1978. №12.
66. Джусойты Н. Г. Пушкин на осетинском языке (заметки переводчика) // Пушкин А. С. Исследования и материалы. М.-Л., 1953. — С. 459-463.
67. Джусойты Н. Г. Художественный перевод и взаимодействие литератур // Вопросы литературы. 1979. № 5. — С. 3-82.
68. Джыккайты Ш. Ф. Зæххылисиу Хуыцау — рæстдзинад (Плиты Грисы сфæлдыстад) // Джыккайты Ш. Ф. Ныхасы фарн: Зонадон уацтæ æмæ эссе. Дзæуджыхъæу: Ир, 1996. — Ф. 202-258.
69. Джыккайты Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу: Ир, 2003. — 462 ф.
70. Жук Д. Ю. Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения: Роман В. Набокова «Дар»/«The Gift»: автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2002. — 24 с.
71. Ивашин В. В. М. Горький и белорусская литература начала XX века. Минск: Академия наук БССР, 1956. — 199 с.
72. Кандиев Б. Пушкин æмæ ирон литературæ // Мах дуг. 1967. № 6. — Ф. 96-99.
73. Кассиев Э. Ю. Проблемы художественного перевода дагестанской поэзии. Махачкала, 1994. — 163 с.

74. *Кашкин И. А.* Для читателя-современника. М., 1968. — 562 с.
75. *Келехсаева Л. Б. А. С. Гулуев и традиции русской поэзии.* К 100-летию со дня рождения. Владикавказ: Алания, 1993. — 188 с.
76. *Киндеркнехт А. С.* К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. Вып. 10 (16). Пермь, 2007. — С. 3-10.
77. *Коломейцева Е. М., Макеева М. Н.* Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. — 92 с.
78. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2004. — 424 с.
79. *Комиссаров В. Н.* Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. — 215 с.
80. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 2004. — 253 с.
81. *Кравченко Г. М.* Горький и Северная Осетия. К 115-летней годовщине со дня рождения великого русского писателя // Социалистическая Осетия. 1983. 27 марта.
82. *Круглик Л. Я.* Портрет в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Ученые записки Московского областного пединститута. Т. 122, 1963. Вып. 8. — С. 63-81.
83. *Крупнов В. Н.* В творческой лаборатории переводчика: очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения, 1976. — 190 с.
84. *Кулаев В.* Пушкин в осетинской литературе // Социалистическая Осетия. 1959. № 128.
85. *Кулаев Х. Н.* О переводе «Манифеста Коммунисти-

ческой партии» на осетинский язык» // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXVIII. Орджоникидзе, 1970. — С. 279-287.

86. Левик В. Лев Гинзбург. Опыт литературного портрета // Художественный перевод: проблемы и суждения. Сборник статей/Сост. Л. А. Аннинский. М.: Известия, 1986. — С. 212-218.

87. Левин Ю. Д. Перевод и бытие литературы // Вопросы литературы. 1979. № 2. — С. 10-18.

88. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. — 394 с.

89. Лилова А. Введение в общую теорию перевода/Под общ. ред. П. М. Топера. М.: Высшая школа, 1985. — 256 с.

90. Мамиева Н. К. Незапятанным я передам младшим поколениям имя «горец» (О жизни и творчестве Г. Плиева) // Плиты Грис æмæ литературон процесс/Чиныгаразæг, разныхасы автор æмæ бæрнон редактор Хозиты Б. Дзæуджыхъæу: Ир, 2013. — С. 148-164.

91. Марзоев С. Номенклатурные этюды. Храм и пантеон // Дарьял. 2000. № 2. — С. 215-217.

92. Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. — 492 с.

93. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. — 208 с.

94. Назарова Л. Н. «Хаджи Абрек» // Лермонтовская энциклопедия/АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. М.: Советская Энциклопедия, 1981. — С. 600-601.

95. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное

- пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. — 416 с.
96. *Нигер*. Пушкин и осетинская литература // Социалистическая Осетия. 1949. 4 апреля.
97. *Нигер*. Цы у аив тæлмац æмæ куыд ивд у ирон æвзагмæ «Интернационал»? Уырыссаг æвзагæй Гугытæиаты Хъ. тæлмац // Нигер. Уацмысты æххæст æмбырдгонд. Æртæ томæй. 3-аг том. Дзæуджыхъæу: Ир, 1968. — Ф. 14-40.
98. *Носик Б. М.* Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография. М.: Пенаты, 1995. — 549 с.
99. *Носик Б.* Набоков-переводчик и переводчики Набокова // Иностранная литература. 1993. № 11. — С. 238-242.
100. *Оболенская Ю. Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд-е 3-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 264 с.
101. *Огнева Е. А.* Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. — 228 с.
102. Очерк развития осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. — 418 с.
103. Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР // Лермонтовская энциклопедия/АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. М.: Советская Энциклопедия, 1981. — С. 371-387.
104. *Песков А. М., Турбин В. Н.* Антитеза // Лермонтовская энциклопедия/АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпчен-

- ко М. Б. М.: Советская Энциклопедия, 1981. — С. 33-34.
105. *Плиев Г.* Пушкин на осетинском языке // Рæстдзинад. 1937. 12 января.
106. *Польская Е. М.* Горький в Осетии // Литературная Осетия. 1974. №44. — С. 95-98.
107. *Privat M. Ю.* Propos de la tradition des proverbs // Revista de Filologia Romanica. №15, 1998. — P. 281-289.
108. *Разумовская В. А.* Русскоязычный и англоязычный И. Бродский: проблемы поэтического перевода и авторперевода // Русский язык и литература во времени и пространстве: материалы XII конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы/Под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова. Шанхай, 2011. Т. 4. — С. 110-115.
109. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М., 1974. — 220 с.
110. *Россельс В. М.* Сколько весит слово. Статьи. М.: Советский писатель, 1984. — 432 с.
111. *Сабаев С. Б.* Очерки русско-осетинских литературных связей. Орджоникидзе: Ир, 1982. — 150 с.
112. *Салагаева З. М.* От Нузальской надписи к роману: проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. — 312 с.
113. *Сдобников В. В., Петрова О. В.* Теория перевода. М.-Владимир: Восток-Запад; ВКТ, 2008. — 444 с.
114. *Сотиева Р.* Бабу Зангиев: литератор, просветитель, общественный деятель // Дарьял. 2010. №4. — С. 198-207.
115. *Тедтоева З. Л. Н.* Толстой на осетинском языке // Литературная Осетия. 1978. №52. — С. 76-81.
116. *Тедтойты З.* Разныхас // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 5-6.
117. *Тексти перевод/В. Н. Комиссаров, Л. Я. Черняховская,*

Л.К. Латышев и др./Отв. ред. А.Д. Швейцер; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. — 164 с.

118. *Тлаттаты* А. Ирон литературæ ахуыр кæныны методикæ V-VIII кълæсты. Ахуыргæнæгæн æххуысы чиныг. Дзæуджыхъæу, 1991. — 143 ф.

119. *Толасова Б.* Искусство перевода (Пушкинские дни в Северной Осетии) // Социалистическая Осетия. 1980. 24 мая.

120. *Толасова Б.* Поклон великому поэту // Социалистическая Осетия. 1990. 30 мая.

121. *Топер П.* Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. № 6. — С. 178-199.

122. *Топер П.* Творческая личность переводчика // Топер П. Перевод в системе сравнительного литературоведения. Изд. 2-е. М.: Наследие, 2001. — С.219-230.

123. *Тотоев М.* Писатель Б. Туганов — первый переводчик «Манифеста Коммунистической партии» // Социалистическая Осетия. 1948. 28 февраля.

124. *Туаллагов А. Д., Туаллагов А. А.* Цоцко Бицоевич Амбалов (историко-биографический очерк). ФГБУН Сев. Осет. ин-т. гум. и соц. иссл. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. — 263 с.

125. *Туманишвили (Туманов) Г. М.* Характеристики и воспоминания. Тифлис, 1900. Кн. 1. — 300 с.

126. *Тыбылты А.* Зæнджиаты Бæбуйы куыст // Тыбылты А. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал: Ирыстон, 1988. — Ф. 183-184.

127. *Уарзиаты В.* Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. — 233 с.

128. *Удодов Б. Г.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. — 188 с.

129. *Фалькович Г.* Мир поэта и долг переводчика // Мастерство перевода. Вып. 7. 1970. — С. 280-300.
130. *Федоров А. В.* Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). Изд. 2-ое, перераб. М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958. — 374 с.
131. *Федоров А. В. М. Ю.* Лермонтов и литература его времени. Л.: Художественная литература, 1967. — 361 с.
132. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода: учебник для вузов. Изд. 5-е, перер. и дополн. М.: Изд. Дом «Филология три», СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2002. — 416 с.
133. *Хадарцева А.* Лермонтов и осетинская литература // Социалистическая Осетия. 1964. 15 октября.
134. *Хаданова Ф. Х.* О просветителе Протоиерее Стефане Мамитове // Известия СОИГСИ. Вып. 3 (42). Владикавказ, 2009. — С. 45-53.
135. *Хозиев Я.* О переводах произведений Пушкина // Ёрыгон большевик. 1937. №9. 19 января. — С. 4.
136. *Хугаев И. С.* Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. — С. 301-459.
137. *Церетели А.* Сочинения. Тбилиси, 1957. Т. 5. — 316 с.
138. *Цориева И. Т.* Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х — середина 60-х гг. XX в.) Монография; Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. — 282 с.
139. *Цховребова Л. Э.* Жизнь и творчество Гадиева Цомака и русская литература. Сталинир, 1961. — 360 с.
140. *Швейцгер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты; отв. ред. В. Н. Ярцева; Академия Наук СССР,

- Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. — 214 с.
141. *Чернышевский Н. Г.* Сочинения. В 15-ти т/Под общ. ред. В. Я. Кирпоткина и др. М.: Художественная литература, 1950. Т. 5. — 1007 с.
142. *Чернышевский Н. Г.* Шиллер в переводе русских поэтов // Перевод средство взаимного сближения народов: художественная публицистика/Сост. А. А. Клышко; Предисл. С. К. Апта. М.: Прогресс, 1987. — С. 65-107.
143. *Чеснокова М. С.* Способы воссоздания метафорических тропов в автопереводе (на материале авторских переводов В. В. Набокова): дис. ... канд. филолог. наук. С-Пб., 2003. — 196 с.
144. *Чибиров Л. А.* Выдающийся просветитель. Жизнь и деятельность А. Б. Колиева // Аксо Колиев/Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Алания. — С. 3-33.
145. *Чибирова М. Л.* Художественный перевод и проблема национального колорита (на материале русских переводов осетинской поэзии второй половины XX века). Сев.-Осет. ин-т. гум. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. Владикавказ, 2006. — 156 с.

ИСТОЧНИКИ

146. *Æмбалты Ц.* Удварны хæзнатæ (Духовные сокровища)/Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфийон куыстуат, 2009. — 511 ф.
147. *Булкаты М.* Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал: Ирыстон, 1988. — 279 с.
148. *Булкаты М.* Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. — 280 с.

149. Большой русско-осетинский словарь: около 60000 слов и выражений. Авторы Л. Б. Гацалова и Л. К. Парсиева/Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 с.
150. Гадиев С. Азау. Рассказ. Перевел Ц. Гадиев // Осетинская литература. М.: Художественная литература, 1952. — С. 125-132.
151. Гадиев С. Азау // Гадиев С. Азау. Произведения. Перевод с осетинского. Цхинвали: Ирыстон, 1984. — С. 21-32.
152. Гæдиаты С. Азау // Малусæг. 1-аг чиныг. Æмдзæвгæтæ. Радзырдтæ. Драмæтæ. Владикавказ. 1922. №1. — Ф. 19-31.
153. Гæдиаты С. Азау // Макоты З., Джыккайты Ш. Ирон литературæ: Ахуыргæнæн чиныг-хрестомати 8-æм къласæн. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. — Ф. 86-98.
154. Гæдиаты С. Азау // Гæдиаты С. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. — Ф. 277-293.
155. Горький М. 9-е января. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1931. — 45 с.
156. Горький М. Адæймаг. Прозæйæ фыст поэмæ // Мах дуг. 1988. №3. — Ф. 73-80.
157. Горький М. Адæймаджы райгуырд. Радзырд // Мах дуг. 1952. №9. — Ф. 11-18.
158. Горький М. Америкайы // Мах дуг. 1950. №7. — Ф. 3-10.
159. Горький М. Вассæ Железнова. Пьесæ // Мах дуг. 1958. №4. — Ф. 54-71; №5. — Ф. 69-76.
160. Горький М. В. И. Ленин. Скъуыддзаг очеркай // Мах дуг. 1945. №2. — Ф. 5-10.

161. Горький М. В. И. Ленин. Скъуыддзæгтæ // Мах дуг. 1970. №4. — Ф. 35-42.
162. Горький М. В. И. Ленин. Мысинагтæ // Мах дуг. 1954. №1. — Ф. 14-16.
163. Горький М. В. И. Ленин. Хицæн бынæттæ мысинагтæй // Мах дуг. 1960. №4. — Ф.12-17.
164. Горький М. Дед Архип и Ленъка. Забастовка в Парме. Песня о Буревестнике. Рассказы. (С крат. биогр. Горького). На осетинском языке. Пер. С. Бритаев. Орджоникидзе: Растдзинад, 1932. — 58 с.
165. Горький М. Дед Архип и Ленъка. На осетинском языке. Пер. С. Бритаев. Дзауджикау: Севосгиз, 1949. — 35 с.
166. Горький М. Зарæг Уадуацхæссæгыл. Пер. на осет. яз. Я. Хозиева // Мах дуг. 1946. № 5-6. — Ф. 12-15.
167. Горький М. Избранные произведения на осетинском языке. Дзауджикау, 1947. — 262 с.
168. Горький М. Италийы тыххæй аргъæуттæ // Мах дуг. 1935. №5-6. — Ф. 56-60.
169. Горький М. Мать. На осетинском языке. Пер. Г. Дзгоев. Орджоникидзе: Севосгиз, 1936. — 458 с.
170. Горький М. Песнь о Буревестнике // Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М.: Художественная литература, 1950. Т. 5. — С. 326-327.
171. Горький М. Песня о Соколе // Горький М. Челкаш. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1972. — С. 157-162.
172. Горький М. Песня о Соколе. Пер. на осет. яз. Джермуга // Хурзæрин. 1924. 25 апреля.
173. Горький М. Раконд. Радзырд // Мах дуг. 1953. №4. — Ф. 77-79.
174. Горький М. Республикаейы къаролтæй иу. Радзырд // Мах дуг. 1950. №6. — Ф. 3-12.

175. Горький М. Сборник. На осетинском языке. Сталинир: Нациздат, 1937. — 300 с.
176. Горький М. Старуха Изергиль. Зæронд ус Изергиль. Рассказы. Орджоникидзе: Ир, 1968. — 201 ф.
177. Горький М. Страсти-мордасти. Радзырд // Мах дуг. 1956. №8. — Ф. 62-73.
178. Горький М. Туннель. Итайлаг аргъæуттæй // Мах дуг. 1939. №6. — Ф. 39-42.
179. Горький М. Уадфидиуæджы зарæг. Пер. на осет. яз. Г. Дзугаева // Растдзинад. 1968. 28 марта. — Ф. 2.
180. Горький М. Уадхæссæджы зарæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Растдзинад. 1928. 31 марта. — С. 3.
181. Горький М. Уарийы зарæг // Мамытты Стефан. Косе. Радзырдтæ, драмæ, аргъæуттæ, тæлмацтæ: Чиныг аразæг филологон наукæты кандидат, доцент Хъантемыраты Риммæ. Дзæуджыхъæу, 2005. — Ф. 141-143.
182. Горький М. Уарийы зарæг. Æмдзæвгæ // Мах дуг. 1936. №4. — Ф. 17-22.
183. Горький М. «Уарийы зарæг», «Зарæг уадуацхæссæгыл», скъуыддзаг «Зæронд ус Изергиль»-æй, «Æмбал» // Мах дуг. 1946. № 5-6. — Ф. 9-20.
184. Горький М. Уми. Хъырымаг эскизтæй // Мах дуг. 1936. №4. — Ф. 34-36.
185. Горький М. Фыццаг хатт æз уыцы усы федтон... Радзырд // Мах дуг. 1968. №3. — Ф. 15-18.
186. Горький М. Цъеусори зар // Мах дуг. 1936. № 2. — Ф. 34-37.
187. Горький М. Челкаш. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1930. — 75 ф.
188. Горький М. Чиныг. Радзырд // Мах дуг. 1946. №5-6. — Ф. 21-27.
189. Горький М. Чызг æмæ мæлæт. Аргъау // Мах дуг.

1951. №6. — Ф. 3-9.
190. Горький М. Чызг æмæ мæлæт. Аргъау // Мах дуг. 1968. №3. — Ф. 10-15.
191. Дзадтиаты Т. Мæ урс дадалитæ. Назирæты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965. — 181 с.
192. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. — 284 с.
193. Джатиев Т. И. Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Джатиев Т. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1972. — С. 199-359.
194. Джусойты Н. Г. Возвращение Урузмага. Повесть // Джусойты Н. Г. Реки вспять не текут. Повести. С осетинского перевел автор. М.: Советский писатель, 1981. — С. 3-139.
195. Ирон адæмы сфæлдыстад. 2-аг том. Сарæзта йæ Салæгаты Зоя. Орджоникидзе, 1961. — 692 с.
196. Коцоев А. Джанаспи. Повесть. Пер. с осет. В. Шкловского // Коцоев А. Избранные рассказы. М.: Художественная литература, 1952. — С. 94-147.
197. Коцойты А. Джанаспи. Повесть // Коцойты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. — Ф. 319-408.
198. Лермонтов М. Ю. Бородино // М. Ю. Лермонтов. Сочинения в двух томах. Том первый/Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 154-156.
199. Лермонтов М. Ю. Бородино. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 13-15.
200. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени //

Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. Т. 2. — С. 455-589.

201. *Лермонтов М. Ю.* Мах рæстæджы сгуыхт лæг. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева. Орджоникидзе, 1951. — 195 ф.

202. *Лермонтов М. Ю.* Наупæлæз. Плиты Г. Тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 11.

203. *Лермонтов М. Ю.* Парус // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 143.

204. *Лермонтов М. Ю.* Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — 296 ф.

205. *Лермонтов М. Ю.* Хаджи Абрек. Поэма // Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. — С. 418-429.

206. *Лермонтов М. Ю.* Хаджи-абыраг. Кадæг. Плиты Г. тæлмац // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. — Ф. 30-42.

207. Лермонтовская энциклопедия; гл. ред. Мануйлов В. А. М.: Советская энциклопедия, 1981. — 784 с.

208. *Мамсуров Д.* Жук. Рассказ. Пер. с осет. А. Ольшанского // Мамсуров Д. Рассказы. Пер. с осет. Вступ. статья Л. Либединской. М.: Художественная литература, 1979. — С. 159-169.

209. *Мамсуров Д.* Слава. Рассказ. Пер. с осет. // Мамсуров Д. Избранные рассказы. Пер. с осет. М.: Художественная литература, 1958. — С. 149-176.

210. *Мамсуров Д.* Слава. Рассказ. Пер. с осет. // Осетинская литература. М., 1952. — С. 232-241.

211. *Нафи*. Адæймаджы мæлæт. Уацау // *Нафи*. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976. — Ф. 61-181.
212. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2003. — 318 с.
213. Осетинско-русский словарь. 2-ое дополненное издание. Около 27000 слов. Сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книжное издательство, 1962. — 662 с.
214. «Песня о Соколе» Макс. Горького. Уарийы зарæг. Перевод свящ. Ст. Мамитова // *Хабар*. 2-7 мая 1909 г. №8. Л. 3; *Хабар*. 22-29 мая 1909 г. №9. Л. 2-3.
215. *Пушкин А. С.* Донласт // *Рæстдзинад*. 1999. 27 мая.
216. *Пушкин А. С.* Дубровский // *Пушкин А. С.* Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 126-190.
217. *Пушкин А. С.* Дубровский. Ратæлмац æй кодта Коцойты А. // *Пушкин А. С.* Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 147-236.
218. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. На осетинский язык перевел Н. Джусойты. Сталинир, 1959. — 215 с.
219. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. На осетинский язык перевел Г. Кайтукова. Дзауджикау: Севосгиз, 1952. — 180 с.
220. *Пушкин А. С.* Зымæгон изæр // *Мах дуг*. 1937. №1. — Ф. 28; *Рæстдзинад*. 1949. 5 июнь; *Рæстдзинад*. 2004. 15 май.
221. *Пушкин А. С.* Зымæгон фæндаг // *Рæстдзинад*. 1949. 5 июнь.
222. *Пушкин А. С.* Кавказ // *Мах дуг*. 1935. №7. — Ф. 75; 1979. №6. — Ф. 3; *Рæстдзинад*. 1949. 5 июнь; 2007. 10

- февраль; Рæстдзинад. 1974. 6 июнь; 1979. 6 июнь; 1989. 23 май; 2004. 5 июнь.
223. *Пушкин А. С.* Капитанская дочка. На осетинский язык перевел С. Бритаев. Дзауджикау: Севосгиз, 1949. — 145 с.
224. *Пушкин А. С.* Капитанская дочка. На осетинском языке. Сталинир, 1937. — 160 с.
225. *Пушкин А. С.* Медный всадник. Цыгане. На осетинском языке. Орджоникидзе: Севосгиз, 1940. — 41 с.
226. *Пушкин А. С.* Повести Белкина. На осетинском языке. Сталинир, 1937. — 92 с.
227. *Пушкин А. С.* Произведения. Поэзия. Дзауджикау, 1949. — 251 с.
228. *Пушкин А. С.* Произведения. Проза. На осет. яз. Дзауджикау, 1949. — 341 с.
229. *Пушкин А. С.* Произведения/Сост. Н. Джусойты, Ш. Джикаев. Орджоникидзе: Ир, 1987. — 399 с.
230. *Пушкин А. С.* Равзæрст прозæ. Дзæуджыхъæу, 1937. — 210 ф.
231. *Пушкин А. С.* Сборник стихов. На осет. яз. Сталинир, 1937. — 35 с.
232. *Пушкин А. С.* Сказка о рыбаке и рыбке. Кæсагахсæг æмæ кæсаджы аргъау. Пер. Г. Плиева. Орджоникидзе, 1937. — 15 ф.
233. *Пушкин А. С.* Сказки. На осет. яз. Дзауджикау, 1949. — 79 с.
234. *Пушкин А. С.* Сыбырмаæ. Æмдзæвгæтæ // Мах дуг. 1937. №2. — Ф. 23; Рæстдзинад. 1937. 10 февраля; Рæстдзинад. 1990. 29 май.
235. *Пушкин А. С.* Фæнды нæ хъæлдзæг уынгтæм рафтон... Плиты Г. тæлмац // Рæстдзинад. 1999. 27 мая; Мах дуг. 1937. №2. — Ф. 23.

236. *Пушкин А. С. Цигантæ // Мах дуг. 1938. №№ 5, 6. — Ф. 76-85.*
237. *Пушкин А. С. Цигантæ. Плиты Г. тæлмац // Пушкин А. С. Æрхуы барæг. Орджоникидзе, 1940. — 41 ф.*
238. *Пушкин А. С. Цырт // Рæстдзинад. 1987. 10 февраль.*
239. *Русские пословицы и поговорки/Сост. Берсеньева К. Г. М.: Центрполиграф, 2009. — 383 с.*
240. *Толковый словарь осетинского языка в 4-х томах. Под общей редакцией Н. Я. Габараева. Т. 2. М.: Наука, 2010. — 486 с.*
241. *Хетагуров К.Л. Быт горных осетин (Этнографический очерк). Сталинир: ГОСИЗДАТ Ю. О. А. О., 1939. — 38 с.*
242. *Хетагуров К. Л. Быт горных осетин/Пер. на груз. яз. И. Зурабишвили // Хетагуров К. Л. Сборник избранных произведений. Сталинир, 1939. — 659 с.*
243. *Хетагуров К. Л. Избави Бог и нас от этаких судей // Хетагуров К. Л. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. Статьи. Письма. М.: Художественная литература, 1974. — С. 124-133.*
244. *Хетагуров К. Л. Особа/Пер. на осет. яз. Н. Доева // Хетагуров К. Л. Собр. соч. В 3-х т. Орджоникидзе, 1956. — С. 199-252.*
245. *Хетагуров К. Л. Особа (Этнографический очерк) // Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974. — С. 228-282.*
246. *Хетагуров К. Л. Особа. Этнографический очерк. Ossoba. На франц. язык пер. Я. Лебединский // Венок Бессмертия: материалы Междун. науч. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Хетагурова/Сост. З. Х. Тедтоева; Сев.-Осет. гос. ун-т*

- им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Проект-Пресс, 2010. — С. 517-544.
247. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами. Джугьутур уӕгъа барыӕ/На карач. яз. пер. О. Хубиев. Черкесск, 1962. — 16 с.
248. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами. La chasse aux bouquetins. На франц. язык пер. Я. Лебединский // Венок Бессмертия: материалы Междун. науч. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Хетагурова/Сост. З. Х. Тедтоева; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Проект-Пресс, 2010. — С. 488-492.
249. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами. Рассказ/Пер. И. Бакурадзе // Сабчота Осети. 1939. 22 мая.
250. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами. Пер. Х. Вардошвили // Мнатоби. 1957. №3. — С. 73.
251. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами. Рассказ/Пер. М. Нижарадзе // Антология осетинской прозы. Тбилиси, 1975. — С. 20.
252. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами/Пер. на груз. яз. Тбилиси: Никадули, 1967. — 15 с.
253. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами. Рассказ/Пер. Х. Кросс // Ноорус. 1959. №11. — С. 16-18.
254. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами // Осетинские рассказы. Предисл. и пер. В. Чередниченко. Харьков-Киев, 1931. — С. 19-32.
255. *Хетагуров К. Л.* Охота за турами // Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. — С. 215-227.
256. Хӕххон цард (Къостайы фыст уырыссаг ӕвзагыл). Амырханы тӕлмац // Кермен. 1920. №44-46.
257. *Хетӕгкаты Къ.* Дзӕбидырдуаны // Сборник

- избранных произведений (1859-1939). Сталинир, 1939. — 625 с.
258. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон прозæйы антологи. Дыууæ томæй. 1-аг том. Цхинвал: Ирыстон, 1969. — Ф. 120-127.*
259. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Пионер. Детский журнал. 1941. №4. — Ф. 3-9.*
260. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны/Пер. А. Тотиев // Собр. соч. в 3-х т. 1956. Т. 2. — Ф. 201-210.*
261. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Солнце золотое. Антология детской литературы. Т. 1. Орджоникидзе, 1973. — Ф. 142-151.*
262. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 5-æм къласæн. Сарæзта йæ Зæнджиаты Розæ. Дзæуджыхъæу, 1972. — Ф. 92-99.*
263. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 6-æм къласæн. Сарæзтой йæ Зæнджиаты Розæ æмæ Дзасохты Фатимæ. Дзæуджыхъæу, 1995. — Ф. 61-69.*
264. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003. — 30 ф.*
265. *Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. — Ф. 58-65.*
266. *Цагараев М. Материнская песня // Антология осетинской прозы/Составители Тотров Р. Х., Ходов К. Х. Орджоникидзе: Ир, 1983. — С. 308-336.*
267. *Цагараев М. Материнская песня // Цагараев М. Осетинская быль. Повести. Рассказы. Этюды. Авторизованный перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1975. — С. 443-474.*
268. *Цагараты М. Мады зарæг // Цæгæраты М. Равзæрст*

уацмыстæ. 2 т. 2-аг том. Орджоникидзе: Ир, 1976. — Ф. 175-209.

269. *Цагараев М.* Пастух Черной горы. Перевод М. Блинковой // Цагараев М. Осетинская быль. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1965. — С. 143-246.

270. *Цæгæраты М.* Сау хофы фиййау. Повесть // Цæгæраты М. Равзæрст уацмыстæ. Дыууæ томæй. 1 — Т. Орджоникидзе: Ир, 1975. — Ф. 213-318.

271. *Цаликов А.* В абреки // Цаликов А. Избранное/Авт. вступ. ст. З. М. Салагаева. Владикавказ, 2002. — С. 61-64.

272. *Цæлыккаты А.* Чырысти райгас. Хохаг адæмы цардæй. Пер. на осет. яз. Х. Цомаева // Мах дуг. 1997. № 10. — Ф. 36-40.

НАУЧНЫЙ АРХИВ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. В. И. АБАЕВА ВНЦ РАН И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО-АЛАНИЯ

273. *Алборов Б. А.* Грузинское письмо с половины XVIII века // Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 1.

274. *Алборов Б. А.* Новое в истории изучения первой печатной книги (осетинской) 1798 г. // Ф. 19 (Лит.). Оп. 1. Д. 218.

275. *Амбалов Ц.* О сказках Андерсена. Письмо к С. Косирати // Ф. 30 (Лит.). Оп. 1. Д. 13.

276. *Амбалов Ц.* Перевод рецензии неизвестного автора «Всеволод Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь» // Ф. 10. Оп. 1. Д. 22.

277. *Амбалов Ц.* — переводчик на осет. яз. «Ашик-Кериб» М. Ю. Лермонтова // Ф. С. Газдановой. Д. 50.

278. *Амбалов Ц.* Разные переводы // Ф. 10. Оп. 1. Д. 20.

279. *Андерсен Г.-Х.* Митын æхсин (Аргъау). Пере-

- вод Ц. Амбалова, 1923 г. // Ф. 10. Оп. 1. Д. 15.
280. *Андерсен Г.-Х.* Сказки. Перевод Ц. Амбалова // Ф. 30 (Лит.). Оп. 1. Д. 13.
281. *Андерсен Г.-Х.* Гадкий утенок. Пер. на осет. яз. Ц. Амбалова // Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 14.
282. *Андерсен Г.-Х.* Аргъæутгæ. Перевод Ц. Амбалова // Ф. 10. Оп. 1. Д. 16.
283. *Бесаев Т.* Статьи и черновые наброски по вопросу об авторском переводе // Ф. 58 (Лит.). Оп. 1.
284. Бонычиныг арæныфидар Мæздæгæй мид Кавказмæ 1781 азы бæлццон. Перевод Ц. Амбалова (1932) // Ф. 10. Оп. 1. Д. 3.
285. Бонычиныг арæныфидар Мæздæгæй мид Кавказмæ 1781 азы бæлццон. Перевод Ц. Амбалова. Продолжение дела // Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.
286. *Бритаев С. А.* Переводная литература на осетинский язык до Великой Октябрьской социалистической революции // Ф. 44. Оп. 1. Д. 14.
287. *Бритаев С.* Раст тæлмац кæнæм æви нæ? / Бритаев С. Как обстоит дело с переводом? // Ф. 35. Оп. 1. Д. 40.
288. Beschreibung einer ins Jahr 1628... Перевод Ц. Амбалова. 1933 г. // Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.
289. *Гадиев С.* Азау. Перевод с осет. Ц. Гадиева // Ф. 16. Оп. 1. Д. 46-55. Журнал «Жизнь для всех». 1914. №4. — С. 537-551.
290. *Гадиев С.* «Арагвийский алдар Нугзар», «Мать и сын», «Дыса». Пер. Д. Туаева // Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94.
291. *Гадиев Ц.* Прекрасное начало. К переводу «Вильгельма Телля» на осет. яз. // Ф. 16. Оп. 1. Д. 83.
292. *Горький М.* Песня о Соколе. Перевод на осет. яз. Нигера (И. В. Джанаева) // Ф. 28. Оп. 1. Д. 105.
293. *Джанаев И. В.* Перевод «Песни о Соколе» М. Горького. 12-21.09.1932 г. // Ф. 28. Оп. 1. Д. 106.

294. Джанаев И. В. О принципах художественного перевода и переводы «Интернационала» // Ф. 28. Оп. 1. Д. 96.
295. Дзахов И. Б. Зангиев — переводчик Л. Толстого // Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 41.
296. Дзахов И. Зангиев Бабу — переводчик Л. Толстого // Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 48.
296. Дзахов И. Некоторые итоги опыта переводов «Осетинской лиры» К. Хетагурова на русский язык // Ф. К. Хетагурова. Оп. 2. Д. 386.
297. Зангиев Магомет (Бабу) // Ф. Г. Дзагурова Оп. 1. Д. 69 и 69 «а».
298. Кандиев Б. И. Пушкин и Лермонтов в творчестве поэтов Северного Кавказа // Ф. 44 (лит.). Оп. 1. Д. 33.
299. Колиев Аксо // Ф. 44 (лит.). Оп. 1. Д. 7.
300. Колиев Аксо // Ф. 19. Оп. 1. Д. 217.
301. Колиев Аксо — первый осетинский просветитель // Ф. Бациева А. С. Оп. 1. Д. 84.
302. Короленко В. Г. Аууæттæ (фантази). Перевод Ц. Амбалова 1880-1890. В черновике был закончен 1924 г. 1 вариант // Ф. 10. Оп. 1. Д. 12.
303. Короленко В. Г. Аууæттæ (фантази). Перевод Ц. Амбалова. Продолжение дела № 12. В черновике был доработан 1925 г. 2 вариант // Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.
304. Коцоев А. Джанаспи. Пер. Д. Туаева // Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94. — 121 л.
305. Къоста. Особа. Этнографичон очерк. Пер. на осет. яз. Г. Джатиева (1936) // Ф. К. Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2. — 55 л.
306. Лагитяева А. И. Женские органы. Сылуæнгтæ. Перевод Ц. Амбалова (1923) // Ф. 10. Оп. 1. Д. 17.
306. Мамитов С. Книга для детей // Ф. Х. Черджиева. Оп. 1. Д. 51.
307. Первые памятники осетинской письменности //

- Ф. 19 (Алборова Б. А.). Оп. 1. Д. 1.
308. Перевод на осет. яз. Ц. Амбаловым «Устава осетинского историко-филологического общества» // Ф. 10. Оп. 1. Д. 21.
309. Предисловие к переводу Ц. Амбалова драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» // Ф. 10. Оп. 1. Д. 7.
310. Произведения А. С. Пушкина в переводе И. В. Джанаева («Ноджы райгуырæн бæсты», «Топпæхст», «Цырт», «Дурын уазæг») // Ф. 28. Оп. 1. Д. 107-111.
311. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Перевод на осет. яз. Х. Плиева // Ф. 61 (Лит.). Оп. 1. Д. 26.
312. Рклицкий М. В селах Осетии. Перевод Ц. Амбалова // Ф. 30 (Лит.). Оп. 1. Д. 13.
313. Толстой Л. Н. Бог един. Пер. на осет. яз. Ц. Амбалова // Ф. 10 (Лит.). Оп. Д. 6.
314. Туаев Д. Переводы произведений осетинских писателей // Ф. 50 (Лит.). Оп. 1. Д. 94.
315. Туганов Б. Перевод «Коммунистического манифеста» на дигорский язык (диалект) // Ф. 7 (Лит.). Оп. 1. Д. 12.
316. Фидаров Б. К вопросу о переводах Коцоева Арсена // Ф. А. Хадарцевой. Д. 39. — Л. 49-63.
317. Ф. Дзагурова. Д. 67 и 67 «а».
318. Хетагуров К. Л. Особа/Пер. на япон. яз. Като Кюдзо. Ученые записки государственного музея этнографии народов мира в Японии. 1977. №2. — С. 828-873 // Ф. К. Хетагурова. Оп. 1. Д. 399.
319. Цомак. Основные факты осетинской литературы // Ф. Ц. Гадиева. № 17-31. П. 4.
320. Шиллер Ф. Вильгельм Телль. Пер. Ц. Амбалова (первоначальная рукопись-черновик) // Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 9.
321. Шиллер Ф. Вильгельм Телль. Пер. Ц. Амбалова (второй вариант-черновик) // Ф. 10 (Лит.). Оп. 1. Д. 10.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

322. *Габисова С. З. А. С.* Пушкин и К. Л. Хетагуров // oss-ethnos.ru› philology...aspushkin...klhetagurov.html (дата обращения 28.05.2014).

323. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: в университетской типографии, 1862. — 1159 с. // <http://www.twirpx.com/file/430153/> (дата обращения: 21.07.2013).

324. *Дзицойты Ю.* История грузино-осетинского конфликта: короткая и кровопролитная война // www.iratta.com (дата обращения: 12.06.2012).

325. *Боциева Ф. А.* Стихотворение А. С. Пушкина «Я Вас любил» на осетинском языке (к вопросу воссоздания композиции и национально-специфических реалий подлинника) // rusnauka.com›27_NNM_2011/Philologia...93646.doc.htm (дата обращения 28.05.2014).

326. *Козлов А. С. В. Набоков* — переводчик. Проблема авторского перевода // <http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/580/1/Filolog.61.2004.110-116.pdf> (дата обращения: 20.07.2014).

327. *Сокаева Д. В. А. П.* Чехов в осетинских переводах (характеристика литературного процесса) // Материалы международной научной конференции «А. П. Чехов — универсальность, традиция и модернизм». Бухарест, 2010. — С. 123-130 // http://www.filologie-rusa.ro/revista/filologie_rusa_XXVII.pdf (дата обращения: 7.05.2014).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1-ОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	13
1.1. У истоков переводческого процесса в осетинской литературе XX века	13
1.2. Варианты перевода рассказа С. Гадиева «Азау» в осетинской литературе: проблема адекватной перекодировки текста.....	38
1.3. О переводе рассказа А. Цаликова «В абреки»: степень адекватности переводного текста	54
1.4. Русскоязычная проза К. Л. Хетагурова в осетинских переводах.....	65
1.5. Способы передачи комического при переводе повести А. Коцоева «Джанаспи».....	102
ГЛАВА 2. ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК.....	112
2.1. Художественный перевод повести А. С. Пушкина «Дубровский»: проблема передачи национального колорита	112
2.2. Грис Плиев — переводчик лирических произведений М. Ю. Лермонтова на осетинский язык.....	127
2.3. Перевод романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: семантика, прагматика, стиль	146
2.4. Стихотворения в прозе М. Горького в осетинских переводах: сравнительно-сопоставительный анализ	191

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ОСЕТИНСКОЙ ПРОЗЫ 2-ОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	217
3.1. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе	217
3.2. Интерпретация художественного произведения посредством авторизованного перевода (на материале перевода рассказа М. Цагараева «Мады зарæг» — «Материнская песня»)	242
3.3. Проявление творческой индивидуальности переводчика в художественном переводе (на материале перевода романа М. Булкаты «Нарт Сосланы æвдæм балц» — «Седьмой поход Сослана Нарты»)	254
3.4. Использование лексических трансформаций как способ достижения адекватности художественного текста	268
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	279
БИБЛИОГРАФИЯ	282

Научное издание

ДЗАПАРОВА ЕЛИЗАВЕТА БОРИСОВНА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 30.12.14.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бум офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Minion». Усл. п.л. 18,13.
Тираж 100 экз. Заказ № 122.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский,3